

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО № 1 (101)
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА 2008

ISSN 1991-9751

СЕРИЯ

«ЛИНГВИСТИКА»

Выпуск 6

ПОСВЯЩАЕТСЯ
65-ЛЕТИЮ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Редакционная коллегия:

д.филол.н., профессор **О.А. Турбина** (*отв. редактор*)
д.филол.н., проф. **Л.Г. Бабенко**, д.филол.н., проф. **Е.В. Харченко**,
д.филол.н., проф. **А.П. Чудинов**, к.филол.н., проф. **Т.Н. Хомутова**,
к.филол.н., доц. **С.С. Голубева**, к.филол.н., доц. **Е.А. Дамман**,
Е.С. Жеребятъева (*отв. секретарь*)

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАММАТИКА И СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

БОРОВИНА А.В., ПЕСТОВА Н.В. Некоторые способы языковой реализации несобственно-прямой речи в немецком и русском языках.....	3
ПОПОВА В.Б. Принципы выделения микрополя плана настоящего в чешском языке.....	7
РАДЧЕНКО Е.В. Устойчивость и динамичность фразеологизмов одного семантико- грамматического класса	10
ТУРБИНА О.А. Роль объективного логического лица в структуре предложения	16
ХОМУТОВА Т.Н. Модальность и наклонение в современном английском языке.....	19

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

ГОЛУБЕВА С.С. Отражение категории гендера в семантике и грамматических формах одушевленных существительных	24
ХАРЧЕНКО Е.В. Профессиональное общение как межкультурная коммуникация	27
ЧЕРНИКОВА Е.М. Эвфемизация демонимов в русском языке.....	29

ЯЗЫКИ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

БЕЛОВА И.В., ПАВЛОВА Ю.Е. Лексико-семантические особенности военного сленга в американском варианте английского языка 33

БИНЬКОВСКАЯ М.В. Формирование предлогов со значением условия и уступки в деловом языке второй половины XVIII века (по материалам ОГАЧО) 39

МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВА А.П., ВДОВИНА О.А. Становление терминологии международных отношений 42

ЛИНГВОДИДАКТИКА

ГОНЧАРОВА Н.А., КРЕТИНИНА Г.В. Закономерности приобретения иноязычных знаний: логический аспект обучения 49

ЕГОРОВА Л.Ф. Обучение научному и военному английскому на курсе по подготовке переводчиков 55

КРЕТИНИНА Г.В., ГОНЧАРОВА Н.А. Обучение устному иноязычному общению с опорой на пространственно-временные координаты иноязычного коммуникативного пространства 60

ХОМУТОВА Т.Н. Двухуровневая система образования и обучение переводу..... 66

ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

ВЛАСОВА Ю.А. Национально-культурные особенности текстов инструктивного характера..... 71

ПОБИРЧЕНКО А.М. Специфика оценочных жанров в контексте типологии современной публицистики 76

ПОЛЗУНОВА М.В. Изучение речевого жанра «Объяснение в любви» в контексте художественной речи (на материале художественного произведения Джона Голсуорси «Сага о Форсайтах»)..... 79

ПРОШИНА А.А. Экономика: формирование понятийной сферы и терминосферы в русском и немецком языках 83

УРУМАШВИЛИ Е.В. Повествователь как реализатор прагматических функций форм времени глагола в художественном тексте (на материале романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»)..... 88

ФУРСОВА И.Н. Милитарная метафора в художественной картине мира Джона Голсуорси..... 93

РЕЦЕНЗИИ

МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВА А.П. О юбилейной конференции «Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики» (Челябинск, ЮУрГУ, 10–14 декабря 2007 г... 98

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 100

ГРАММАТИКА И СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 8.08
ББК Ш143.24-7

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

А.В. Боровина, Н.В. Пестова

Изучение несобственно-прямой речи традиционно проводилось на материале многих языков в лингвистике, этому явлению посвящены работы известных философов языка и литературоведов, занимающихся исследованием художественно-поэтических систем и самобытности языка крупнейших прозаиков в истории литературы. Однако системных типологических исследований способов выражения НПР в двух и/или более языках на сегодняшний день в сопоставительной и типологической лингвистике нет. Данная статья намечает такие исследовательские стратегии, которые позволят провести системное сопоставительное исследование всех имеющихся способов выражения НПР в русском и немецком языках, установить их сходства и различия. Результаты такого исследования имеют большое практическое значение как для сравнительной типологии двух языков, так и для практики художественного перевода.

Несобственно-прямая речь (далее НПР) в современной лингвистике не имеет однозначного толкования. Являясь одним из типов передачи чужого высказывания, она имеет обширную и полемическую историю изучения. В течение XX века многие выдающиеся ученые пытались максимально приблизиться к сути этого многогранного явления с лингвистических и эстетических позиций, что послужило причиной возникновения различных терминов: «пережитая речь», «скрытая речь», «завуалированная речь», «свободная косвенная речь», «несобственно-прямая речь», «несобственная косвенная речь», «несобственная авторская речь», «непрямая речь автора», «несобственная речь героя», «непрямая», «смешанная», «авторское смешение косвенной и прямой речи», «косвенно прямая», «замещенная прямая», «пересказанная», «фигуральная», «внутренний монолог», «речь как факт», «речь в речи» и т.д.

В современном языкознании под НПР понимается модификация прямой речи, форма косвенной речи, «своеобразное смешение прямой и косвенной речи»¹. О.И. Москальская рассматривает НПР в виде «пережитой речи» (*erlebte Rede*)². На наш взгляд, наиболее верной и объективной интерпретацией является характеристика НПР сторонниками концепции «контаминированной речи» (Есин А.Б., Солганик Г.Я., Шарапова Ю.В.). НПР рассматривается как особый вид повествования, заключающийся в смешении/совмещении субъектных планов ав-

тора и персонажа, каждый из которых при этом теряет отчасти свою специфику, в результате чего создается новое явление, несущее в себе разноплановые характеристики. Так, Г.Я. Солганик считает, что специфика НПР «заключается в особой форме, способе передаче чужого высказывания – в двуплановости, что позволяет тонко, как бы изнутри характеризовать героя. НПР, как один из способов представления чужой речи, придает тексту гетерогенный характер за счет присутствия другого, по отношению к присутствующему, голоса»³. Надо отметить, что структура НПР сама по себе гетерогенна, так как ее формируют единицы разных уровней языка. Свое начало НПР берет в формах прямой и косвенной речи. В зависимости от границ НПР может быть ближе соотнесена к позиции автора или же к позиции персонажа. Отсутствие четких границ НПР свидетельствует о том, что мы имеем дело с возможностью близкого соотнесения НПР с речью автора.

Если НПР легко обнаруживается, то она будет ближе к косвенной речи и будет в основном принадлежать к речи персонажа. Признаки, которые отличают НПР от косвенной речи:

– преобладание индикативных глагольных форм, а именно претеритальных, претерит приобретает значение настоящего или будущего, плюсквамперфект – значение прошедшего, иногда будущего;

– для НПР характерно употребление восклицательных, вопросительных, неполных, односоставных предложений;

– в НПР могут употребляться диалектизмы, жаргонизмы, междометья, частицы.

От прямой речи НПР отличают следующие признаки:

– сдвиг времен в плоскость прошедшего и двуплановость изображения;

– относительное употребление времен, возникающее, если точкой измерения времени является не момент речи, а временной план соседних предложений;

– транспозиция лица: вместо 1-го лица единственного или множественного числа употребляется 3-е лицо.

В тексте НПР реализуется на трех уровнях: грамматическом, синтаксическом и лексическом. Грамматико-морфологические признаки тесно связаны с такими категориями, как время, вид, коммуникативные регистры и лицо. В тех случаях, где НПР выявляется на фоне темпоральной структуры, функция временных форм глагола, реализующаяся через соответствующий коммуникативный регистр в тексте, состоит в том, что гомогенностью или гетерогенностью своих объединений указывает на границы фрагментов (предложений) с НПР в тексте. Система временных глагольных форм особенно ярко выражена в немецкой НПР. Сдвиг времен (*Tempusverschiebung*) является в большинстве случаев основным структурообразующим фактором. Сущность сдвига времен состоит в том, что глагольные формы репродуцируемого высказывания согласуются во временном плане с претеритальным авторским контекстом, формально смещаясь на одну ступень дальше в плоскость прошедшего. Презенсу индикатив во всех его значениях соответствует претерит индикатив, перфекту и претериту индикатив – плюсквамперфект индикатив. Плюсквамперфект индикатив, употребленный в НПР, сохраняет фактическое временное содержание перфекта индикатива и используется для выражения прошедшего и будущего, а претерит индикатив сохраняет фактическое временное содержание презенса индикатива и используется для выражения настоящего и будущего. Футурум I и II первоначального высказывания «сдвинуть» нельзя, так как такой формы в немецком языке не существует. В связи с этим, когда необходимо специализированное средство выражения будущего, в НПР на общем индикативном фоне употребляется кондиционалис I или II⁴.

Многие лингвисты считают свойственным НПР относительное значение времени, возникающее, если точкой измерения времени является не момент речи, а временной план соседних предложений. Относительное значение имперфекта, употребленного с точки зрения персонажа (говорящего субъекта), является в НПР средством выражения его мысли, тесно вплетенной в повествование авто-

ра (передающего субъекта). В русском языке временной план первоначального высказывания обычно не претерпевает в НПР формальных изменений и соответствует фактическому временному содержанию глагольных форм, поскольку для русского языка не характерно строгое согласование времен. Особое место занимает конъюнктив/сослагательное наклонение. С помощью конъюктива выражается нереальность (нереальное желание, нереальное условие, нереальное сравнение, нереальное следствие, нереальная уступка), возможность, (по)желание, побуждение, предположение, сомнение или неуверенность. В «Русской грамматике» под ред. Н. Ю. Шведовой представлены следующие формы сослагательного наклонения: условное наклонение, желательное наклонение, побудительное наклонение и долженствовательное наклонение⁵.

Между конъюнктивом в немецком языке и сослагательным наклонением в русском языке как в образовании, так и в употреблении также имеются большие различия. Конъюнктив/сослагательное наклонение глагола выражает:

а) нереальное желание (*Irrealer Wunschsatz*);

б) нереальное условие в сложноподчиненном предложении (*Irrealer Konditionalsatz*);

в) нереальное сравнение (*Irrealer Komparativsatz*).

Ирреальная модальность конъюктива в немецком языке связана с категорией времени, т.к. по его форме можно определить время действия или события. В русском языке глагол с частицей *бы* не выражает времени, т.е. невозможно определить время действия или события. Так, в немецком языке *Präteritum Konjunktiv und Konditionalis I* – выражают настоящее и будущее время, а *Plusquamperfekt Konjunktiv und Konditionalis II* – прошедшее время. *Präteritum* и *Plusquamperfekt Konjunktiv* отображают ситуации, которые говорящий относит к виртуальным (ирреальным). Эти формы означают намерение, условие, желание героя, произносящего данную фразу, которые не осуществимы в действительности, поэтому уместно говорить о выражении субъективного оттенка предположительности, неуверенности.

В формах конъюктива с потенциально-ирреальным значением субъективно-модальное значение проявляется особенно ярко, указывая на принадлежность высказывания речи персонажа. Такие предложения часто вопросительные и интонация вносит в высказывание эмоционально-экспрессивный оттенок, что является дополнительным указанием на голос персонажа. Выбор временной формы в НПР объясняется также модусом персонажа (модус воспоминания, модус размышления, модус знания).

Одним из признаков НПР считается категория лица. Форма 3-го лица – основная личная форма авторского повествования в нарративном тексте. 3-е лицо включает в себя нечто субъективное, связанное с прямым участием говорящего субъекта в пе-

редаче своего высказывания. Отмечается также, что в НПР встречается 1-е и 2-е лица, например, если автор и герой входят в одну и ту же группу людей, при употреблении фразеологизмов, обобщенно-личных, побудительных предложений, в которых повелительное наклонение выполняет функцию выражения различных модальных оттенков⁶.

В коммуникативных регистрах, т.е. моделях/способах восприятия и представления действительности, Г.А. Золотова выделяет пять типов.

1. Репродуктивный (изобразительный) регистр – сообщает о наблюдаемом, с подрегистрами повествовательным и описательным.

2. Информативный регистр – сообщает об известном говорящему, об осмысляемом, интерпретируемом.

3. Генеритивный регистр – обобщает знание, мнение, выводя за пределы текстового времени.

4. Волонтивный регистр – побуждает адресата к действию.

5. Реактивный регистр – выражает оценочную реакцию на речевую ситуацию.

В тексте коммуникативный регистр реализует свою модель с помощью совокупности языковых средств⁷.

Структурными типами НПР, согласно Чумакову Г.М., являются: 1) синтаксические – двухкомпонентные конструкции с НПР, – состоящие из репрезентируемой части (ввод) и вводимой (НПР); 2) особые двухчастные структуры придаточного подчинения, – с НПР в виде придаточного предложения, относящегося к ядру ввода репрезентирующего компонента, – придаточная НПР; 3) синтаксически самостоятельные, однокомпонентные структуры НПР, реализуемые без помощи вводов⁸.

НПР может быть также оформлена в виде вставки в предложение добавочных сообщений, замечаний, уточнений, пояснений. Разрывая синтаксическую целостность предложения, вставные структуры, которые чаще всего сопровождаются вопросительной интонацией, вносят в высказывание дополнительную окраску, заставляют звучать голос персонажа; при общем нейтральном характере основного высказывания вставные структуры часто являются единственным маркером соотношения фразы с речью героя. Иногда подобные вставки связаны с выражением эмоционального или модального отношения говорящего к сообщению.

Для НПР характерна следующая пунктуация: НПР кавычками не выделяется, представляя собой своеобразное средство выражения участия автора в передаче речи героя. НПР, как прямая речь, может вводиться в текст препозитивной авторской ремаркой. Авторское вводящее предложение и НПР соединяются друг с другом как части бессоюзного сложного предложения. К синтаксическим признакам НПР относится употребление разнообразных конструкций экспрессивного синтаксиса: восклицательных и вопроси-

тельных предложений, вопросно-ответных комплексов, словесных повторов. Вопросительные предложения часто содержат вопрос, который не требует ответа, не направлен на получение какой-либо информации, возникает т.н. «формальный вопрос» с нулевой степенью вопросительности. Такие предложения выражают незнание того, как поступить, неуверенность в возможности осуществления действия. Для восклицательных предложений характерно наличие информации оценочного характера, это говорит о стремлении автора показать отношение персонажа к изображаемому. Повторы, в том числе дистантные, передают динамику развития мыслей персонажа. Все подобные высказывания относятся к внутренней, а не к произнесенной речи персонажа, и сопровождаются различными эмоциональными оттенками: недоумением, возмущением, нерешительностью.

Существует мнение, что лексические признаки являются основными признаками НПР. Так, А.А. Андриевская, обобщая типические формы осуществления этого стилистического приёма в различных языках, считает, что русскому языку особенно свойственен так называемый «лексический тип НПР». К лексическим признакам, характеризующим НПР и в русском, и в немецком языках, относятся: усилительные модальные частицы («даже» ‘selbst’, «ну» ‘nun’ «ведь» ‘doch’), вопросительные модальные частицы («неужели» ‘wirklich’, «ли» ‘ob’ «разве» ‘denn’), формообразующие (бы – для образования условного наклонения), неопределённые местоимения («кто-то» ‘jemand’), отрицательные местоимения («никто» ‘niemand’), также лексические единицы, характерные для разговорной речи, которые приносят в высказывание дополнительные экспрессивные оттенки.

Обращает на себя внимание использование некоторых видов вводных слов с различными модальными оттенками. Так, среди лексических средств заметное место занимают вводные слова, выражающие предположение, неуверенность. Вводные слова с модальным значением предположения не случайно находят применение в НПР, они вводятся в повествование там, где предположение не может исходить от автора. Дополнительная семантика субъективной оценки может возникнуть в речи повествователя за счет открывающих предложение афfirmативных слов «да» ‘ja’ или «нет» ‘nein’, которые усиливают утвердительный или отрицательный смысл повествовательного предложения с точки зрения персонажа.

Таким образом, для НПР характерно использование целого ряда средств – лексических, морфологических, синтаксических, которые наделяют высказывание модальным или эмоциональным значением, заключающимся в установлении отношения мыслей персонажа к действительности одновременно в синтаксическом плане автора и в семантическом плане персонажа.

¹ Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. М., 1998. С. 436.

² Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981. С. 37.

³ Солганик Г. Я. Стилистика текста. М., 2000. С. 119.

⁴ Жеребков В. А. К вопросу о несобственно-прямой речи в современном немецком языке // Уч. зап.: Сер. «Иностр. языки». Владимир, 1968. Т. 55. С. 58–64.

⁵ Шведова Н. Ю. Русская грамматика. М., 1982. Т. 3: Синтаксис. С. 102–117.

⁶ Инфантова Г. Г. К вопросу о несобственно-прямой речи // Уч. зап. Таганрогского пед. ин.-та. Таганрог, 1958. Вып. 6. С. 79–113.

⁷ Золотова Г. А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. С. 59.

⁸ Чумаков Г. М. Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев, 1975. С. 95–99.

ПРИНЦИПЫ ВЫДЕЛЕНИЯ МИКРОПОЛЯ ПЛАНА НАСТОЯЩЕГО В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

В.Б. Попова

Исследование опирается на принцип деятельности и заключается в выявлении связи между употреблением наречий времени и теми ситуациями, в которых они используются, а также в установлении правил их употребления для типичных случаев коммуникативно-ориентированного речевого поведения.

Связывая языковые значения с фактами действительности, мы получаем основу для выявления универсальных и национально своеобразных черт в семантике чешского языка, при этом выявляется общность фактов, которые ранее представлялись разрозненными.

Эгоцентричные слова, т.е. наречия времени обладают некоторыми универсальными чертами и рядом особенностей, специфичных для каждого естественного языка, которыми являются русский и чешский языки. Говорящий человек является точкой отсчёта в акте коммуникации, а ссылка на говорящего является ядро толкования эгоцентричных слов, т.е. наречия времени фигура говорящего организует семантическое пространство высказывания.

По утверждению Ю.Д. Апресяна, начиная с Г. Рехенбаха, временной дейксис описывается с помощью трёх понятий: времени данной речи, времени событий и точки отсчёта во времени¹. Учитывая вышеизложенное, следует к этим понятиям добавить понятие времени говорящего. Представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчёта², поскольку ситуация непосредственного общения по поводу фактов реального мира связана с первичной коммуникативной ситуацией³.

Каждый человек отражает мир со своей личной точки зрения. Согласно Лейбницу и Апресяну человек есть нечто отдельное не только по отношению к другим людям, но и по отношению к своему собственному прошлому⁴. Когда произносят слово ТЕПЕРЬ, то отражается вселенная посредством настоящего содержания своего мышления, т.е. последовательный анализ постепенно ведёт нас к мышлению в отдельный момент

Лингвисты не раз обращались к тому факту, что существует не только общественное время: физические события и психические, но и личное время в личной памяти. Если обратиться к наречию в чешском языке и в русском ТЕПЕРЬ, то эти наречия указывают на личное время ТЕПЕРЬ в общественном времени и на личное время ТЕПЕРЬ в личном пространстве ТЕПЕРЬ имеют сходное двойственное значение субъективное и объективное. Личная временная последовательность бывает различна не только у разных лиц, но и в разные моменты жизни одного и того же лица⁵.

Временное пространство – это семантически целое, элементами которого являются взаимодействующие речевые реализации языковых значений, выраженных средством языка, учитывается при этом: 1) языковое содержание текста; 2) контекстуальная информация; 3) ситуативная информация; 4) энциклопедическая информация; 5) все прагматические элементы дискурса, существенные для передаваемого и воспринимаемого смыслового содержания⁶. Обобщая лексические значения наречий времени соотнесенности с настоящим мы выделяем центр этой группы.

Все наречия, которые входят в анализируемую лексико-семантическую группу, выражают отнесенность действия, события к временному плану настоящего и объединены общей семой «одновременность» с моментом речи. К данной группе, относят следующие наречия: *ted'*, *nyní*, *právě*.

К указанной группе наречий мы относим и наречие *dnes* (*dneska* – *dual.*), которое является не только показателем светлой части дня, но и имеет сему «одновременность» с моментом речи. Наречия *ted'*, *nyní*, *dnes*, *právě* соотнесены с действием, событием, происходящим в настоящее время. Тот промежуток времени, в котором происходит действие, различен по своей протяженности. Действие может быть и в настоящее время (длительное) и в данный момент. Именно на момент протекания действия и указывают наречия *ted'*, *nyní*, *dnes*, *právě*.

Сема «одновременность» не единственная в семантике перечисленных наречий, поскольку кроме доминирующей семы «одновременность» выделяются и другие семы. Для ситуаций, которых данные наречия могут находиться либо в ядре, либо на периферии, условием, способствующим включению в ядро, является то обстоятельство, что все рассматриваемые наречия должны иметь доминирующую сему «одновременность». В результате анализа словарных дефиниций путем разложения семантики наречий времени, выражающих отнесенность к настоящему, на минимальные элементы – семы, выявляется интегрирующая сема «одновременность».

Например, семантику наречия *dnes* можно представить комплексом сем: «конкретность», «кратковременность», «одновременность». Тот промежуток времени, который обозначается наречиями времени рассматриваемого микрополя, может быть различным по своей протяженности.

Наименьшая длительность происходит тогда, когда анализируемые наречия указывают на то, что действие происходит в данный момент, в данную минуту. *Pamatuji se jako dnes* (ČRS, I, 27) // Я помню как сейчас. *Nyní půjdeme na procházku* (ČRS, I, 487) // Сейчас мы пойдём на прогулку. *Počkejte, teď nemám čas* (ČRS, II, 424) // Подождите, сейчас у меня нет времени. *Musí se to udělat hned teď* (ČRS, II, 424) // Это надо сделать сейчас же.

Несмотря на то, что наречия *dnes*, *teď*, *nyní* в данной ситуации переводятся одним и тем же русским наречием сейчас и, казалось бы, могли быть взаимозаменяемыми, но если в предложении вместо наречий *dnes* и *nyní* подставить наречие *teď*: *teď půjdeme na procházku*, то предложение следует перевести таким образом: Теперь пойдём на прогулку, так как наречие *teď* противопоставляется наречиям *dnes* и *nyní* дополнительным семантическим признаком – «противоположение прежним обстоятельствам, условиям».

Замена наречия *teď* другими наречиями возможна, но при этом теряется оттенок противопоставляемости прежним условиям, обстоятельствам. Наречия *dnes*, *nyní* могут иметь и имеют указанный оттенок, но для этого нужен соответствующий контекст. Семантическая структура рассматриваемых наречий неоднородна.

Наибольшая длительность выражается этими же наречиями, но в другой ситуации, когда рассматриваемые наречия указывают на то, что действие происходит с определенного момента в настоящее время, и время не ограничивается, иными словами, в их значении можно выделить семы: «одновременность», «длительность», «неопределенность». *Teď je vědec, teď má byt, dříve neměl* (VRČS (5), II, 43) // Теперь он ученый, теперь у него квартира есть, а тогда (= раньше) не имел. *Tehdy jsme začínali přípravu věci z prostředku, teď začínáte z kraje* (VRČS (5), II, 43) // Тогда мы начинали подготовку с центра. Теперь мы начинаем с периферии. *Nová majitelka dala vykácet břízy, které začaly od silnice; darmo by zabíraly slunce nově založenému alpinu. Do zahrady je nyní vidět jako na jevišti* // Новая владелица велела выкорчевать березы, закрывавшие сад от проезжей дороги; они зря заслоняли новую альпийскую лужайку от солнца. Теперь в сад можно смотреть, как на сцену. ...*tehdejší prodávky stokrát se tu vyplatily a vyrábí dnes a trží, až oči přecházejí* // ...единовременный убыток позднее был покрыт с лихвой, и сейчас [Казмар]

vyпускает и продает столько товара, что разбегаются глаза.

Наречия *dnes*, *nyní*, *teď* могут быть взаимозаменяемы в значениях, когда указывают на то, что действие происходит в настоящее время вообще и когда указывают на то, что действие происходит в настоящее время по сравнению с прошлым.

Проследим взаимозаменяемость на примере: *Dnes je mi do smíchu, když si na to vzpomenu, ale tenkrát jsem se cítil všelijak*. // **Теперь-то** мне смешно вспоминать об этом, а тогда я чувствовал себя не в своей тарелке.

Если мы произведем замену наречия *dnes* на наречия *nyní* и *teď*, то смысл рассматриваемого предложения не изменится: *Dnes je mi do smíchu... / teď je mi do smíchu... / nyní je mi do smíchu*.

Здесь следует отметить, что семантика каждого наречия представляет собой набор различных семантических признаков. Объединяющей, интегрирующей для всех членов данной лексико-семантической группы является сема «одновременность», в которую органически сливаются семы анализируемых наречий. Этот факт еще раз подчеркивает специфику их основной соотносительности как членов единой лексико-грамматической группы.

Итак, в микрополе плана настоящего выделяется последовательно одно за другим четыре временных действия. Во-первых, – это «неограниченное настоящее», где рассматриваемые нами наречия, как в чешском, так и в русском языке указывают на то, что действие происходит в настоящее время; во-вторых, выделяется «точечное настоящее», где рассматриваемые нами наречия конкретизируют действие, которое происходит в данную минуту; в-третьих, выделяется «настоящее относительное», где чешские наречия и русские наречия указывают на то, что действие происходит в настоящее время по сравнению с тем, что было раньше; в-четвертых, выделяется «перспективное настоящее», где чешские и русские наречия указывают на то, что действие происходит в настоящее время с этого момента. Причем, можно отметить, что чешские *teď*, *dnes*, *nyní*, составляющие микрополе плана настоящего, находясь в той или иной позиции, могут быть взаимозаменяемы.

В чешском наречии *dnes* помимо вышеперечисленных признаков имеется еще один дополнительный признак – «светлая часть суток»: наречие *dnes* является показателем отнесенности к светлой части суток. В русском наречии сегодня также выделяется дополнительный признак – показатель светлой части суток. Данного признака не имеют ни наречия *teď*, *nyní*, ни наречия сейчас, ныне, теперь.

В качестве объединяющего семантического начала отчетливо обозначились четыре семантических признака, которые органически сливаются в одно общее микрополе плана настоящего.

В конкретных речевых контекстах, т.е. в определенных условиях, каждый из членов микрополя настоящего по отношению к любому другому наречию является его речевым синонимом при условии, что их семантические признаки пересекаются в структуре микрополя, что обусловлено степенью системной соотнесенности наречий времени микрополя плана настоящего.

¹ Семиотика и информатика. Вып. 35. М., 1997.

² Там же. С. 284.

³ Там же. С. 296.

⁴ Там же. С. 103.

⁵ Там же. С. 256.

⁶ Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики. Текст. Структура и семантика. Т.1. М., 2001. С. 4.

УСТОЙЧИВОСТЬ И ДИНАМИЧНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ОДНОГО СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО КЛАССА

Е.В. Радченко

Статья посвящена одной из важнейших проблем современной лингвистики – проблеме устойчивости и динамичности языковой единицы. В работе выявлена внутренняя противоречивость языковой единицы на примере личных форм процессуальных фразеологизмов.

П.1. Изучение глагола и его грамматических категорий – тема, постоянно привлекающая к себе внимание исследователей. Каждый ученый обращается к проблеме изучения глагола со своей целью. В центре нашего внимания – динамика процессуальных единиц. Следует отметить, что большинство теоретических работ, посвященных глаголу, носит описательный характер, поэтому в них представлена статическая картина.

Эту же мысль высказывает коллектив авторов монографии «Межкатегориальные связи в грамматике»: «Несколько упрощая реальное положение дел, но отнюдь не искажая его, можно утверждать, что традиционное описание знаменательных частей речи (и прежде всего – глагола) в основном сводится к характеристике грамматических категорий. Иллюстрировать этот тезис можно, сославшись на «Русскую грамматику» под ред. Н.Ю. Шведовой (М., 1980. Т. 1), где описание глагола фактически состоит из двух разделов: грамматические категории глагола (вид, залог, наклонение, время, лицо, число, род) и словоизменение глагола»¹.

По существу та же схема представления глагола как части речи принята и в учебных пособиях по современному русскому языку. Они являются описательными работами, поэтому основное внимание авторов сосредоточено на статическом материале.

А между тем глагол, как и любая другая часть речи, находится в постоянном развитии. Эта идея была высказана еще в работе А.А. Потемни: «Понимая язык как деятельность, невозможно смотреть на грамматические категории, каковы глагол, существительное, прилагательное, наречие как на нечто неизменное, раз и навсегда выведенное из всегдашних свойств человеческой мысли»².

С нашей точки зрения, изучение постоянного и неуклонного движения языковой единицы является одним из перспективных направлений в современной лингвистике, так как, по нашему мнению, изучение ее динамики позволяет ученому открыть универсальные законы языка. В ходе анализа материала нами было выявлено, что любое изменение языковой единицы происходит на фоне ее устойчивости. Названная закономерность является универсальной для всех языковых единиц.

Начиная с 10 века язык, сохранил основные свои грамматические и фонетические свойства.

Это говорит об его устойчивости. Грамматический строй представляет собой наиболее устойчивую часть языка. Однако при всей его устойчивости он, тем не менее, изменяется. Изменения, имеющие место в грамматическом строе, могут носить различный характер. Они могут касаться отдельных форм. Такие изменения, не затрагивающие основ грамматического строя, могут осуществляться на протяжении сравнительно небольшого времени. На протяжении длительного времени могут осуществляться и более существенные изменения, приводящие, в конечном счете, и к перестройке основ грамматического строя данного языка.

Нами было проанализировано 1760 процессуальных фразеологизмов в 16 000 употреблений. Судя по нашему материалу, 1500 ФЕ в 9900 употреблениях функционирует в речи в личной форме, что составляет 62 % от всего количества процессуальных фразеологизмов.

Личные формы занимают особое место среди всех типов форм процессуальных единиц. В них наиболее ярко, богато проявляется процессуальная семантика. Названные формы наиболее устойчиво выражают значение процессуального класса – обозначают любые действия, состояния, изменения как процесс, связанный с источником. Среди процессуальных фразеологизмов в личной форме абсолютное большинство единиц является устойчивым – 90 % ФЕ. В массовом материале устойчивые фразеологизмы в личной форме обозначают активную деятельность: интеллектуальную, социальную.

Процессуальное значение у личных форм представлено самым большим количеством грамматических категорий – категорией лица, залога, времени, вида, наклонения.

В современной лингвистической теории одним из фундаментальных положений следует признать положение о том, что любая грамматическая категория представляет собой неразрывное диалектическое единство «внешнего строения, внутреннего содержания и функционального назначения»³.

Все морфологические категории у устойчивых процессуальных фразеологизмов являются живыми, функционирующими, имеющими значение и форму. Это свидетельствует о се-

мантической и грамматической устойчивости процессуальных фразеологизмов.

Так, процессуальный фразеологизм *брать / взять верх* (над кем, чем) является многозначным. В обоих своих значениях: 1) подчинять себе, своей воле кого-либо, главенствовать над кем-либо, побеждать кого-либо; 2) превосходить в каком-либо отношении, одолевать, побороть, восторжествовать, возобладать; обозначает «социальные отношения», относится к семантической группе «победы и поражения». В нашей картотеке насчитывается 134 употребления названной единицы. Из них абсолютное большинство – личных форм: 123 употребления:

Она (бабушка) платила ему такой же дружбой, но в тоне ее было больше живости и кротости. Она даже **брала** над ним **верх**, чем, конечно, была обязана бойкому своему нраву (И.А. Гончаров. Обрыв); Вспомнилось, – в одной статье я читал: В бою в человеке борются две силы: сознание долга и инстинкт самосохранения. Вмешивается **третья сила** – дисциплина, и сознание долга **берет верх** (А. Бек. Волоколамское шоссе).

Приведенные личные формы процессуального фразеологизма *брать / взять верх* (над кем, чем) являются устойчивыми и активными. Они обладают полной парадигмой грамматических форм. В первом факте значение процесса выражается грамматическими формами третьего лица, залога (имеет при себе объект, выраженный местоимением в форме творительного падежа с предлогом *над*), прошедшего времени, несовершенного вида, изъявительного наклонения; во втором – формой третьего лица, залога (потенциально объектный), настоящего времени, несовершенного вида, изъявительного наклонения.

Как показывает наш материал, фразеологизмы, сохраняющие свою процессуальность, в абсолютном большинстве употребляются в личной форме: *выдвигать/выдвинуть на передний план* (кого, что) «становиться важным» из 92 – 82 употребления в личной форме; *брать / взять в свои руки* (кого, что) 1) подчинять кого-либо своей воле, держать в повиновении; 2) принимать на себя руководство чем-либо, возглавлять что-либо; 3) силой овладеть чем-либо из 77–75; *бить / забить тревогу* «обращать всеобщее внимание на грозящую опасность, стремясь предупредить ее, призывая к борьбе с ней» из 67 – 66; *играть роль* (в чем) 1) являться чем-либо, выполнять какую-либо функцию; 2) иметь то или иное значение из 100 – 76; *иметь в виду* (кого, что) 1) подразумевать кого, что-либо; 2) учитывать что-либо; 3) замышлять, намереваться из 254 – 200.

По мнению академика В.В. Виноградова, «Глагольное слово с богатством и разнообразием значений сочетает богатство и разнообразием форм»⁴.

Так, многозначный фразеологизм *обращать/обратить внимание* (на кого, что) 1) учитывать

что-либо; 2) интересоваться чем-либо; 3) указывать кому на что; 4) замечать что-либо, хотя в большинстве случаев употребляется в личной форме (из 169–126), имеет полную парадигму грамматических форм. Приведем лишь некоторые факты употреблений единицы в разных формах (см. таблицу).

Таблица

Личн. ф.	Орлов первый обратил внимание на блестящие мелкие камешки, изредка попадавшие среди черного щебня и очень ярко светившиеся на темной почве. (И. Ефремов. Дорога ветров)
Прич. ф.	(Анна – Е. Р.) вышла, первое лицо, обратившее ее внимание , было лицо мужа. (Л.Н. Толстой. Анна Каренина)
Дееприч. ф.	Княжна Марья вызвала его (князя Андрея-Е. Р.) из рассеянности, обратив его внимание на племянника, который вошел в комнату. (Л.Н. Толстой. Война и мир)
Инфинитив	Самгин был слишком поглощен собою, для того, чтоб обращать внимание на комизм этих заседаний. (М. Горький. Жизнь Клима Самгина)
Ф. 1 л., мн. ч., объект в ф. В. п. (на), буд. вр., сов. в., изъявит. накл.	Уточнение, на которое мы обратим внимание здесь, касается так называемого троичного характера процесса развития (А.С. Арсеньев. Анализ развивающегося понятия)
Ф. 1 л., ед. ч., Потенциально объектный, наст. вр., несов. в., изъявит. накл.	Между тем В. В. Путин еще в прошлогоднем послании Федеральному собранию сказал: « Обращаю внимание , что ориентиром для принятия необходимых решений должна быть реализация общегосударственных задач, а не интересы отдельных компаний» (Советская Россия. 2005. 7 июля)
Ф. 3 л., мн. ч. объект в ф. Р.п., В.п (на), наст. вр., несов. в., изъявит. накл.	При этом заявители обращают внимание Верховного суда Российской Федерации не только на отдельные противоречия российскому законодательству большинства заключений Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, но и в большинстве случаев и на прямое его нарушение (Советская Россия. 2005. 30 апреля)

Окончание таблицы

Ф. 3 л., мн. ч. объект в ф. В.п. (на), прош. вр., несов. в., изъяв. накл.	<i>Двое молодых адвокатов...перешептывались...и мало обращали внимания на своих подзащитных (М. Горький. Жизнь Клим Самгина)</i>
Ф. 3 л., ед. ч., Потенциально объектный, прош. вр., сов.в., изъяв. накл.	<i>Взор его (Галицына) невольно стал шарить по прилегающим высотам. И тут он обратил внимание, что две из них...не заняты повстанцами (Е. Федоров. Каменный пояс)</i>
Ф. 2 л., ед. ч. объект в форме В (на), сов. в., пов. накл.	<i>[Макаров-Самгину:] – Обрати внимание на рыжего мальчишку – удивительно интересен! (М. Горький. Жизнь Клим Самгина)</i>
Ф. 2 л., ед.ч. объект в форме В. п. (на), усл. накл.	<i>Если бы я искал скрытый сакральный смысл в цифрах, то, наверное, обратил бы внимание на то, что отмена праздника пришлось именно на 88-ю годовщину Великой Октябрьской Социалистической Революции (Советская Россия. 2005. 15 ноября)</i>

Как видно, процессуальный фразеологизм *обращать / обратить внимание (кого на что)* является устойчивым, имеет полную парадигму форм – личную, причастную, деепричастную, инфинитив. Процессуальная семантика в нем оформляется категориями лица, залога, времени, вида, наклонения.

В личной форме названная единица может употребляться в формах 1, 2, 3 лица; является объектной (имеет объект в форме винительного падежа с предлогом *на*); может иметь форму будущего, настоящего, прошедшего времени; совершенного/несовершенного вида; изъявительного, условного, повелительного наклонения.

Таким образом, устойчивые единицы составляют основу, базу процессуального класса фразеологизмов. Названные единицы представляют собой сложное явление, которое включает в себя устойчивость значения и формы. Процессуальные фразеологизмы, как правило, обладают полной парадигмой форм и грамматических признаков, в большинстве употреблений функционируют в речи в личной форме. Грамматические категории, оформляющие процессуальную семантику, в устойчивых процессуальных фразеологизмах являются живыми, обладающими формой и значением.

П.2. Как уже отмечалось, личные формы процессуальных фразеологизмов наиболее устойчиво выражают значение процесса. Но вместе с тем наряду с устойчивостью названные формы обнаруживают различные проявления семантического и

грамматического динамизма. Судя по нашему материалу, динамичные или диалектичные единицы составляют 10% от всего количества личных форм процессуальных фразеологизмов. Низкий процент динамичных личных форм процессуальных фразеологизмов свидетельствует о том, что процессуальные фразеологизмы являются устойчивыми. Но тем не менее на нашем материале можно исследовать проблему динамичности фразеологических единиц целого класса, так как все изменения зарождаются в отдельной единице или в группе единиц, именно здесь заложены основные тенденции развития семантико-грамматического класса. В этом проявляется универсальный принцип соотношения частного и общего.

В лингвистической литературе традиционно отмечается высокая степень мобильности значения языковой единицы по сравнению с его грамматической формой. Судя по нашему материалу, самым активным является движение личных форм процессуальных фразеологизмов в класс призначных единиц.

Мы поддерживаем мнение современных лингвистов о том, что в центре каждой части речи располагаются слова, характеризующиеся полным набором дифференциальных признаков, на периферии – слова, «у которых отсутствуют или не ярко выражены какие-либо дифференциальные признаки, характерные для ядра данной части речи»⁵.

Динамичные фразеологизмы находятся на периферии процессуального класса, так как совмещают в своем значении процессуальные и призначные семы, поэтому одними говорящими или слушателями они могут восприниматься как процессуальные, другими – как призначные единицы. В одних речевых условиях они актуализируют процессуальные семы, в других – призначные, выражающие следствие, результат названного процесса.

Таким образом, динамичные фразеологизмы характеризуются сосуществованием признаков единиц двух семантико-грамматических классов с разной степенью продуктивности.

Условно анализируемые фразеологизмы можно разделить на две группы.

В первую группу входят единицы, совмещающие процессуальные семы «психическое состояние лица», «физическое состояние лица или предмета» и статическую сему «качественная характеристика лица или предмета».

В негустой темноте к стене прислонен был ворох тряпья, из которого и раздавался голос. За пять шагов било в нос (Л. Улицкая. Том); Начнет рассказывать что-нибудь, картавя, и вдруг хохот, веселость бьет фонтаном (А.П. Чехов. Остров Сахалин); На вопрос: «для чего он дрался с мародером?» Пьер отвечал, что он защищал женщину, что защита оскорбляемой женщины есть обязанность каждого человека... Его остановили: это не шло к делу (Л.Н. Толстой. Война и мир); В об-

шем, (Анфиса – Е.Р.) кричала, бесновалась – себя не помнила (Ф. Абрамов. Братья и сестры); Сначала он (прадед – Е.Р.) подавал большие надежды, профессора восхищались его математическими способностями... (В. Тендряков. Свидание с Нефертити).

Как свидетельствуют факты, приведенные фразеологизмы совмещают в своем значении процессуальные семы «состояния лица или предмета» и призначные семы «качественной оценки состояния лица или предмета»: *бить в нос* «резко проявляться», *бить фонтаном* «бурно проявляться», *не идти к делу* «быть лишним», *не помнить себя* «терять контроль над своими словами, действиями», *подавать большие надежды* «проявлять способности».

Ко второй группе динамичных личных форм относятся фразеологизмы, для которых ядерным стало значение признака, а значение процесса перешло на периферию. Единицы второй группы оказались более близки по своему значению к классу призначных фразеологизмов. Анализируемые фразеологизмы в одних речевых условиях называют динамический признак, а в других – статический, непроцессуальный признак предметов, который является следствием, результатом этого процесса.

(Дядюшка Половцеву:) – Только помните одно: девицы не идут в счет, от них мало толку (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы); Здесь с глазу на глаз нужно сделать почти невозможное – рассказать правду, не о поступках маленького человека, – это не важно, в этом разговоре они не в счет, – о своем большом человеке (Л.Н. Толстой. Хождение по мукам).

Фразеологизм *не идет в счет* в первом случае актуализирует значение процесса «не принимается в расчет, не считается». В предложении он сочетается с именем существительным в форме именительного падежа, обозначающим субъект действия, выполняет синтаксическую функцию сказуемого.

Во втором случае названный фразеологизм актуализирует призначное значение, которое является следствием, результатом процесса – «незначительный, неважный». Здесь фразеологизм находится в одном ряду со сказуемым, выраженным краткой формой прилагательного – *не важно, не в счет*. Следствием актуализации призначной семантики является и то, что названный фразеологизм во втором примере употребляется в сокращенном варианте – имплицитно глагольный компонент, что, безусловно, усиливает призначную семантику.

Динамичные личные формы, относящиеся к второй семантической группе, в массовом материале обозначают статический признак, дают качественную характеристику лицу, который (признак) является следствием, результатом названного процесса. Они обозначают умственные способ-

ности человека – *бог обидел (кого)* «о неумном, глуповатом человеке», *далеко пойдет* «способный», *выйдет толк (из кого-либо)* «способный», *за словом в карман не лезет* «находчив в разговоре»; физиологические свойства лица – *ветром качает (кого)* «кто-либо очень слаб», *лыка не вяжет* «очень пьян»; степень проявления признака – *днем с огнем не сыщешь* «редкий»; признак, соответствующий или не соответствующий каким-либо возможностям, способностям кого-либо – *каши не сварить* «бесполезный», *не стоит выеденного яйца* «не заслуживает внимания, негодный, пустяковый», *не стоит ломаного гроша* «бесполезный, плохого качества», *не идет в счет* «незначительный».

П.3. Динамичность значения отражается на грамматической форме языковой единицы. Как показал наш анализ, грамматическая форма языковой единицы обладает сложной, противоречивой природой. С одной стороны, грамматическая форма динамичных фразеологизмов является устойчивой. Несмотря на изменения в значении анализируемые единицы остаются в лоне процессуального класса. И происходит это благодаря устойчивости грамматической формы. Названные единицы сохраняют противопоставленность грамматических форм внутри одной морфологической категории. В этом мы видим задерживающее влияние морфологии.

С другой стороны, у динамичных фразеологизмов происходят изменения внутри одной морфологической категории. Это проявляется в том, что единица имеет неполную парадигму форм и грамматических признаков. Грамматические формы одной морфологической категории у динамичных фразеологизмов бывают либо низкочастотными, либо высокочастотными. Высокочастотные формы проявляют тенденцию к отрыву от парадигмы и превращению в самостоятельную единицу. Так, динамичность личных форм процессуальных фразеологизмов довольно активно проявляется в функционировании категории времени.

Несмотря на совмещение в значении анализируемых фразеологизмов сем двух семантико-грамматических классов, они еще остаются в лоне процессуальных единиц, так как обозначают личный процесс, длящийся во времени и имеющий предел, то есть связанный с другими категориями этого класса.

Время – количественная категория. Динамичные личные формы фразеологизмов, хотя и способны иметь соотносительные формы будущего – настоящего – прошедшего времени, в массовом материале употребляются в речи только в формах настоящего и прошедшего времени.

Исследование нашего материала показало, 95% динамичных процессуальных фразеологизмов способны иметь только соотносительные формы настоящего и прошедшего времени. 55% динамичных фразеологизмов употребляется в речи говорящего в форме настоящего времени и 40% – в

форме прошедшего времени. Формы будущего времени единичны.

Формы настоящего и прошедшего времени являются основными реальными формами времени процессуальных единиц. В работе В.В. Виноградова форма настоящего времени рассматривается как нейтральная, нулевая категория. Так, ученый противопоставляет прошедшее время как сильную категорию настоящему времени как нейтральной категории: «Грамматическая сфера прошедшего времени наиболее глубоко и резко очерчена в русском языке. Это – сильная грамматическая категория»⁶. «Форма настоящего времени может вовсе не иметь значения времени, обозначая и то, что относится ко всякому времени»⁷.

Позволим себе не согласиться с мнением ученого, так как по показаниям нашего материала это продуктивная форма. Именно формы настоящего времени в высшей степени устойчиво выражают значение процесса. Обозначая действие, совпадающее с моментом речи, анализируемые формы «обслуживают» сейчас, в настоящее время живущего человека и существующий мир.

(Светловидов:) – Bravo! Бис! Bravo! Какая тут к черту старость. Никакой старости нет, все вздор, чепуха! Сила из всех жил бьет фонтаном, – это молодость, свежесть, жизнь! Где талант, Никитушка, там нет старости! (А.П. Чехов. Лебедина песня); Невольно думается: то ли все это грубая ошибка проектировщиков, то ли следствие какой-то неизбежной, а потому извинительной непредусмотрительности, которая дает о себе знать не тотчас же, но чем дальше, тем больше (Литературная газета. 1975. 4 мая).

Фразеологизмы *бьет фонтаном* «сильно, неудержимо проявляется», *дает о себе знать* «обнаруживается, проявляется» обозначают такой процесс, который можно назвать действием в полном смысле этого слова. Все это можно зрительно наблюдать, так как действие совпадает с моментом речи. Форма настоящего времени более продуктивна по сравнению с формой прошедшего времени и направлена на образование единиц с призначным значением. Так, анализ динамичных фразеологизмов, в высшей степени близких по своему значению к классу призначных единиц, показал, что в массовом материале они употребляются в речи только в форме настоящего времени:

А уж куда бывает метко все то, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племен, а все самородок, живой и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман (Н.В. Гоголь. Мертвые души); Настя сначала приходила в отчаяние и обижалась, пока не поняла, что все эти капризы не стоят медного гроша, что они наиграны и в глубине души Тимофеев очень рад своей будущей выставке (К.Г. Паустовский. Телеграмма); Она (Лиза – Е.Р.) в эти дни распухла, угорела от слез и рева, Михаил ходил как в воду опущенный, а он (Егорша – Е.Р.), внук род-

ной, единственный, пьяный приехал, лыка не вяжет (Ф. Абрамов. Пути-перепутья).

Все приведенные фразеологизмы функционируют в речи в форме 3 лица, настоящего времени, несовершенного вида, изъявительного наклонения: *не лезет за словом в карман* – 5 употреблений из 9; *не стоит медного гроша* – 17 употреблений из 18; *лыка не вяжет* – 8 употреблений.

Формы прошедшего времени обозначают результат, итог действия, произошедшего в настоящем. Это регистрация прошлого реального действия, прошлого опыта человека. Названная форма является высокопродуктивной среди динамичных фразеологизмов.

Д.А. Толстой заботился, чтобы умственные интересы в гимназической среде не били ключом, а смиренно и анемично журчали в русле казенных программ (В.Г. Короленко); Какое-то искание не переставало тревожить людей, и вот какая-нибудь пустая случайность, ничтожное столкновение, – и все взволновано, и идеал непрерывной тишины взлетел прахом на воздух (А. Добролюбов. Забитые люди).

Фразеологизмы *били ключом* «бурно, с неистощимой силой проявлялись»; *взлетел на воздух* «рассеялся, бесследно исчез» регистрируют прошлое реальное действие.

Анализ нашего материала показал, что тенденция к диалектичности процессуальных фразеологизмов в одинаковой степени характерна для форм настоящего и прошедшего времени. Формы настоящего времени наиболее устойчиво выражают значение процесса, так как действие совпадает с моментом речи. Формы прошедшего времени менее устойчиво выражают значение процесса по сравнению с формами настоящего времени, так как действие в прошлом и перед нами только итог, результат действия в настоящем. Формы прошедшего времени обобщают весь человеческий опыт. Обе формы времени по-настоящему актуальны, реальны для человека, поэтому являются наиболее продуктивными. **Направление динамики у личных форм процессуальных фразеологизмов идет от противопоставленности трех форм времени к специализации форм настоящего и прошедшего времени и развитию призначности.** Формы настоящего и прошедшего времени являются высокочастотными, поэтому содержат в себе тенденцию к отрыву от парадигмы категории времени процессуальных единиц.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы.

1. Личные формы процессуальных фразеологизмов обладают противоречивой природой. С одной стороны, они устойчиво выражают значение процесса и сохраняют полную парадигму форм и морфологических категорий. С другой, некоторые личные формы проявляют динамичность и тенденцию перехода в другой семантико-грамматический класс.

2. Динамичные личные формы довольно многочисленны, но именно в них зарождаются основные тенденции, характерные для целого класса единиц. В этом проявляется универсальный закон соотношения частного и общего

3. Морфологические категории существуют в языке как проявление устойчивости и динамичности. С одной стороны, у динамичных фразеологизмов отмечается устойчивость грамматической формы, которая проявляется в сохранении морфологических категорий и в противопоставленности отдельных грамматических форм внутри одной морфологической категории. С другой – именно внутри грамматической формы происходит накопление количественных показателей, которые подготавливают качественное изменение единицы, ее диалектичность, проявляющуюся в изменении у фразеологической единицы классного категориального значения. Это проявляется в существовании внутри одной морфологической категории высокочастотных и низкочастотных форм. Высокочастотные формы тяготеют к отрыву от пара-

дигмы форм и к превращению в самостоятельную единицу с новым категориальным значением.

¹ Межкатегориальные связи в грамматике / А.В. Бондарко, М.Д. Воейкова, Н.А. Козинцев и др. Санкт-Петербург: Российская Академия наук институт лингвистических исследований, 1996. С. 22.

² Цитируется по П.С. Кузнецову. О принципах изучения грамматики. Материалы к курсам языкознания / П.С. Кузнецов. М.: Изд-во Московского университета, 1961. С. 58.

³ Шведова Н.Ю. Русская научная описательная грамматика в русской Академии наук / Н.Ю. Шведова. Вопросы языкознания, 1974. № 6. С. 12.

⁴ Виноградов В.В., Русский язык: Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. М. Л.: Учпедгиз, 1947. С. 428.

⁵ Бабайцева В.В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка / В.В. Бабайцева // Филологические науки. 1983. № 5. С. 20.

⁶ Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. М. Л.: Учпедгиз, 1947. С. 543.

⁷ Там же. С. 545.

РОЛЬ ОБЪЕКТИВНОГО ЛОГИЧЕСКОГО ЛИЦА В СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

О.А. Турбина

В предлагаемую статью вошли материалы доклада, представленного автором на международной конференции «Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики». В «Вестнике ЮУрГУ» они публикуются по итоговому решению оргкомитета конференции. Статья посвящена определению базовых понятий синтаксиса предложения, его единиц и категорий. В статье показано, что предложение, будучи единицей языка, является не формой выражения мысли, а знаком формы мысли, и что основа формирования структуры предложения заложена в механизме предцифирования признака лицу.

1. Понятие объективного логического лица в систему лингвистических понятий ввел известный французский лингвист Г. Гийом. *Объективное логическое лицо* – это языковое воплощение обобщенного представления об окружающем мире, включающем все возможные потенциальные объекты. В языковом представлении оно репрезентируется через 3-е лицо, референция на которое (*опора – support*) определяет частиречную категоризацию и системный потенциал языковой единицы, т.е. возможности ее актуализации в речи. Логическое лицо – это отсутствующее в речевой ситуации, но неизменно объективно и обязательно присутствующее в языковом сознании 3-е лицо; на его фоне в процессе мыслительных операций вычленяется 1-е и 2-е л., называющие участников речевого акта. Объективное логическое лицо лежит в основе любого речезыкового механизма, является его опорой и определяет категоризацию языковой единицы¹. Таким образом, статус единицы в системе языка определяется степенью ее соотнесенности с объективным логическим лицом, т.е. – характером инцидентности.

Полноценной по степени инцидентности единицей является такая, которая в своей концептуальной семантической структуре объединяет логическое лицо и его признак (*вклад – apport*), в силу чего на уровне глубинной семантики характеризуется двусоставностью, или в терминологии психосистематики – обладает внутренней инцидентностью. Из всех частей речи внутренняя инцидентность свойственна только имени существительному. Именно поэтому в языках разных типов широкое распространение получают т.н. назывные структурно односоставные предложения, где механизм предикации определяется признаком скрытой (внутренней) инцидентности существительного: *Дом. = Это (нечто) есть дом.*

Таким образом, понятие инцидентности, применимое к слову (части речи), в полной мере раскрывается в предложении и объясняет принцип предикации, оформляющей предложение и заключающийся в соотнесении его смысла с внешним ми-

ром, который и репрезентируется в языковом сознании через объективное логическое лицо.

2. Характеризуя предложение, обычно начинают с указания на то, что оно представляет собой форму выражения законченной мысли, или – логического суждения. И хотя в целом это соответствует действительности, именно здесь кроется источник противоречий, которые по мере развития теории воплощаются в серьезные и принципиальные расхождения концепций, объясняющих природу предложения как единицы языка, его уровней, категорий и составляющих единиц. К этому располагает также и сам традиционный терминологический аппарат, обслуживающий теорию предложения: термины *предложение* (калька от *propositio*), *субъект* (*subjectum*), *предикат* (*praedicatum* – букв *сказуемое*), *подлежащее* (калька от *suppositum*) пришли в грамматику из логики. Вспомним, кстати, что в западной грамматической терминологии специальных терминов для обозначения подлежащего и сказуемого нет вообще; для именованного субъекта и подлежащего употребляется общий термин *субъект*, а предикат и сказуемое называют общим термином *предикат*. Таким образом, теория синтаксиса предложения по сей день в той или иной степени оказывается под влиянием логики.

Однако, как справедливо отмечал акад. В.В. Виноградов, «Конкретное содержание предложений не может быть предметом грамматического рассмотрения»². Дело в том, что, являясь, по известному выражению К. Маркса, «реальной действительностью мысли», язык в прямом смысле мысли не соответствует, хотя и стремится к отождествлению с ней. А.Ф. Лосев, рассматривая язык как «осуществленное мышление и сознание», справедливо указывает на то, что логические категории – это категории *отвлеченного смысла*, в то время как языковые категории – это *категории понимания*³. В силу этого, категории языка предстают как следствие преломления и интерпретации языковым сознанием логических категорий, как результат «понимания (и, следовательно, вы-

ражения) чего бы то ни было» как категорий логики⁴. Поэтому, контекст теории языка требует, чтобы перечисленные выше термины употреблялись для обозначения языковых явлений (единиц и категорий) вне зависимости от их (терминов) этимологии, ибо собственно лингвистический термин должен отражать особую языковую логику, языковой смысл, являющиеся преломлением и интерпретацией универсальных законов познания, чистой логики, общих смыслов.

Предложение, как и слово, является знаком языка⁵. Если слово именуется предмет, явление, свойство и т.д., то предложение именуется ситуацией, или – передает законченную мысль, т.е. суждение относительно этой ситуации. И также как слово, которое ничем не напоминает денотат, предложение отвлечено как от денотативной ситуации, так и от суждения о ней. Более того, в языках, где предложение характеризуется высокой степенью формализации (грамматизации структуры, категоризации членения и т.д.), оно гораздо более семиотично, чем отдельная лексическая единица. Иными словами, термин *предложение*, перейдя из контекста логики в контекст лингвистики, должен переосмысливаться и обозначать лингвистическое явление, а именно: *знак языка, оформившийся вследствие преломления и интерпретации языковым сознанием обобщенного представления о ситуации и как результат понимания (и, следовательно, выражения) чего бы то ни было как логического суждения*.

3. *Концептуальная семантическая схема* элементарного (нераспространенного) предложения как полноценной и самодостаточной единицы (*perfectio* – термин средневековой философской грамматики) подчинена принципу предикации и поэтому неизменно двусоставна: она содержит значение лица и значение признака, который этому лицу предиктируется. Таким образом, *лицо* и *признак лица* являются компонентами концептуальной семантической схемы элементарного предложения и вместе составляют его *предикативное ядро*. При этом оба термина употребляются в предельно обобщенном значении. Термин *лицо* – в отвлечении от персональности/имперсональности, термин *признак* – в отвлечении от его свойств (действие, состояние и пр.). В соотношении с понятиями классической логики *лицо* и *признак* являются собой результат преломления и интерпретации языковым сознанием обобщенных понятий *субъект* и *предикат*, а понятие *концептуальная семантическая схема предложения* – смысловая схема логического суждения (=propositio). В *лице* и *признаке* выявляется обобщенная семантика подлежащего и сказуемого.

На формальном уровне *подлежащее* и *сказуемое* это члены *грамматической формы* (=формулы, модели, структуры) предложения, точнее – его предикативного ядра. Соглашаясь с акад.В.В. Виноградовым, который оценивал члены

предложения как *грамматические* категории предложения⁶, заметим, что они должны, соответственно, обладать присущими грамматическим категориям свойствами. В частности, основным релевантным признаком грамматической категории является *наличие специальных средств для ее выражения*. В этом качестве могут выступать как морфологические средства – падежные флексии имен, формы местоимений, личные флексии глаголов, так и синтаксические средства – формативы (служебная лексика), фиксированная позиция и т.д.

Подлежащее – это *грамматическая категория предложения, оформившаяся вследствие преломления и интерпретации языковым сознанием обобщенного представления о подлежащем об-сказыванию объекте действительности, и как результат понимания (и, следовательно, выражения) чего бы то ни было как логического субъекта*. В данном случае лосевское «что бы то ни было» и есть *лицо*. Следовательно, ответ на вопрос, существует ли в языке грамматическая категория подлежащего, предполагает анализ, подтверждающий наличие или отсутствие специальной грамматической формы для его выражения. Если в языке специальной формы для выражения грамматической категории подлежащего нет, то это значит, что оно определяется на уровне логических понятий и отношений, и что его формализации еще предстоит свершиться.

Так, не вызывает затруднений вычленение подлежащего (как грамматической категории) во французском предложении *il me faut*, тогда как относительно подлежащего в идентичном русском предложении *мне нужно* мнения расходятся: говорят либо о его отсутствии, либо о выражении формой дательного падежа (*мне*). Сравним также немецкое предложение *es ist mir Kalt* с русским *мне холодно*. Является ли форма *мне* в приведенных примерах подлежащим? Вопрос снимается, если мы опустим данную форму (*мне, me, mir*) и сопоставим русские предложения с их французским и немецким эквивалентами: *il faut – нужно; es ist Kalt – холодно*. Если же сопоставить более раннюю немецкую форму данного предложения с современной русской: *mir ist Kalt – мне холодно*, то ответ будет еще более очевиден. *Мне*, также как и *mir, me*, являются дополнениями, а *il, es* подлежащими. Что касается эквивалентных русских предложений, то в них подлежащее отсутствует вследствие а) отсутствия в парадигме местоимений формы для обозначения отвлеченного (безлично-го) подлежащего; б) более слабой степени грамматизации формальной модели предложения, прежде всего – предикативного ядра. Тем не менее, предикация в безличных предложениях типа *Холодно, Нужно* осуществляется в силу универсального признака двусоставности концептуальной семантической схемы предложения как такового: признак предиктируется отвлеченному третьему (логи-

ческому) лицу, соотносимому с реальностью (внешним миром) вообще. Заметим, что при появлении в системе языка формы для его обозначения, используется форма местоимения 3-го лица; если есть специальная форма, то форма среднего рода, и если есть противопоставление форм по признаку одушевленности/неодушевленности (ср. франц. *il/on*, нем. *es/man*), – форма местоимения неодушевленного.

Итак, семантической опорой категории подлежащего является категория лица. Именно поэтому финитный глагол характеризуют как матрицу предложения, и по этой же причине личная форма глагола при отсутствии подлежащего в речевом высказывании несет информацию о категории подлежащего (т.е. о лице, которому он предиктирует признак). Следовательно, согласование членов предикативного ядра в лице является обязательным условием его структуры. Это означает, что в предложении *мне везет* форма *мне* не является подлежащим, поскольку не согласуется с глаголом в лице. То же относится и к предложению *мне холодно*, где отсутствует связочный глагол, подразумевающий по умолчанию третье лицо.

4. Природа категорий синтаксиса идентична природе любых других грамматических категорий. Например, грамматическая (морфологическая) категория рода, если она существует в языке, то уже не зависит от понятий пола, одушевленности/неодушевленности, числа и т.д. (*стол* – не мужчина, *дверь* – не женщина, а *окно* – не дитя). Так же и грамматическая категория подлежащего независима, т.е. полностью отвлечена от одушевленности/неодушевленности, конкретности/абстрактности, активности/пассивности лица-носителя признака. Это значит, что подлежащее может быть неодушевленным при одушевленном объекте, абстрактным при конкретном объекте и пассивным при объекте активном. Сравним два предложения: *он любим*; *его любят*. В первом примере подлежащее вычленивается легко: *он*. И хотя второй компонент предикативного ядра – связочный глагол – в соответствии с нормами современного русского языка отсутствует, имплицитное согласование подлежащего со сказуемым в третьем лице сомнения не вызывает: *он (есть) любим*.

Даже если в предложении появится слово, именуемое субъект действия (состояния): *он любим всеми*, подлежащее будет прежним, ибо признак активности/пассивности для его вычленения нерелевантен.

В предложении *его любят* позиция подлежащего свободна, но информацию об этой категории несет финитный глагол *любят*, флексия которого указывает на третье лицо во множественном числе, с помощью которого в русском языке выражается неопределенноличный или обобщенноличный одушевленный носитель предиктируемого признака, ср.: *все, некоторые его любят*. Но в случае, если носитель признака безличен, как в предложениях типа: *людей укачало, запахло весной*, найти форму для подлежащего невозможно, поскольку, как отмечалось выше, в русском языке она отсутствует, хотя значение отвлеченного (абстрактного) лица передается формой среднего рода глаголов в прошедшем времени: *укачало, запахло*. Следовательно, категория подлежащего здесь имеет имплицитный характер, а его семантика непосредственно соотносима с объективным логическим лицом. Ср.: *людей укачал шторм*, где позицию подлежащего занимает слово *шторм*, что потребовало согласования с ним формы сказуемого. Обратим внимание на то, что признак одушевленности/неодушевленности для заполнения позиции подлежащего также нерелевантен.

Таким образом, предложение как единица языка является не формой выражения мысли, а знаком формы мысли. Поэтому его структура более семиотична и менее «логична», а основа ее формирования заложена в механизме предиктирования признака лицу.

¹ Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992. С. 123.

² Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 254.

³ Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982. С. 335.

⁴ Там же. С. 356–357.

⁵ Как знак языка предложение противопоставляется речевой единице – высказыванию, являющемуся результатом его актуализации.

⁶ Виноградов В.В. Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1955. С. 70.

МОДАЛЬНОСТЬ И НАКЛОНЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Т.Н. Хомутова

В статье освещаются вопросы соотношения категорий модальности и наклонения: рассматривается связь логической и лингвистической модальностей, исследуется семантический диапазон лингвистической модальности, предлагается типология средств выражения лингвистической модальности, анализируются различные трактовки категории наклонения как морфологического средства выражения лингвистической модальности в современном английском языке.

Категория наклонения в современном английском языке породила столько дискуссий и различных трактовок, что по праву считается самой противоречивой категорией английского глагола. Причины таких разногласий заключаются в следующем:

- наклонение часто отождествляют с модальностью;
- отсутствует четкое определение категориальной семантики наклонения;
- при выделении наклонений используются различные критерии (формальные, семантические, функциональные);
- существуют различные трактовки сочетаний модальных глаголов с инфинитивом (аналитические формы – свободные сочетания);
- в традиционных грамматиках используются системы наклонений подобные латинской, греческой и древнеанглийской грамматикам;
- существуют различные точки зрения на омонимию и полисемию глагольных форм, выражающих модальные значения.

Поэтому в задачи любого исследователя категории наклонения должно входить последовательное и непротиворечивое решение указанных проблем.

Наша первая задача заключается в том, чтобы провести четкое *разграничение между наклонением и модальностью*.

Необходимо отметить, что взгляды на природу и сущность категории модальности также отличаются противоречивостью и порой носят диаметрально противоположный, взаимоисключающий характер. Одной из основных причин таких разногласий является разный подход исследователей к вопросу о том, как соотносятся *логическая и лингвистическая модальности*.

Логическая модальность представляет собой существенный признак суждения как формы мышления. Общим для различных трактовок логической модальности является понимание ее как соотношения содержания суждения с объективной действительностью в плане *модуса существования* (возможность, действительность, необходимость) или в плане *истинности-ложности суждения*.

Лингвистическая модальность трактуется как семантическая категория, характеризующая любое предложение в плане устанавливаемой говорящим реальности-нереальности сообщаемого.

Понимание лингвистической модальности как соотношения содержания высказывания с устанавливаемой говорящим реальностью-нереальностью сообщаемого учитывает роль говорящего субъекта. В этом следует усматривать принципиальное отличие лингвистической модальности от категории логической, которая характеризуется соотношением содержания суждения с объективной действительностью. Вместе с тем, нельзя не признать, что в основе лингвистической модальности лежит модальность логическая, однако связь этих категорий не является прямой, а опосредована говорящим¹.

Рассмотрим два примера: *Где ты был? – На работе* (а на самом деле – в гостях); *I am Queen of England* (а на самом деле – домохозяйка).

С точки зрения *логической модальности* оба суждения – *ложные*. Но, как известно, истинность-ложность суждения не могут быть предметом лингвистического рассмотрения. В данном случае это скорее предмет рассмотрения для следственных или психиатрических органов.

С точки зрения *лингвистической модальности* оба предложения с помощью определенных лингвистических средств (глагольные формы, нейтральный синтаксический контекст) представлены говорящим как *реальные*. Следующие предложения являются примерами действий *возможных, необходимых или не соответствующих действительности*: *He might come. Come at once! I wish he had come.*

Таким образом, можно заключить, что *лингвистическая модальность является выражением логической модальности в плане модуса существования (возможность, действительность, необходимость) в опосредованном языковой системой виде*.

Каким же образом опосредовано содержание логической модальности в языковой системе? Каков семантический диапазон лингвистической модальности?

Лингвистическая модальность понимается нами как *единство двух разновидностей: реальной и ирреальной модальностей*².

Реальная модальность выражает устанавливаемое говорящим *соответствие* содержания высказывания *действительности*. Например: *Today is Tuesday. Romeo and Juliet were in love* (с точки зрения говорящего оба высказывания являются фактами и характеризуются реальной модальностью).

К *ирреальным* мы относим высказывания, интерпретируемые говорящим как *не-факт*. Например: *I wish it were Sunday today. Go and fetch my things! He might come* (все выделенные высказывания интерпретируются говорящим как не-факт и характеризуются ирреальной модальностью³).

Как видно из приведенных примеров, модальность не сводится только к глагольной форме, а является категорией предложения. Более того, семантический диапазон ирреальной модальности и средства ее выражения характеризуются определенным разнообразием.

Так, наш собственный анализ позволил выделить в ирреальной модальности *три семантических типа*: модальность *недействительности*, *побудительную* модальность и модальность *предположения*⁴.

Модальность недействительности понимается как скрытое отрицание действительности содержания высказывания. Например: *If it were Sunday, I wouldn't go to the University.*

Побудительная модальность характеризует прямое или косвенное побуждение к действию. Например: *Come at once! The dean requested that all be present at the conference.*

Модальность предположения свойственна высказываниям, содержание которых возможно или вероятно с точки зрения говорящего. Например: *Perhaps he'll help us.*

Основанием для *объединения* указанных типов как составляющих ирреальную модальность является трактовка говорящим *высказывания как не-факта*.

Таким образом, с точки зрения *семантики* лингвистическая модальность представляет собой *оппозицию реальности-нереальности*, при этом реальность семантически интенсивна, а нереальность семантически экстенсивна и включает недействительность, побуждение и предположение.

С точки зрения *формы* лингвистическая модальность характеризуется разветвленной системой разнообразных выражения:

- **Морфологические** категории **наклонения, времени и фазы**, например: *It is spring. I wish I were you. Stop it!* (наклонение), **If I lived in London I would speak English every day. *If he had known about the party, he would have come* (время, фаза);

- **Лексико-синтаксические** средства – сочетания модальных глаголов *may/might, can/could, must, should, will/would, ought to* и др. с инфинити-

вом, например: *Don't wait up for me because I might be late. *If anything should happen I can take care of myself. The doorman must have been bribed;*

- **Лексические** средства – модальные слова *maybe, perhaps, possibly, probably* и др., например: *Perhaps he has something on his conscience, and wants advice. I don't talk through my hat like maybe you think*, а также другие слова модальной семантики (существительные, прилагательные, глаголы и т.д.), которые вводят придаточные предложения и являются центрами подчинения (*wish, it's time, possible, probable, chance, possibility* и т.д.), например: **It's time we were moving. *It's possible there might be large changes around here. The chances are you have chilled the rooms upstairs;*

- **Синтаксические** типы простых и придаточных предложений (побудительные предложения, придаточные, вводимые союзами *as if/as though*, условные, и т.д.), например: **Take it easy! She really looks sometimes as if she isn't all there. *If we all looked our real selves the world would be uninhabitable;*

- **Различные сочетания** указанных средств (см. примеры выше под*);

- **Интонация, просодические средства.**

Приведенная система является *смешанной*, то есть состоит из единиц различных уровней. Морфологические средства, в частности *наклонение*, являются лишь частью этой системы. *Модальность* – это *функционально-семантическая* категория *предложения*, выражаемая с помощью различных средств. *Наклонение* – это *морфологическая* категория *глагола*, одно из средств выражения модальности. Модальность *шире* наклонения.

Глагольная категория наклонения рассматривается в грамматике как *значимая оппозиция регулярно повторяющихся глагольных форм, выражающих модальные значения грамматическим способом*⁵. Поскольку категория наклонения характеризует только личные формы глагола, которые встречаются в синтаксическом контексте предложения, ее можно отнести к разряду *морфосинтаксических* категорий.

Несмотря на кажущуюся простоту определения, взгляды на количество наклонений, их семантику и средства выражения (синтетические и аналитические) являются, тем не менее, весьма *противоречивыми*. Причины были приведены выше.

Рассмотрим основные подходы к определению наклонений, представленные в отечественной и зарубежной лингвистике.

Прежде всего, необходимо отметить, что *существующие системы наклонений включают от 16 наклонений*⁶ до полного *отрицания* существования такой категории в современном английском языке⁷.

Системы «множественных наклонений» характеризует *семантический* подход, когда каждому новому значению приписывается статус наклонения, независимо от форм его выражения, которые

тракуются как омонимичные. Например: *you may go (permissive), may he still be alive (optative), he may be rich (dubitative)* и т.д.⁸.

Точка зрения, в соответствии с которой в современном английском языке категория наклонения *отсутствует*, напротив, исходит лишь из *формальных* показателей и не учитывает значение.

Между этими двумя полюсами существуют различные трактовки систем наклонения, пытающиеся *учитывать и форму, и значение*, но с разным успехом.

Так, система, предложенная А.И. Смирницким⁹, насчитывает шесть наклонений.

- Изъявительное, например: *He came there. The sun rises in the East.*
- Повелительное, например: *Read the letter! Go there!*
- Сослагательное I, например: *I suggest that he/you go there. If it be so.*
- Сослагательное II, например: *I wish I were present. If I knew... If I had known...*
- Предположительное, например: *Should you meet him, tell him to come. I suggest that he/you should go there.*
- Условное, например: *What would you answer if you were asked?*

Как показал анализ данной системы, она не лишена ряда *недостатков*.

- Семантическое основание классификации *непоследовательно*, так как значение условия не относится к модальным.
- Сочетания модальных глаголов, не утрачивших своего лексического значения, с инфинитивом относятся к *аналитическим* формам предположительного и условного наклонений, что является весьма спорным.
- Одинаковые формы (Past Indefinite, Past Perfect) признаются *омонимичными* формами разных наклонений, в частности изъявительного и сослагательного II.

• Формы глагола в "*Go there! I suggest that you go there. I suggest that you should go there*" относятся к трем разным наклонениям, хотя характеризуются одинаковой семантикой, а во втором и третьем случаях еще и одинаковым синтаксическим контекстом.

Таким образом, систему А.И.Смирницкого вряд ли можно признать успешной попыткой решить проблему наклонения в современном английском языке.

Общепринятой в традиционной грамматике является *система трех наклонений*: изъявительного, повелительного и сослагательного¹⁰. Эта система заимствована из латинской грамматики.

Изъявительное наклонение представляет действие как факт действительности (Fact-Mood).

Повелительное наклонение выражает побуждение к действию (Will-Mood).

Сослагательное наклонение характеризует действие как не-факт (Thought-Mood), однако в его

семантический диапазон включаются и *немодальные* значения (нереальное условие, следствие нереального условия, цель, неосуществленное желание и т.д.). На этом основании сослагательное наклонение подразделяется на сослагательное I и 2, или собственно сослагательное, разрешительное, условное и другие. *Подсистемы* насчитывают до пяти наклонений¹¹. Более того, *средства* выражения сослагательного наклонения также *разнородны*: они включают кроме синтетических форм «аналитические», которые таковыми не являются, а также *омонимичные* формы.

Таким образом, система трех наклонений мало чем отличается от системы шести наклонений и *сохраняет все недостатки* последней.

Системы двух наклонений представлены в трудах М.Я. Блоха и Л.С. Бархударова.

М.Я. Блох вслед за Д.А. Штелином, И.З. Халемским, Л.С.Ермолаевой и др.¹² признает существование в современном английском языке *изъявительного и сослагательного* наклонений. *Сослагательное* наклонение в его трактовке представляет собой сложную систему, состоящую из *предположительного и условного* наклонений. Предположительное наклонение, в свою очередь, подразделяется на *собственно предположительное*, куда входят формы *be* и императива, и *модальное предположительное* (сочетания модальных глаголов с инфинитивом). *Условное наклонение* состоит из *обусловленной нереальности*, относящейся к *настоящему и будущему* (*were, knew*) и относящейся к *прошлому* (*had known*)¹³ (рис. 1).

Рис. 1. Система двух наклонений (М.Я. Блох)

Очевидно, что попытку М.Я.Блоха решить проблему наклонения также нельзя признать успешной: семантическое основание классификации разнородно: условие не относится к модальным значениям, а включение императива в сослагательное предположительное наклонение является спорным; статус аналитических и омонимичных форм вызывает сомнения. Но главное – налицо смешение понятий модальности и наклонения: формальным признаком оппозиции «изъявительное – сослагательное» является сдвиг временного и фазового значения глаголов. То есть категория наклонения

определяется через категории времени и фазы, что, на наш взгляд, недопустимо.

Более успешной в этом отношении является система наклонений, предложенная Л.С. Бархударовым¹⁴, которая восходит к идее О. Есперсена о существовании двух модальных подсистем: с элементом волеизъявления и без него¹⁵.

Согласно трактовке Л.С. Бархударова в английском языке следует различать *два наклонения: изъявительное и повелительное*, причем оппозиция этих наклонений проходит внутри категориальной формы *непрошедшего* времени (рис. 2).

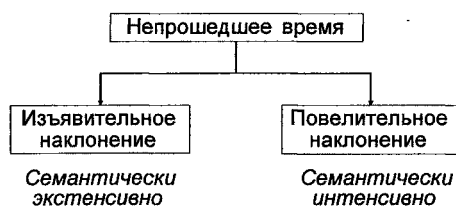

Рис. 2. Система двух наклонений (Л.С. Бархударов)

Форма *повелительного* наклонения является семантически интенсивной и выражает побуждение к действию. Причем к повелительному наклонению относятся не только формы типа *Go!*, но и типа *I suggest that you go*.

Форма *изъявительного* наклонения является семантически экстенсивной: ее конкретные значения реализуются только в конкретных контекстных условиях через различное лексико-синтаксическое окружение. Вместе с тем, нельзя не отметить, что ведущим модальным значением этой формы является устанавливаемое говорящим соответствие содержания высказывания действительности.

Сослагательное наклонение в современном английском языке согласно точке зрения Л.С. Бархударова представлено остаточной формой *were* и может не учитываться.

Л.С. Бархударов, исходя из обоснованного им понимания аналитических форм, *исключает* все сочетания «модальный глагол + инфинитив» из форм наклонения и рассматривает их в синтаксисе как свободные словосочетания.

Формы *прошедшего времени* *исключаются* Л.С. Бархударовым из числа форм наклонения на том основании, что особенности их значения определяются *синтаксическими* условиями их употребления, а не морфологическим строением. Значение нереальности рассматривается как производное значение категориальной формы прошедшего времени.

Трактовка категории наклонения и сочетаний модальных глаголов с инфинитивом, изложенная в работах Л.С. Бархударова, представляется нам *наиболее обоснованной и реально отражающей факты языка* на современном этапе его развития.

В заключение необходимо подчеркнуть, что категория наклонения является лишь частным случаем выражения модальных значений. Модальность шире наклонения. Это функционально-семантическая категория, которая представлена двумя подтипами: модальностью реальности и модальностью нереальности. Нереальность включает значения недействительности, побуждения и предположения, устанавливаемые говорящим. Модальные значения выражаются при помощи системы разноуровневых средств. Наклонение является морфологическим средством выражения модальности. Существуют различные трактовки системы наклонений в современном английском языке. Система наклонений, предложенная Л.С. Бархударовым, включающая изъявительное и повелительное наклонение, представляется наиболее обоснованной. Формы прошедшего времени и сочетания модальных глаголов с инфинитивом выражают модальные значения за пределами категории наклонения.

Форма *повелительного* наклонения является семантически интенсивной и выражает побуждение к действию. Причем к повелительному наклонению относятся не только формы типа *Go!*, но и типа *I suggest that you go*.

Форма *изъявительного* наклонения является семантически экстенсивной: ее конкретные значения реализуются только в конкретных контекстных условиях через различное лексико-синтаксическое окружение. Вместе с тем, нельзя не отметить, что ведущим модальным значением этой формы является устанавливаемое говорящим соответствие содержания высказывания действительности.

Сослагательное наклонение в современном английском языке согласно точке зрения Л.С. Бархударова представлено остаточной формой *were* и может не учитываться.

Л.С. Бархударов, исходя из обоснованного им понимания аналитических форм, *исключает* все сочетания «модальный глагол + инфинитив» из форм наклонения и рассматривает их в синтаксисе как свободные словосочетания.

Формы *прошедшего времени* *исключаются* Л.С. Бархударовым из числа форм наклонения на том основании, что особенности их значения определяются *синтаксическими* условиями их употребления, а не морфологическим строением. Значение нереальности рассматривается как производное значение категориальной формы прошедшего времени.

Трактовка категории наклонения и сочетаний модальных глаголов с инфинитивом, изложенная в работах Л.С. Бархударова, представляется нам *наиболее обоснованной и реально отражающей факты языка* на современном этапе его развития.

¹ Хомутова Т.Н. Система лексико-грамматических средств выражения ирреальной модальности в придаточных предложениях в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. С. 19.

² Там же. С. 29.

³ В тексте статьи слова «ирреальность / ирреальный» и «нереальность / нереальный» употребляются взаимозаменяемо. Термин «ирреальность / ирреальный» предпочитается термину «нереальность / нереальный» в тех случаях, когда необходимо избежать двусмысленности, которая может возникнуть в некоторых контекстах у слов «нереальность / нереальный».

⁴ Хомутова Т.Н. Цит. соч. С. 35.

⁵ Jespersen O. The Philosophy of Grammar. London, 1935. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981. Palmer F.R. Mood and Modality. NY, 1998.

⁶ Deutschbein M. System der neuenglischen Syntax. Heidelberg, 1928.

⁷ Плоткин В.Я. Строй английского языка. М., 1989. С. 104–111.

⁸ Jespersen O. Op.cit. P. 320–321.

⁹ Смирницкий А.И. Там же. С. 341–357.

¹⁰ Sweet H. A New English Grammar, Logical and Historical. Part 1. Oxford, 1892. P. 105–112. Curme G.O. A Grammar of the English Language. Vol. 2. Boston-New York-London, 1931. P. 223–226. Jespersen O. Op.cit. P. 313, 315. Цит. по Л.Л. Иофик, Л.П. Чахоян. Хрестоматия по теоретической грамматике английского языка. Л., 1967.

¹¹ Sweet H. Op. cit.

¹² Шгелинг Д.А. Неоднородность форм сослагательного наклонения в английском языке / Ученые записки МИО. Серия филологическая. Вып. 7. М., 1961. С. 202–219. Халемский И.З. Категория наклонения как

морфологическое средство выражения модальности в современном английском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Л., 1965. Ермолаева Л.С. Типология развития системы наклонений в германских языках: дис. ...д-ра филол. наук. М., 1978.

¹³ Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. М., 2000. С. 185–203.

¹⁴ Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. М., 1975. С. 129–136.

¹⁵ Jespersen O. Op. cit. P. 320–321.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

ББК Ш100.3+Ш141.22+С55.563

ОТРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ГЕНДЕРА В СЕМАНТИКЕ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМАХ ОДУШЕВЛЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

С.С. Голубева

Настоящее исследование направлено на описание способов отражения категории гендера в языке на его лексическом уровне. Нами определяются основные понятия исследования «пол», «гендер», «род», анализируются основные направления в изучении гендера в лингвистике, выделяются тенденции проявления сексизма в языке, которые демонстрируются с помощью грамматических форм одушевленных существительных и анализом их семантики.

Гендерные исследования как самостоятельное научное направление стали результатом широко распространенных на Западе в 60–70 гг. XX века женского движения и являются предметом изучения многих наук: философии, экономики, социологии, истории, антропологии, психологии, социологии и психолингвистики.

Сейчас в отечественной лингвистике происходит бурный рост исследований, посвященных изучению гендерного параметра в языке и речи. Описывая особенности этих работ, О.Л. Каменская предлагает «развести» их по двум направлениям. Так, первое направление – *гендерная лингвистика*, по мнению ученой, исследует язык и речевое поведение с применением гендерных методов, а объектом второго направления – *лингвистической гендерологии* – является изучение категории гендера с применением лингвистического инструментария. При этом автор отмечает, что «...провести четкую границу между этими двумя направлениями удастся не всегда»¹.

Однако становится понятным, что наряду с формированием этого направления в лингвистике, происходит и выработка его методологических основ, когда используется как чисто лингвистический инструментарий, так и методы, применяемые для изучения категории гендера в других социальных науках (психологии, социологии, философии). И постепенно с развитием направления параллельно происходит как развитие его собственной, уже устоявшейся методологии, так и появляются новые методы, т.к., по сути, идет становление ещё одной исследовательской парадигмы².

Как отмечает А.Г. Фомин, «проблема оценки различия между полами (определенных категориями мужчины и женщины) возникает тогда, ко-

гда одному из данных полов отводится ведущая роль в социальных процессах и иных сферах жизни. В большинстве случаев, когда зарубежные исследователи говорят о различии между полами, используя термин гендер, они говорят о том, как именно женщины отличаются от мужчин»³.

Как известно, теория и практика гендерных исследований на Западе были направлены не только против сексизма (т.е. предвзятых установок по отношению к представителям того или иного пола), но против тех идеологий и институтов, которые сознательно или бессознательно построены на отношениях неравенства. Поэтому изначально как теории, так и образовательные практики гендерных исследований выступали в виде критики самого процесса познания и образования, а значит, занимали политическую позицию. Использование гендерной теории и методологии открывают для исследователя различных социальных наук новые возможности для изучения общества и культуры. Они позволяют раскрыть социальные и культурные механизмы, которые формируют неравенство на основе биологического пола в традиционном обществе⁴.

Лидия Семенова пишет о том, что большинство исследований направлено на выявление различий между полами и очень часто игнорируются сходства. Данный феномен можно объяснить следующими причинами.

1. Особенности человеческого мышления таковы, что легче вычлняются различия, чем сходства.

2. Представители разных полов не только внешне и биологически выглядят по-разному, но и выполняют разные социальные роли.

В результате именно различия становятся привычными и стереотипизируются. А то, что непривычно воспринимается как нечто странное, в лучшем случае, а в худшем – как враждебное и опасное⁵.

Язык является одним из значимых механизмов фиксации любых культурных и социальных проявлений, а также при функционировании – эффективным механизмом воздействия и формирования социо-культурных установок и стереотипов. Наше исследование сосредоточено на изучении отражения гендера в испанском и русском языках и дискурсах, в том числе, и в анализе механизмов номинации гендерозначимых понятий в русском и испанском языках, выявлении сходств и различий, объяснении выявленных феноменов.

Немецкая исследовательница Марлис Хеллингер отмечает, что сексистские тенденции наблюдаются во всех исследованных на сегодняшний день языках⁶. При этом отмечаются следующие закономерности их проявления.

1. Мужское начало воспринимается как норма, а женское – как отклонение от нее. Это особо отчетливо манифестируется на морфологическом и лексико-семантическом уровне. Напр., словарная форма прилагательного – мужской род, единственное число и в русском, и в испанском языках, мужской род является собирательным в испанском языке, например: *los abuelos* – бабушка и дедушка. *Poeta, m; poeta, m* – нормативное употребление и в русском, и в испанском языке; *poetessa, ж; poetisa, f* – стилистически маркировано.

2. Мужское ассоциируется с положительным, а женское – с отрицательным. Это демонстрируется исследованием значений отдельных слов и лексических полей. Например, *golfo* – *пройдоха, гулена, ловкач*; *golfa* – *проститутка*; *gallo* – *петух, галан, драчун*; *zorro* – *лис, хитрец* (положительная оценка), *gallina* – *курица, домохозяйка, глупая*; *zorra* – *лиса, лицемерка, проститутка* (отрицательная оценка). Как показало исследование Г. Емирсуиновой, согласно оксфордскому словарю английского сленга 1996 года количество обозначений распущенной, неразборчивой в интимных отношениях женщины значительно превышает обозначение мужчин: 220 к 22⁷. В настоящий момент мы работаем со словарями, но исследование не закончено, поэтому таких подсчетов лексических единиц в испанском языке нет, хотя общая тенденция подобна тенденции, сложившейся в английском языке.

3. Мужское доминирует в языке, женское «невидимо». Эта закономерность доказывается прежде всего в номинации лиц определенного пола, в частности, в названиях профессий, что важно с точки зрения влияния языкового материала на возможную неадекватную самоидентификацию носителей этих названий.

Интенсивное проявление женского пола в профессии и внедрение номинаций женского рода

в язык наблюдается в испанском языке последних 30-ти лет: *arbitra, f; jueza, f; minera, f; médica, f* определяются современными испанскими словарями как нормативные.

Прочитываем Феликса Асуа, журналиста «El País» (15.11.00, последняя страница): «*Y si abres cualquier diario te encuentras con ministras, conductoras de autobús, empresarias, guardias civiles, catedráticas, pilotos, teólogas. Hace veinte años, esa comunidad de seres autónomos no existía. En las noticias sólo aparecían tonadilleras, asesinas y esposas. [...] En sólo veinte años se ha producido una revolución mucho más eficaz que la soviética. Las mujeres han conquistado su soberanía sexual, política y laboral. Esta nueva soberanía las afecta a ellas, pero hace mucho más interesante la vida de millones de varones*» /«Открыв любую газету, мы то и дело сталкиваемся с сообщениями о женщинах-министрах, водителях автобусов, предпринимателях, полицейских, профессорах, теологах. Двадцать лет назад такого сообщества независимых индивидов не существовало. В новостях упоминались только жены, певицы и убийцы [...] За двадцать лет мы претерпели революцию, куда более эффективную, чем советская. Женщины отвоевали сексуальный, политический и трудовой суверенитет. Этот новый суверенитет касается их, и делает более интересной жизнь миллионов мужчин»/.

Очевидно, что русский язык более статичен, и смены в номинации вышеперечисленных профессий (министр, водитель, предприниматель, полицейский, теолог) не произошло. Формы женского рода не появились, либо не утратили стилистической маркированности, сравните: водительница, предпринимательница.

В нашем исследовании мы разделяем понятия «пол», «гендер» и «род». Пол нами понимается как биологические, социально-биологические и социальные различия между мужчинами и женщинами. Вслед за Н.И. Абукириной мы считаем, что гендер – «это конструкция концептуальная и основанная на опыте, индивидуальная и общественная, кросс-культурная и специфически культурная, физическая и духовная, а также политическая. То есть она является отражением жизни в мире, создавшем нас не просто людьми, но всегда женщиной или мужчиной. В мире, где любое различие или разделение находятся в системе строгих иерархических и доминирующих отношений»⁸.

И, наконец, собственно лингвистический термин «род – грамматическая категория, свойственная разным частям речи и состоящая в распределении слов или форм по двум или трем классам, традиционно соотносимым с признаками пола или их отсутствием; эти классы принято называть мужской, женский и средний. Семантические основания родовой классификации очень размыты. Лишь в части существительных можно выявить релевантное отношение половых различий⁹. Отсутствие четких формальных показателей привело

Лингвокультурология и межкультурная коммуникация

к образованию промежуточных классов, которые еще в античных грамматиках называли общими (*ambiguo*), – напр.: *неряха, недотена, химик, хирург; el/la deportista, el/la turista*, и обоюдными (*epiceno*) – напр.: *собака, белка, la ardilla, la liebre, el elefante*. Особенность общего и обоюдного родов состоит в том, что они содержат имена одного рода по формальным признакам, но эти имена приложимы к номинации лиц (особей) обоюдопола. Для проявления значимого физиологического различия в научной и научно-популярной литературе, например, в биологических трактатах, для имен обоюдного рода вводится дополнительный детерминант – *самец, самка, macho (varón), hembra*. Представляет интерес тот факт, что словами общего или обоюдного рода в испанском языке становятся слова с коннотативными значениями, образованные сложением основ, например, *el/la zampalimosnas (непрошайка, побирюшка), el/la blandabreves (нустой человек, ленивый и бесполезный)* или при метафорическом переносе, например, *la abeja (пчела), la hormiga (муравей)* – в значении *трудолюбивый человек, la ardilla (белка) – непоседа, пройдоха*. Хотя при этом ряд слов с подобным словообразованием может сохранять четкую как формальную, так и семантическую принадлежность одному роду/полу, например: *el botafuego (1. запальник; 2. вспыхивающий человек, порох), el zángano (трутень, лентяй)*. Для сохранения оппозиции мужской/женский род в языке появилась форма *la zángana*, образованная от формы мужского рода флексией женского рода *-a* для номинации женщины-лентяйки, в то время как в живой природе такого вида насекомых (*zánganas*) не существует.

Мы уже отметили, что наименование людей по профессии является тем лексическим пластом, где проявляется гендерная асимметрия. В испанской гендерной лингвистике этому вопросу уделяется огромное внимание, что отражено в исследованиях И. Арумбусабала, А.М. Вигара Таусте, С. де А. Кастельанос, И. Альмар, А. Гарсия Айарсон и др.¹⁰

Поскольку исторически профессия являлась прерогативой мужчин, в номинации профессий как в русском, так и в испанском языках наблюдается доминирование имен мужского рода, напр.: *врач, преподаватель, кузнец, médico, molinero, soldado*. Для обозначения женщины-деятели в официальной номинации либо используются те же самые номинации: *врач Иванова/женщина-врач, la médica López/la mujer médica López*, либо образуются дериваты от номинаций мужчины-деятели: *машинист – машинистка, учитель – учительница; vendedor – vendedora, profesor – profesora*.

Ряд вышеназванных существительных, оставаясь формально формами мужского рода: *врач,*

químico, médico, в середине XIX–XX вв. стали семантически именами общего рода.

Достаточно позднее внедрение женщины в профессиональную деятельность привело к тому, что потенциал языка для образования существительных женского рода от номинаций мужчины-деятели к этому времени был исчерпан, и дериваты женского рода уже существовали, обладая значением, отличным от номинации профессии, и были омонимами профессиональной номинации: *мельничиха, molinera – жена мельника; профессорша – жена профессора; тоwnera – жена токаря; soldada – солдатское жалование; torera – типичная куртка тореодора; olivarera – пора сбора оливок*. Немалая часть наименований по признаку женского пола имеет разговорный и разговорно-обиходный оттенок: *повариха, секретарша, продащица, адвокатесса и адвокатша; médica, estudianta, poetisa, cantanta*. Однако постепенно формируется ряд номинаций при сохранении нейтральности стилистических характеристик имен, выражающих признак женскости: *актриса, певица, рабочая, точильщица; actriz, secretaria, vendedora, tejedora, jueza, abogada*.

Полагаем, что с усилением роли женщины в профессиональной деятельности процесс номинации будет изменяться и стилистически нейтрализовываться, поскольку язык является отражением не только мышления человека, но и культурных, этнических, экономических особенностей социума. Следовательно, изменение отношений к гендерному аспекту в социуме найдет свое обязательное отражение в языке.

¹ Каменская О.Л. Гендергетика – наука будущего // Гендер как интрига познания. М.: 2002, С. 13–19.

² Горошко Е.И. Гендерные исследования в языкознании (К проблеме становления метода). <http://www.genderstudies.info/lingvo/lingvo.php>

³ Фомин А.Г. Психолингвистическая концепция моделирования гендерной языковой личности. Москва–Кемерово: Кузбассвузиздат, С. 7.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Семенова Л. Как навязываются стереотипы: кушать подано, только отделите зерна от плевел/ Гендер для чайников. М.: Звенья, 2006. С. 29.

⁶ Хеллингер М. Контрастная феминистская лингвистика/ Феминизм и гендерные исследования. Хрестоматия. Тверь, 1999. С. 91–98.

⁷ Емірсуїнова Г. Відбиття соціального статусу жінки в англійській мові // Вісник Харківського національного Університету ім. В.Н. Каразіна. Серія «Романо-германська філологія», 1999. С. 142–147.

⁸ Абукирова Н.И. «Что такое гендер?» / Общественные науки и современность. 1996. № 6. С. 123–125.

⁹ Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1998. С. 417.

¹⁰ <http://www.ucm.es/info/especulo/cajetin>.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ КАК МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Е.В. Харченко

Статья посвящена актуальной проблеме профессионального общения, которое рассматривается как взаимодействие носителей разных корпоративных культур. Исследование базируется на основных положениях психолингвистики.

К межкультурным коммуникациям, обычно понимаемым как взаимодействие носителей разных национальных культур, мы относим и взаимодействие носителей корпоративных культур. Обычно корпорация трактуется как объединение, союз, создаваемый на основе профессиональных или сословных интересов. На основании этого определения под корпоративной культурой мы понимаем как профессиональную культуру (культура, формируемая специалистами какой-либо области деятельности в течение длительного времени, передающаяся вместе со специфическими знаниями), так и организационную культуру (культура, формирующаяся внутри конкретного предприятия, выделяющая его из числа других).

Одной из функций культуры является выработка стереотипов, которые служат для закрепления эффективных стратегий поведения, выработки общей картины мира, отраженной в языковом сознании, объединению ради достижения какой-либо цели. Оптимальные стереотипы эффективного поведения сохраняются для новых членов группы в том числе и посредством закрепления через язык (выделение какого-либо предмета, действия и его называние).

При межкультурном общении, включающем и взаимодействие представителей разных корпоративных культур, необходимо учитывать своеобразие «профессионального образа мира», который формируется при обучении специальности и дальнейшей трудовой деятельности.

Говоря о своеобразном профессиональном языковом сознании, существование которого признают многие ученые, следует учитывать различные степени его сформированности, которые, по нашим наблюдениям зависят не столько от времени работы, сколько от заинтересованности, вовлеченности, нацеленности на профессионализм (поэтому можно выделять в каждой сфере деятельности «профессионалов» и «непрофессионалов»), и умения/неумения человека «переключаться» на обыденное сознание.

Основные проблемы в межкорпоративной коммуникации связаны с наличием/отсутствием общности знаний, что проявляется в следующем:

1) отсутствие у собеседника наполнения тела знака (например, при назывании диагноза врачом, или перечислении технических характеристик машины продавцом);

2) наполнение тела одного знака разным содержанием;

3) незнание дополнительной, символической нагрузки у знака.

При изучении профессионального общения особое место уделяется языковому сознанию субъектов деятельности. Особенно важно это при обращении к анализу межкультурных коммуникаций, к которым относятся и взаимодействия представителей разных корпоративных культур.

Наиболее актуальным нам представляется учёт разницы языкового сознания при общении специалистов разных профилей, а также профессионалов и профанов (неспециалистов в конкретной сфере деятельности). Как и у носителя национальной культуры у «носителя профессиональной культуры» можно выделить те качества сознания, которые сформировались при «присвоении» определённой профессиональной культуры: перцептивные, полученные от органов чувств; концептуальные, формируемые в ходе мыслительной деятельности; процедурные, описывающие способы и последовательность использования перцептивных и концептуальных данных. Например, носитель филологической культуры имеет сознание, состоящее из психических образов и представлений, бытующих в своей среде, объединяющей лингвистов и литературоведов. Эти знания в виде образов сознания и представлений (значений слов), ассоциированные со словами (телами языковых знаков) используются коммуникантами для построения мыслей при кодировании и декодировании речевых сообщений с учетом культурных стереотипов.

При взаимодействии людей разных профессий выделяются особенности:

1) в построении речевых стереотипов, осуществляемых в соответствии со стратегиями действий, которые формируются в профессиональном сознании;

2) в характеристиках образов сознания, отображающих предметы конкретной корпоративной культуры;

Лингвокультурология и межкультурная коммуникация

3) в этнокультурной специфике, которая во многом определяет нормы речевого поведения профессионалов.

Для достижения взаимопонимания необходимо, чтобы коммуниканты обладали общностью знаний об используемом языке и общекультурными навыками речевого общения, а также общностью знаний о мире в форме образов сознаний. Носители разных культур понимают друг друга в той мере, в какой образы их сознаний пересекаются (обладают общностью), несовпадение этих образов служит причиной неизбежного непонимания при межкультурном общении. Это важно и при обучении профессиональному общению, поскольку легче сформировать навыки говорения (письма) и слушания (чтения), чем преодолеть различие профессиональных сознаний коммуникантов, особенно сложно это еще и потому, что мы часто не осознаем «инакомыслие» специалистов, однако это является естественным, если речь идет о представителях разных национальных культур.

В отличие от национальной и гендерной культур, корпоративная (профессиональная) формируется в достаточно взрослом возрасте и на первых порах может восприниматься сознательно и даже

оцениваться: при получении второго высшего образования или переходе на другое место работы человек, как правило, может четко выделить новые реалии, которые могут восприниматься как отступления от норм.

Актуальность данной темы мы видим в том, что в деловой сфере все большее внимание уделяется нематериальным активам, к которым в первую очередь относятся люди и продукты их интеллектуальной деятельности. В последние годы возрос интерес к сфере профессиональной коммуникации, причем фокус внимания сместился с невербальной коммуникации (это направление широко представлено прежде всего в психологическом направлении) на непосредственно речевое поведение специалистов. Для представителей многих профессий владение речью и культурой общения стало осознаваться в современном российском обществе как первостепенное (например, в сфере обслуживания). Наши наблюдения за новыми межличностными отношениями в складывающейся рыночной экономике России со всей очевидностью доказывают, что профессиональное речевое поведение должно быть осознаваемым, структурированным, управляемым.

ЭВФЕМИЗАЦИЯ ДЕМОНИМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е.М. Черникова

В статье детально изложены основные способы эвфемизации демонимов, представленных в русском языке. Рассмотрены как христианские демонимы (*Сатана, дьявол, демон*), так и языческие (*леший, шиш, банник*). Представлен статистический подсчет продуктивности способов эвфемизации, выявлены самые продуктивные и самые непродуктивные способы. Рассмотрены эвфемизированные демонимы прошлых веков и настоящего времени.

Характерной чертой русской демонологии является смесь христианских демонимов и языческих теонимов и демонимов. Искусственное насаждение чуждой религии привело к тому, что в народе практически 10 веков (XI–XXI вв.) сохранялись традиции языческой культуры. Языческие теонимы целенаправленно и планомерно уничтожались. Однако служители христианского культа не смогли полностью уничтожить языческие элементы. Причудливая смесь теонимов и демонимов сохраняется и по сей день.

При этом христианский демоним *Сатана* занял верховное место в русском пандемоне, библейские бесы слились с низшими демонами язычества (домовыми, лешими, и т.д.), некоторые языческие боги трансформировались в разнообразную нежить вместе с языческой низшей и высшей демонологией, другие языческие боги были отождествлены с христианскими святыми: «Перун – со святым Ильей, Велес – со святым Власием, Ярила – со святым Юрием (Георгием)»¹.

Христианский демоним *Сатана* восходит к «еврейскому *sātān*, арамейскому *šīṭānā* или *sātānā* «противник в суде, в споре или на войне, препятствующий, противоречащий, обвинитель, наущник, подстрекатель»². При этом следует отметить, что в Ветхом Завете *Сатана* – «еще имя нарицательное, употреблявшееся во всех перечисленных выше смыслах; в специальном применении к *Сатане* оно воспринимается как прозвище безмянного врага, у которого могут быть и другие прозвища сходного значения, например, как в апокрифе 2 в. до н.э. «Книга Юбилеев» (17, 18), *Мас-тема* (евр. *masetemāh* «вражда»); ср. в евангельских текстах обозначения типа «Лукавый» (греч. *ropetós*, напр. Матф. 6, 13; 12, 19 и 38), «Враг» и т.п.»³.

Среди прозвищ *Сатаны* можно назвать: *Враг небес, Враг рода человеческого, Лукавый соблазнитель, Нечистый, Нечистый дух бесовский, рогатый, проклятый*.

Это «классические» эпитеты противника Бога. Все они встречаются в народных заменах демонима *Сатана*, чье имя стараются не произносить, особенно вечером и ночью. Другие же замены несут на себе отпечаток вавилоно-аккадской (*Вельзе-*

вул), русской (*Князь мира, Денница*), индоевропейской мифологий (*дракон*) и даже греческих переводов (*демон, дьявол*).

Пример связи с русской мифологией: *Сатана* может предстать в образе князя: *Князь, господствующий в воздухе, дух, действующий ныне в сынах противления* (Еф 2:2); *Князь мира сего* (Иоа 12:31), (Иоа 16:11). Сравни с народными представлениями: *Князь преисподней, Князь тьмы*. Отметим, что богом – покровителем княжеской дружины и самого князя был *Перун*. Вероятно, этим сходством можно объяснить странную параллель *Князь мира – Сатана*. После перехода *Перуна* в разряд демонимов, *Князем мира* автоматически стал называться глава демонов. При этом в Ветхом Завете *князем мира* называется также грядущий мессия – Иисус: *Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира* (Иса 9:6).

Не менее интересной представляется и эвфемистическая замена демонима *Сатана* на *Денница/Звезда утренняя* (лат. *Lucifer*, греч. *Phosphoros*) (Иса 14:12), (Пса 109:3). Напомним, что первоначально речь шла об эпитете Вавилонского царя, чьи придворные сравнивали своего повелителя с планетой Венерой (или Иштар). «Еврейское слово «хелель» переведено здесь как «Люцифер», буквально это означает «Сияющий», и считается, что оно относится к планетарному телу, которое мы называем Венерой»⁴. Следует отметить, что *Хелель (Светоносный)* – это угаритский теоним.

Примечательно, что эпитет *Денница/Звезда утренняя* относится также и к Иисусу (Апо 22:16). Как правило, служители культа отказываются комментировать этот стих. Нам кажется вполне закономерным смешение эвфемизированных эпитетов, скрывающих истинные теонимы и демонимы. Следует отметить связь демонима *Денница* со славянской мифологией: «*Денница* – в славянской мифологии образ полуденной зари (или звезды), мать, дочь или сестра солнца, возлюбленная месяца, к которому ее ревнует солнце»⁵.

Очевидно смешение христианского и славянского языческого культов с целью перевода языческих теонимов в разряд христианских демонимов.

Лингвокультурология и межкультурная коммуникация

Во многих мифологиях при искусственном и насильственном насаждении культа нового бога старые боги переходили в разряд демонов. Сравни: египетский *Сет*, аккадский *Ваал*, киевский *Перун*.

Некоторые эвфемистические эпитеты демонов основаны на признаке противопоставления эвфемистическим эпитетам теонимов. Например, *Отец ваш Небесный* (Яхве) и *Отец лжи* (Сатана); *Святой Дух* и *Дух Тьмы*; *Владыка небес* и *Владыка Ада*; *ангел божий* и *падший ангел*.

Следует отметить, что основной упор в «народных» эпитетах делается на черный цвет (*Черный бог*) (сравни языческих богов *Белобог* и *Чернобог*), как основной признак злого начала; на царство мертвых (Ад), как основное место обитания дьявола; на отсутствие плоти (дух).

Другой демоним *дьявол* заимствован из греческого языка (из перевода Септуагинты): *Диавол* (Psa 108:6) от греч. διάβολος «клеветник». Отметим, что наряду с демонимом *дьявол*, в русском языке функционирует и дословный перевод с греческого: *Клеветник* (например, *Клеветник братьев наших*). Оба варианта (*дьявол* и *клеветник*) являются синонимами, но в Библии предпочтение отдается конструкциям с демонимом *дьявол*: *Диавол, прельщавший их* (Аро 20:10).

Синонимичен этим двум демонимам демоним *демон* (от греч. Δαίμων).

Отметим, что первоначально *Δαίμων* называлось «в греческой мифологии обобщенное представление о некоей неопределенной божественной силе, злой или (реже) благодетельной, часто определяющей жизненную судьбу человека. Это мгновенно возникающая и мгновенно уходящая сила страшная роковая сила, которую нельзя назвать по имени, с которой нельзя вступить ни в какое общение. Внезапно нахлынув, он молниеносно производит какое-либо действие и тут же бесследно исчезает... Иногда олимпийские боги тоже называются демонами, но только в обобщенно-неопределенном смысле или в случае, когда бог не проявил себя индивидуально и скрывает свое имя»⁶.

Вероятно, в русском языке закрепился отрицательный вариант интерпретации *демона*, *демоны* соотносятся с *бесами* (низшая демонология, бесчестия), и лишь в исключительных случаях, (например, у М.Ю. Лермонтова в поэме «Демон») мы можем встретить употребление *демон* как абсолютного синонима *Сатане*.

Проявляются в христианской русской демонологии также следы индоевропейской мифологии: драконоборческий мотив (Главный бог-громовержец убивает змея/дракона). Это языческий *Перун*, убивающий змея *Волоса/Велеса*. «В своей языческой функции Велес воспринимался позднейшей православной традицией (в той мере, в какой она его не ассимилировала, отождествив со св. Власием) как «плотый зверь», «чёрт», отсюда

костромское ёлс – «леший, чёрт, нечистый», диалектные волосатик, волосень – «нечистый дух, чёрт»; это же позднейшее значение – «чёрт» известно и в родственном чеш. *Veles* – «злой дух, демон» (тексты XVI–XVII вв.)⁷.

Этот образ ныне трансформировался в Георгия Победоносца, убивающего дракона/змея. Отметим, что дракон – классический образ бога семитского мира. Вавилоняне поклонялись статуе дракона, олицетворявшей грозного бога.

Поклонение богу в образе дракона, а также индоевропейские драконоборческие мотивы повлияли на эпитеты – замены запретного имени дьявола. Так, вслед за богами Вавилона, названными *Драконами Аравийскими* (3Ез 15:29) в Ветхом Завете, в Откровении Иоанна Богослова и Книге пророка Даниила демоним *Сатана* заменен эвфемизмами: *Большой красный дракон с семью головами и десятью рогами* (Аро 12:3); *Великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной* (Аро 12:9); *Дракон, змий древний, который есть диавол и сатана* (Аро 20:2); *Дракон* (Дан 14:23), (Аро 12:3); *Змей* (Gen 3:1). К этой же категории можно отнести демоним *Зверь* (Аро 20:10) и *Зверь с семью головами и десятью рогами* (Аро 13:1). Сравни с языческими: *Змей Огненный Волх*; *Змей Горыныч*; *Чернобог/ Черный Змей*; *Велес/Змей Волос*.

Одним из основных демонимов в русском разговорном языке стал *чёрт* или *бес*, что в принципе обозначало библейского *Сатану*. При этом демонимы *чёрт*, *бес* и *сатана* не являются абсолютными синонимами. Как отмечает А. Я. Шайкевич, в Гавриилиаде Пушкина «*сатана* взаимозаменялось с *бесом*, *бес* — с *чертом*, но *сатана* (книжное слово) и *черт* (разговорное) если и заменяли друг друга в тексте, то при этом меняли стилистический эффект»⁸.

Примечательно, что у демонима *чёрт* существует разветвленная система для обозначения гендерных и возрастных различий: *чёрт* – *чертиха* – *чертёнок*. В языческих демонимах часто сохраняются только гендерные различия. Например, *домовой* – *домовиха*, *леший* – *лешачиха*, *лешень* – *лешуха*, *банник* – *волосатка*, *шши* – *шшига* или *шшимора*. Встречаются и только возрастные различия: *бес* – *бесёнок*.

До настоящего момента сохранилась практически вся языческая низшая демонология: *лешие*, *водяные*, *домовые*, *банники*, *упыри*, *злыдни*, *кикиморы* и др.

Б.А. Ларин приводит записанный им рассказ о *шшиках* – эвфемистической замене демонима *чёрт*, уточняя, что «наименование чертей (или чертенят) *шшиками* не прямое, а подставное. На это указывает и безбоязненное употребление этого слова при запрете на слово *черт*, а также этимологические соображения»⁹.

Отметим, что эвфемистические замены имен низших демонов (так называемая *нечисть*) связа-

ны в русском языке преимущественно с наименованием места их обитания. Например:

- *Баенник/банный/ банник/ байник/ баинник/волосатка* (место обитания – баня);
- *Болотник/Болотница* (место обитания – болото);
- *Водяной/ водяник/ водовик/ Чудо морское/ Чудо-юдо/ Морской царь/ Водяной царь/ Поддонный царь* (место обитания – море/вода);
- *Дворовой* (место обитания – двор);
- *Конюшеник* (место обитания – конюшня);
- *Лесной царь* (место обитания – лес);
- *Огородный* (место обитания – огород);
- *Полевик/полевой* (место обитания – поле);
- *Леший/ лесовик/ лешак/ лесовой/ лесун/ лесник/ лешачиха/ лешуха/ лешень* (место обитания – лес);
- *Домовой* (место обитания – дом);
- *Сараюшник* (место обитания – сарай).

Очевидно также деление вышеизложенной нечисти на главных (*Лесной царь, Морской царь*) и низших (*сараяшник, лесовой*).

Неизвестно, какой именно демоним или теоним был заменен эвфемизмом *домовой*, но даже эта замена подверглась повторной эвфемизации: *доманя, сам, дедушка, хозяин, Он, суседка, суседко, сушетко, кормилец, доможил, лизун, дядя, жировик, бес-хороможитель, доброжил, доброхот*.

Мы можем предположить, что почитание умерших предков могло повлиять на создание некоторых эвфемизмов, например, *дедушка, кормилец, хозяин*. С другой стороны, *Хозяином* называли охотники медведя. *Хозяин* также может употребляться для обозначения демоники *Сатана*.

Эвфемизация демонимов в русском языке не закреплена какими-либо религиозными предписаниями, а сохраняется в устной традиции исключительно как суеверие. Как и у теонимов, у нечистой силы имя отождествлено с носителем и после произнесения может привести к появлению носителя имени. Следовательно, возникает необходимость подменных имен, что неизбежно ведет к эвфемизации.

Примечательно, что и в настоящее время происходит процесс суеверного эвфемизирования демонимов. Только на этот раз демоны, по народным представлениям, живут в компьютерах, мобильных телефонах, автомобилях и другой технике. По данным института мифологии и общей параведики им. В.Я. Проппа¹⁰, люди верят в существование таких демонов, как:

- *Байтыр* (от англ. Bite «байт» (единица информации) и от батыр «богатырь», «герой»);
- *Баннерник* (От англ. Banner «баннер»);
- *Досовик/Досник/ Досовичок* (От названия операционной системы MS DOS);
- *Емелка/Емелий* (От англ. E-mail «электронная почта»);

• *Каталожник* (От русс. каталог или англ. Catalogue «каталог»);

• *Моблик* (От англ. Mobile «мобильный», «мобильный телефон»);

• *Сетевик/Сетевой Хозяин/Сетевой/Нетти* (От русс. Сеть);

• *Ундекс* (От названия поискового сервера Яндекс);

• *Хомовой* (От англ. Home «дом», «домашняя страничка в интернете»).

Существуют также *Хухель* и 3 ведьмы-сестры: *Парна, Маня, Гейма*.

Очевидно происхождение этих демонимов из английских названий, используемых людьми, работающими с компьютерами. В данном случае мы сталкиваемся с явлением перехода имени нарицательного в имя собственное, которое уже сразу является подменным. Напомним, что официально или зафиксированного запрета на произнесение демоники в русском языке не существует.

Таким образом, мы можем говорить, что эвфемизация демонимов в русском языке представлена следующими способами:

1) замена демоники апеллятивом «противник», «враг» (Враг небес);

2) замена демоники апеллятивом, называющим функцию (князь мира сего);

3) замена демоники иностранным апеллятивом или именем другого бога (дьявол, Денница);

4) замена демоники эпитетом (рогатый);

5) замена демоники метафорой (Звезда утренняя);

6) фонетическая деформация демоники (Вельзевул);

7) замена демоники апеллятивом, называющим место обитания демоники (домовой, водяной).

Самым распространенным является замена демоники апеллятивом, называющим функцию (31%). На втором месте по распространенности идет замена демоники иностранным апеллятивом (15%). Замена демоники эпитетом встречается реже (12%), еще реже замена демоники апеллятивом, называющим место обитания демоники (11%) и замена демоники метафорой (10%). Остальные способы (замена демоники апеллятивом «противник», «враг»; фонетическая деформация демоники) представлены единично. Около 16% демоники являются именами собственными (этимология не выявлена).

¹ Иванов В.В. Славянская мифология [Текст] / В.В. Иванов, В. Н. Топоров. // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 2000. Т. 2. С. 455.

² Аверинцев А.А. Сатана [Текст] / А.А. Аверинцев. // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 2000. Т. 2. С. 412.

³ Там же.

⁴ Азимов А. Путеводитель по Библии. Ветхий Завет [Текст] / А. Азимов; пер. с англ. О.А. Блейз (гл. 1–11),

Лингвокультурология и межкультурная коммуникация

С.П. Евтушенко (гл. 12–39). М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. С. 507.

⁵ Иванов В.В. Денница [Текст] / В.В. Иванов, В.Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 367.

⁶ Лосев А.Ф. Демон [Текст] / А.Ф. Лосев // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 367.

⁷ Иванов В.В. Велес [Текст] / В.В. Иванов, В.Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 227.

⁸ Шайкевич А.Я. Введение в лингвистику: Учеб. пособ. для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений [Текст] / А.Я. Шайкевич. М.: Издательский центр «Академия», 2005. С. 160.

⁹ Ларин Б.А. Об эвфемизмах. [Текст] / Б.А. Ларин. // Проблемы языкознания. Л., «Изд-во Ленинградского университета», 1961. С. 111.

¹⁰ <http://raskrutka.com/myth>. [Электронный ресурс] (26.04.07).

ЯЗЫКИ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

УДК 802.93

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОГО СЛЕНГА В АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

И.В. Белова, Ю.Е. Павлова

Данная статья посвящена описанию лексико-семантических особенностей военного сленга в американском варианте английского языка. В статье анализируются понятия «сленг» и «военный сленг» в современной лингвистике, определяются источники пополнения американского военного сленга. Материалом исследования послужили слова с пометой «mil.sl.», а также слова и выражения из речи героев американских фильмов, посвященных военной тематике, например, «Saving Private Ryan», «Apocalypse Now», «The Deer Hunter», «J.I. Jane», «Platoon», «Pearl Harbor».

Одной из основных функций языка является коммуникативная функция. Это позволяет говорить о том, что язык социален по своей природе и во всех своих проявлениях, не может ни функционировать, ни развиваться вне связи с жизнью и обществом.

Общественный характер языка определяет его социальную дифференциацию, которая представляет собой любые различия в языке, обусловленные воздействием социальной среды. Проблема взаимодействия языка и общества не может быть решена без изучения функционирования языка в различных общественных слоях и профессиональных группах. Исходя из этого, основная цель данной статьи – проанализировать некоторые лексико-семантические особенности военного сленга американского варианта английского языка.

Известно, что термин «сленг», появившийся в английской лексикографии примерно в начале 19 века, использовался для обозначения единиц словарного состава языка, не отвечающих литературным нормам. Но этимология данного термина, так же как и его сущность, до сих пор остаются спорными, несмотря на то, что предпринимались многократные попытки исследователей различных лингвистических школ разрешить данную проблему.

Так, ряд лингвистов, признавая наличие такой категории как сленг, определяют его как форму речи, которая обязана своим происхождением желанию людей отклониться от обычного языка, навязанного обществом¹. Отдельные исследователи отрицают существование сленга, относя соответствующие «сленговые» слова к различным лексическим и стилистическим категориям. Их аргументация основана на результатах исследований английских ученых лексикографов, главным образом, на их опыте составления словарей английского языка, которые показали, что одно и то же слово в различных словарях имеет различное лингвистическое признание; одно и то же дается с пометами

«сленг», «просторечие», или без всяких помет, что свидетельствует о соответствии литературной норме языка².

Не существует единого мнения и в отношении основных особенностей сленга. И.В. Арнольд, преимущественно, рассматривает лексические особенности сленга³, в то время как М.М. Маковский говорит о необходимости изучения не только лексических, но и грамматических, и фонетических особенностей⁴.

Опуская спорные вопросы, в настоящей статье авторы под термином «сленг» понимают лексический слой, находящийся вне пределов литературного языка и обладающий ярко выраженными оценочными, экспрессивными и эмоциональными коннотациями⁵.

Первое заслуживающее доверия упоминание об англоязычном военном сленге можно, по словам Э. Парtridge, встретить в классическом словаре вульгарного языка Ф. Гроса «A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue» 1788 года. В третьем издании данного словаря (1796 г.) насчитывается около 70 единиц, относящихся к военному сленгу. Однако до появления работы Э. Парtridge «Slang Today and Yesterday» военный сленг оставался предметом преимущественно лексикографического толкования в просторечных словарях. В своей монографии Э. Парtridge дает обзор существующих научных работ, в которых хотя бы упоминался военный сленг, перечисляет словари, фиксирующие военный сленг, приводит в качестве примеров словарные статьи, давая при этом свою интерпретацию некоторых понятий, и описывает некоторые отличия между сленгом моряков и солдат⁶. Монография Э. Парtridge остается единственным исследованием в зарубежной лингвистике, посвященным детальному изучению военного сленга.

В отечественном языкознании военный сленг редко являлся предметом исследования ученых,

отсутствует общепринятый термин для этого понятия, а также не определено и само понятие. Наиболее глубоким исследованием в данной области является научный труд Г.А. Судзиловского. Автор приводит примеры существования военного сленга в английском языке, и, в свою очередь, определяют исследуемое понятие как «слова и выражения английского языка, которые употребляются для обозначения военных понятий в первую очередь в вооруженных силах США и Англии, а также некоторые невоенные понятия»⁷. Автором были собраны и переведены некоторые сленгизмы и жаргонизмы, однако им не была выявлена их ареальная дифференциация, не установлены лексико-семантические особенности.

В работах ряда лингвистов встречаются упоминания не о военном сленге, а о военном жаргоне как одном из видов профессиональных жаргонизмов. Так, в монографии «Нестандартная лексика английского языка» Т.М. Беляевой и В.А. Хомякова отмечается, например, что жаргон британских военных летчиков во время второй мировой войны мог сделать речь непонятной не только для стороннего наблюдателя, но и для военнослужащих других родов войск⁸. В своей работе «Три лекции о сленге» В.А. Хомяков упоминает о военных жаргонизмах, возникших после второй мировой войны, в период военных действий в Корее и Вьетнаме, а также о военном профессиональном жаргоне НАТО, который насчитывает около 5 тысяч слов и выражений, отличающемся от англо-американских жаргонов второй мировой войны⁹.

А.Д. Швейцер в работе «Очерк современного английского языка в США» относит военный сленг к «специальному сленгу». Автор считает, что большинство военных сленгизмов – эмоционально-окрашенные эквиваленты военных терминов, чаще всего с насмешливой коннотацией. При этом, по его мнению, жаргонизмы и сленгизмы охватывают более широкую понятийную сферу, чем официальная уставная терминология, поскольку они отражают все стороны военного быта. А.Д. Швейцер также указывает на возможность перемещения военных жаргонизмов в сленг. Например, жаргонизм *guardhouse lawyer* «солдат, считающий себя знатоком военных законов» вошел в общий сленг в значении «человек, охотно дающий некоторые советы». Возникший в годы второй мировой войны жаргонизм *gremlin* «бесенок, вызывающий технические неполадки», приобрел в сленге значение «нарушитель спокойствия». Кроме того, в работе были отмечены некоторые существенные черты англоязычного военного сленга, в частности, его соотнесенность с уставной терминологией, эмоциональная окрашенность, неустойчивость и подвижность¹⁰.

Таким образом, можно говорить о том, что большинство авторов не разделяют такие понятия как «военный сленг» и «военный жаргон». По нашему мнению, существенным отличием военного

сленга от военного жаргона является повышенная эмоциональность сленга и отсутствие в нем избирательности объектов для языковой репрезентации. Избирательность номинации жаргонизмами определяется, прежде всего, кодирующим характером жаргона, то есть необходимостью скрыть информацию от непосвященных.

Итак, в данной статье под военным сленгом мы понимаем лексические единицы, имеющие яркую эмоционально-оценочную окраску, отражающие военный быт и реалии, использующиеся в основном в военных кругах, но известные всем носителям языка и употребляемые в процессе коммуникации для экспрессивной функции, а не с целью кодировки речи.

Сленг наряду с литературным языком отражает образ жизни языкового коллектива. Поэтому в общей лексике сленга, согласно Береговской Э.М., можно выделить следующие основные лексико-семантические группы (далее ЛСГ)¹¹.

1. Отношения между людьми.
2. Физическая деятельность.
3. Увлечения.
4. Человек и окружающий его мир.
5. Интеллектуальная деятельность.

Все указанные ЛСГ характерны и для лексики военного сленга, за исключением группы «Интеллектуальная деятельность», что связано с особенностями военной жизни и быта.

Рассматривая лексику военного сленга, перечисленные выше общие ЛСГ можно разделить на ряд наиболее частных подгрупп. Таким образом, в первой группе можно отметить следующие подгруппы:

– повседневные взаимоотношения между людьми (например, *apple polisher* «подхалим», *Chief of Staff* «жена офицера», *chow hound* «обжора», *Dilbert* «простак», *Army brat* «ребенок военнослужащего», *bat the breeze* «болтать», *to blind* «ругаться», *pard* «приятель»);

– взаимоотношения между различными категориями военнослужащих в зависимости от звания и должности (например, *area bird* «дневальный», *boot* «новобранец», *zebra* «сержант», *top kick* «первый сержант», *chicken* «полковник», *Jack Tar* «матрос», *approach march* «подход к начальнику»);

– взаимоотношения между военнослужащими различных государств (например, *Itie* «итальянский солдат», *Anzac*, *digger* «австралийский солдат», *Jap* «японский солдат»).

Во второй группе можно выделить три подгруппы:

– деятельность во время повседневной службы (например, *to dhoobie* «стирать», *to dog a watch* «делить время вахты с напарником», *to bust* «разжаловать», *to police the barracks* «делать уборку в казармах», *to barbarize* «надраивать, чистить»);

– деятельность во время боевых действий (например, *to dirt* «залегать в окопе», *dingaling* «допрос военнопленного», *to go over the top* «идти в

атаку», to get one «получить ранение», to take to the field «начинать действия»);

– деятельность во время учений (например, battle inoculation «обучение в условиях, максимально приближенных к боевым», to jawbone «тренироваться», antics «тактические учения»).

Третью ЛСГ «Увлечения» целесообразнее будет обозначить как «Увольнение и свободное время». К этой группе можно отнести следующую лексику: dicky leave «самоволка», dicky run «кратковременное увольнение», anchor chain liberty «самовольная отлучка», baggage «выпивка, попойка».

В последней группе следует отметить следующие подгруппы:

– еда (например, ink «кофе», Java «кофе», army biscuit «сухарь», bug juice «спиртное», army chicken «сосиски с бобами», bare navy «мясные консервы», chop «еда»);

– одежда и обмундирование (например, ammos «походные ботинки», basin hat «шлем», cheese cutter «фуражка выходной формы одежды», dinks «обмундирование», Long Johns «кальсоны»);

– вооружение и военная техника (например, chopper «вертолет», egg «бомба, мина», equalizer «оружие, винтовка», rat trap «подводная лодка», grease box «танк»);

– состояние здоровья (например, basket case «тяжелораненый», played out «истощенный», to be on a rumpy list «находиться на учете в больнице», chopped «убитый»);

– настроение, психическое состояние (например, dischargeitis «нервное возбуждение в связи с увольнением», esprit de dog face «настроение рядового солдата», fantod «нервничавший офицер», cheerful but subdued «в бодром настроении, но удрученный»);

– части человеческого тела (например, bean «голова», landing gear «ноги»).

По частотности употребления перечисленные ЛСГ можно распределить следующим образом (в порядке убывания): вооружение и военная техника, взаимоотношения между различными категориями военнослужащих, деятельность во время боевых действий, еда, досуг.

Учитывая различные сферы употребления лексики военного сленга, выделенные выше ЛСГ можно разделить далее на три понятийных раздела: Aviation, Navy, Military. В свою очередь лексику данных разделов можно дифференцировать в соответствии с различными видами войск и служб.

Например, в Military slang можно выделить лексику, характерную для пехоты (например, tommy gun «автомат», chatterbox «пулемет», hip flask «пистолет в кобуре», suicide ditch «передовая траншея»), для бронетанковых и механизированных войск (например, gasoline cowboy «танкист», creeper «танк», rat race «преследование», gear-happy driver «лихой водитель»), для войск связи (например, blower horn «телефон», ham «радист»,

hoot loop «постоянно действующая линия связи», to decode «объяснять»). В штабной службе употребляются следующие сленгизмы: flimsy «документ на тонкой бумаге», File 13 «корзина для мусора», piano «пишущая машинка».

Примерами лексики Военных Воздушных Сил могут служить такие слова, как kangaroo landing «грубая посадка», hot cap «реактивный самолет», to hit the silk «прыгать с парашютом».

В ракетных войсках возникли, например, такие лексические единицы, как in the bucket «в пределах заданного отклонения ракеты», moleman «номер расчета шахтной пусковой установки», molehole «пусковая шахта».

Лексика Военно-морских Сил содержит много специфических слов и выражений, связанных с характерными особенностями этого вида вооруженных сил (например, to get into the drink «упасть в воду», hook «якорь», pig boat «подводная лодка», tin can «эсминец»).

Как известно, сленг относится к наименее устойчивым слоям лексики и подвергается постоянному обновлению. Особенно интенсивный рост лексики военного сленга отмечался в период первой и второй мировых войн, когда колоссальное увеличение армии вовлекло в непосредственное соприкосновение с военными реалиями и бытом миллионные народные массы, которые быстро перенимали старые эмоционально-окрашенные элементы и сами создавали новые. Также этот процесс характерен для периода локальных войн во Вьетнаме, Ираке, Афганистане.

Преимущественно, лексика военного сленга пополняется путем словообразования, за счет образования устойчивых словосочетаний и путем иноязычных заимствований.

По способу словообразования лексику военного сленга можно разделить на две группы.

– лексико-семантическое словообразование (слова и сочетания, образованные в результате переноса значений);

– слова и словосочетания, образованные путем словосложения, аффиксации, сокращения, конверсии.

В первой группе, в свою очередь, можно выделить три основных подгруппы военной лексики с производным значением:

1. Военная лексика, образованная в результате переноса значения общеупотребительной лексики для выражения военных понятий (например, zebra «сержант», ham «радист», alibi «дополнительная серия выстрелов»).

2. Военная лексика, употребляемая в переносном смысле для выражения общеизвестных понятий (например, bilge «течь судна» → «болтовня», half-section «половина отделения» → «жена, товарищ»).

3. Военная лексика, используемая в переносном смысле для обозначения военных реалий (например, red tab «штабной офицер» → «старший

офицер английской армии», approach march «передвижение войск» → «подход к начальнику»).

Однако следует отметить, лексические единицы военного сленга, образованные в результате переноса значений, могут вызывать затруднение в понимании связи между прямым и переносным значениями. Понимание подобных ассоциаций часто затрудняется вследствие специфичности, как самих понятий, так и связей, находящихся в основе переноса значения. Например, в образных словосочетаниях *whisper ship* «планер» и *match box* «транспортно-десантный планер» трудно уяснить ассоциации, которые привели к выделению определенных различительных признаков. В первом примере образные ассоциации, вероятно, связаны с характерным шипящим звуком воздуха, обтекающего тонкую обшивку планера. Во втором примере мы видим шутивно-иронический намек на конструктивную непрочность планера (напоминающего спичечный коробок, набитый спичками) с большим числом перевозимых десантников.

Значительная часть лексики военного сленга образуется путем словосложения. Широко распространено сложение основ терминов и общеупотребительных слов (например, *chairborne* «канцелярия» образовано по аналогии с терминами *airborne*, *seaborne*). Наиболее часто используемыми моделями также являются следующие:

1. N + happy – одержимый, помешавшийся (*bomb-happy*, *gear-happy*, *flak-happy*).

2. N + bait – приманка, нажива (*draft-bait*, *barber-bait*).

3. N + jockey – управляющий чем-либо, работающий с чем-либо (*jeep-jockey*, *tank-jockey*, *jet-jockey*).

Одним из продуктивных способов словообразования также является аффиксация, которая часто используется в сочетании со словосложением. Так, наиболее частотными являются единицы с суффиксом -er: например, *flamer* «загоревшийся самолет», *sundowner* «служака, придирчивый начальник», *two striper* «капрал армии».

Большое место в образовании данной лексики занимают сокращения, которые характерны для языка в целом. Здесь можно привести следующие примеры: *helo* или *copter* от *helicopter* «вертолет», *serge* от *sergeant* «сержант», *lieut* от *lieutenant* «лейтенант», *bumph* от *bomb pamphlet* «листовки», *sitrep* от *situation report* «боевое донесение».

Процесс пополнения лексики военного сленга характеризуется широким использованием редупликации. Примерами подобных образований могут служить следующие слова: *haha-haha* «скорей, живей», *buddy-buddy* «человек, навязывающий свою дружбу», *copper-dropper* «пистолет», *boom-boom* «винтовка или пистолет».

Конверсия относится к второстепенным способам словообразования. Например, словосочетание *Purple Heart* (медаль, выдаваемая в США при ранении) часто употребляется как глагол со значением

«ранить», *AWOL* (*Absent without leave* «находящийся в самовольной отлучке») употребляется в значении «находиться в самовольной отлучке».

Небольшая часть лексики военного сленга образовалась в результате звукоподражания (например, *hoosh* «посадка самолета на высокой скорости», *crump* «разрыв снаряда»).

Иностранное заимствование в лексике военного сленга возникает в результате того, что военнослужащие, находясь на территории иностранных государств, имеют дело с иностранными языками, из которых они усваивают отдельные слова и выражения.

Наиболее частотными являются заимствования из немецкого языка (например, *flak* «зенитная артиллерия», *blitz* «ругать, отчитывать»). Существуют заимствования из восточных языков (*honcho* «начальник» (из корейского), *ichi-ban* – «первоклассный» (из японского)), из австралийского варианта английского языка (*pongo* «пехотинец», *swaddy* «солдат») и английского языка Новой Зеландии (*in the cactus* «в тяжелой обстановке»).

Таким образом, принимая во внимание приведенные выше примеры, можно сделать вывод, что источники пополнения лексики военного сленга не имеют принципиальных отличий от источников пополнения литературного английского языка. Также следует отметить, что лексика американского военного сленга возникает в устной разговорной речи с ее непосредственным, непринужденным живым общением, «моментальностью», «спонтанностью» образования, допускающими некоторую условность, случайность образных ассоциаций, отсутствие в них типичности, характерности и отражения наиболее существенных сторон понятия¹².

Известно, что лексическое значение слова представляет собой сложное единство, включающее в себя денотативное значение и коннотацию. Денотативное значение соотносится с внеязыковой действительностью и отражает понятие. Коннотация включает в себя эмоциональный, оценочный, экспрессивный компоненты значения

Для лексики литературного языка денотативное значение является обязательным, а коннотация факультативной, в то время как в словах сленга наличие трех компонентов коннотации обязательно, что связано с основной функцией сленга – экспрессивной¹³.

В связи с этим, слова и словосочетания, относящиеся к сленгу, являются более экспрессивными лексическими единицами. Такая лексика является в речи центром экспрессии в определенной коммуникативной ситуации. Сленг употребляется в тех случаях, когда этого требуют обстоятельства коммуникации, связанные с определенными эмоциями.

Сравнивая такие слова, как *officer* и *angel face*, которые переводятся как «офицер», нельзя не заметить «семантического приращения» у последне-

го слова, которое возникает благодаря наличию устойчивой эмоциональной окраски. Так, *angel face* – это не просто офицер, а молодой, неопытный, неуверенный в себе офицер, «херувимчик», которого мы не можем воспринимать серьезно. Дополнительный смысл данного слова создается его эмоциональной окраской.

Оценочность определяет заложенные в слове положительные или отрицательные характеристика человека, предмета, явления и т.д. Наличие «плюса» или «минуса» в слове – важнейший показатель оценки, так как категория оценочности предполагает наличие мнения, суждения о положительных или отрицательных качествах, свойствах лица, предмета, явления, то есть отношения к предмету речи¹⁴. Оценка может носить как субъективный характер, так и выражать коллективное, общественное мнение. Это отношение часто сопровождается появлением определенных чувств (грусти, радости, скорби, печали, ликования и др.). Следовательно, можно говорить о том, что проявление эмоций в той или иной степени невольно вызывает оценку.

Для лексики американского военного сленга, как и для любой другой, характерны три вида оценки:

– позитивная (например, *pard* «лучший приятель», *chocolate* «похвала, награда», *ice cream* «известия из дома»);

– нейтральная (например, *Dilbert* «простак», *feathered* «потерпевший неудачу», *beans* «заведующий столовой», *baron* «командующий»);

– негативная (например, *eight ball* «нерадивый солдат», *to apple polish* «выслуживаться», *ticky* «мерзкий», *flicker* «трус», *draught* «доносчик», *dive bomber* «обжора», *to anchor* «дезертировать», *jankers* «арест на гауптвахте», *to chew out* «отчитывать», *bawling-out* «выговор», *empire builder* «властный начальник», *horse collar* «ярмо, хомут, амуниция», *to skedaddle* «дезертировать»).

Сопоставляя *food* «еда» и *chow* «жратва», мы обнаруживаем, что второе слово несет дополнительную информацию, а именно: определенное восприятие говорящим объекта и его отношение к нему.

Лексика военного сленга является эмоционально-окрашенной, потому что способна передавать своим понятийным содержанием отношения участников коммуникации и непосредственно связана с их речевым поведением.

Можно выделить следующие эмоционально-оценочные компоненты, присущие лексике военного сленга:

– шуточный (например, *jam jar* «броневозомобиль», *ironsides* «бронетанковые войска», *incoming mail* «снаряды и мины противника»);

– иронический (например, *angel's whisper* «сигнал побудки», *angel face* «молодой офицер», *battle-field angel* «санитарка»);

– насмешливый (например, *India rubber man* «инструктор физической подготовки», *insult* «денежное довольствие», *cheese toaster* «шттык»);

– пренебрежительный (например, *basher* «инструктор физической подготовки», *bean shooter* «стрелковое оружие»);

– презрительный (например, *base rat* «тыловик», *cherry knob* «военный полицейский»);

– фамильярный (например, *chopped* «убитый», *chestnut* «пуля», *to jawbone* «давать взаймы», *battle buggy* «танк»);

– грубый (например, *idiot's seat* «сиденье второго летчика», *B-boy* «сержант», *chicken guts* «полеты»).

Эмоциональные средства языка всегда экспрессивны, так как речь становится выразительнее в том случае, когда она проникнута определенным чувством, несет с собой определенное эмоциональное воздействие на слушателя. Слово обладает экспрессивным компонентом значения, если своей образностью или каким-либо другим способом подчеркивает, то есть усиливает, то, что называется в этом же слове или в других синтаксически связанных в них словах¹⁵. В основе экспрессии лежит сема интенсивности, то есть сема, благодаря которой достигается определенный эффект в речевой ситуации.

Например, *chock-a-block* имеет значение не просто «пьяный», а «очень сильно, мертвецки пьяный»; *ichi-ban* значит не просто «хороший», а «очень хороший, первоклассный».

Часто экспрессивность базируется на заведомом несоответствии каких-либо языковых или речевых средств языковым стандартам, то есть наиболее регулярным, устойчивым моделям. Указанное несоответствие не является ошибкой или искажением, так как осознается и употребляется преднамеренно.

Экспрессия на лексическом уровне часто основана на тематическом несоответствии производного значения слова исходному значению. Тематическая принадлежность слова в прямом и переносном значениях различна. Часто говорящие желают наиболее образно охарактеризовать что-либо и поэтому используют слова тематически далекие от объекта оценки¹⁶.

Так, слово *zebra* (*mil. slang* «сержант») в прямом значении входит в ЛСГ «Животные», а в производном значении является характеристикой сержанта, у которого форма напоминает раскраску зебры. В подобных случаях экспрессия обусловлена метонимическим переносом значения.

Таким образом, в лексике военного сленга преобладают слова с эмоционально-оценочной окраской, номинирующие различные явления военной службе, преимущественно, вооружение и военную технику, взаимоотношения между различными категориями военнослужащих, деятельность во время боевых действий, еду, досуг, и отношение к ним. В отличие от литературной лекси-

Языки для специальных целей

ки, для военного сленга наличие эмоциональности, экспрессивности и оценки является обязательным компонентом значения, как и для сленга в целом.

Проведенный анализ показал, что американский военный сленг представляет собой лексический слой языка, употребляемый в неформальном общении в среде военнослужащих для выражения отношения, передачи эмоций и оценки говорящего. Для него характерно неперенное наличие эмоциональности, экспрессивности и оценки, что определяет его основную функцию – экспрессивную. Подобная лексика выражает шутовское, ироничное, насмешливое отношение к действительности, и ей чужда приподнятость и высокопарность.

Пути пополнения и способы образования военного сленга не имеют принципиальных отличий от аналогичных процессов в литературном языке. Следует лишь отметить, что лексика военного сленга возникает в устной разговорной речи с ее непосредственным непринужденным живым общением, что и обуславливает ее своеобразие.

¹ Jespersen O. *Mankind, nation and individual from a linguistic point of view*. Oslo, 1925.

² Гальперин И.Р. *Стилистика английского языка*. М.: Высшая школа, 1981.

³ Арнольд И.В. *Стилистика современного английского языка*. М.: Флинта, наука, 2006.

⁴ Маковский М.М. *Языковая сущность сленга // Иностранные языки в школе*. 1962. № 4.

⁵ Арнольд И.В. *Цит. соч.*

⁶ Partridge E. *Slang Today and Yesterday*. NY: The Macmillan, 1982.

⁷ Судзиловский Г.А. *Сленг – что это такое? Англо-русский словарь военного сленга*. М., 1973.

⁸ Беляева Т.М., Хомяков В.А. *Нестандартная лексика английского языка*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.

⁹ Хомяков В.А. *Три лекции о сленге*. Вологда, 1970.

¹⁰ Швейцер А.Д. *Очерки современного английского языка в США*. М.: Высшая школа, 1963.

¹¹ Береговская Э.М. *Молодежный сленг // Вопросы языкознания*. 1966. № 3.

¹² Хомяков В.А. *Цит. соч.*

¹³ Арнольд И.В. *Цит. соч.*

¹⁴ Харченко В.К. *Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе*. 1976. № 3.

¹⁵ Арнольд И.В. *Цит. соч.*

¹⁶ Харченко В.К. *Цит. соч.*

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДЛОГОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ УСЛОВИЯ И УСТУПКИ В ДЕЛОВОМ ЯЗЫКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ОГАЧО)

М.В. Биньковская

Статья посвящена анализу семантики и функционирования лексических и фразеологических предлогов со значением условия и уступки в деловых документах второй половины XVIII века, хранящихся в Объединенном Государственном архиве Челябинской области. Делается вывод о том, что большинство исследуемых предлогов в то время еще находились на стадии формирования.

Материал нашего исследования – тексты скописных южноуральских деловых документов второй половины XVIII века, хранящиеся в Объединенном Государственном архиве Челябинской области, а также ряд хронологически параллельных текстов центральных канцелярий, изданных в «Полном собрании законов Российской империи».

Объектом нашего исследования являются лексические и фразеологические предлоги со значением условия и уступки, употребляющиеся в деловом языке второй половины XVIII века и составляющие яркую особенность делового стиля указанного периода.

В грамматике под условными синтаксическими отношениями понимаются прежде всего условия, обеспечивающие проявление действия.

В нашем материале представлено два варианта фразеологических предлога с условным значением: *в случае* (чего); *при случае* (чего) и фразеологический предлог *смотря по* (чему).

Эти фразеологические предлоги представляют собой сочетание имени существительного с препозитивным и постпозитивным лексическим предлогом.

В исследуемом материале представлен фразеологический предлог с условным значением в случае (чего) (2% от общего количества употреблений фразеологических предлогов). В составе синтаксемы в случае + Р.п. данный фразеологический предлог употребляется при указании на обстоятельства, которые вызовут или должны вызвать определенные действия. Сочетается синтаксема в случае + Р.п. с глаголами и причастиями влияния, использования, противодействия, поступка и поведения. Управляемые слова при предлоге, как правило, отглагольные имена существительные:

...а кои въ случаѣ неудовольствія такожь въ важнѣйшихъ дѣлахъ судиться надлежащимъ порядкомъ (ПСЗ, т. XX, с. 872); Какимъ образомъ поступать въ случаѣ пристрастныхъ и непорядочныхъ расходовъ (ПСЗ, т. XVII, с. 311); ...для несчастнаво приключенія в случае пожара от оной думы прислано в городническое правленіе... (И-1-1-

38-70); ...въ случаѣ неправильнаго прошенія штрафовать въ силу законовъ (ПСЗ, т. XIX, с. 758).

Синтаксема в случае + Р.п. представлена в основном в текстах столичных документов. В указах и репортах южноуральских деловых документов и в указах Сената и Синода центральных канцелярий в редких случаях представлен фразеологический предлог при случае (чего) в значении предлога в случае (чего) в составе синтаксемы при случае + Р.п.:

...или при случае того пожара какимъ ни есть способомъ не выданы (И-1-1-23-25); При случаѣ споровъ отъ прикосновенныхъ къ межуемной дачѣ владѣльцовъ, стараться ему прекратить оныя чрезъ полюбовной между спорящими разводъ... (ПСЗ, т. XVIII, с. 87); ...и при случае нападенія на крепость злодея пугачева толпою ево разграблен... (И-28-1-4-132).

Любопытно соединение формы единственного числа случай со множественным числом нападений, что свидетельствует об утрате субстантивной предметной семантики.

Фразеологический предлог смотря по + Д.п. употребляется при указании на условие действия с оттенком соответствия. Первоначально сферой функционирования данного предлога была деловая письменность (XVI–XVIII века), позднее (середина XIX века) данный предлог функционирует и в языке художественной литературы.

Употребляется этот фразеологический предлог главным образом при глаголах поступка и поведения, использования, приобретения, влияния, а также синтаксема смотря по + Д.п. сочетается с устойчивыми глагольными сочетаниями. Управляемые слова при предлоге – отвлеченные имена существительные:

...какую онъ смотря по ее признанію эпитимію наложить заблагоразсудить (И-33-1-2-10); ...смотря по важности и подъ караулъ отдавать (ПСЗ, т. XVIII, с. 83); ...или смотря по винѣ стыдить нѣсколько времени (ПСЗ, т. XVII, с. 1056); ...за сіе виноватыхъ штрафовать пониженіемъ чинновъ, или отнятіемъ всѣхъ на время смотря по обстоятельству вины (ПСЗ, т. XVII, с. 1011).

Предлоги, употребляющиеся при указании на обратное условие действия (чаще называют такие отношения уступительными), насчитывают 5 единиц (3 фразеологических и 2 лексических предлога): *не смотря на* (что); *не взирая на* (кого, что); *без ведома* (кого); *вопреки* (чему); *за* (кем, чем).

Трехчленные фразеологические предлоги *не смотря на* + В.п., *не взирая на* + В.п. представлены как в документах царских канцелярий, так и в местных документах (переписка заводчика Демидова с приказчиками уральских заводов). В нашем материале фразеологические предлоги *не смотря на* (что) (0,6% от общего количества употреблений фразеологических предлогов), *не взирая на* (кого, что) (1% от общего количества употреблений фразеологических предлогов) являются трехкомпонентными и употребляются, как и в современном русском языке, для выражения уступительных отношений в значении «препятствующей» причины. Сочетаются уступительные синтаксемы *не смотря на* + В.п., *не взирая на* + В.п. с глаголами и краткими причастиями разнообразной семантики (движения, сохранения, осуществления события, передачи объекта). Управляемые слова при фразеологических предлогах *не смотря на* (что), *не взирая на* (кого, что), как правило, отвлеченные имена существительные, указывающие на наименование документа, а также отглагольные имена существительные:

...многія разнаго званія обоого пола лоды, не взирая на опубликованное приказание приезжают и приходятъ къ пожару... (ПСЗ, т. XIX, с. 274); Их Величество, не взирая на военныя обстоятельства, непремѣнно другъ къ другу сохраняли взаимную дружбу и почтеніе (ПСЗ, т. XIX, с. 988); А какъ въ уѣздахъ нѣкоторыхъ губерній, разбои и грабительства къ разоренію и всѣконечной пагубѣ бѣдныхъ жителей, не взирая на предписанія о искорененіи въ законахъ и указахъ строгости, и донныя происходятъ... (ПСЗ, т. XVI, с. 720); ...не смотря на починку и на употребленное къ спасенію ихъ стараніе, спущено изъ оныхъ чрезъ всѣ пороги только три барки (ПСЗ, т. XVIII, с. 175); ...ежели паче всякого чаянія не взирая на манифестъ и на нынешней указ за херсонское денежъ в дубовке не дадутъ... (И-172-1-69-4об).

Слова *смотря* и *взирая* с непосредственно примыкающим к ним препозитивным *не* и постпозитивным *на* в качестве предлогов укрепляются в XVIII веке.

Оба генетические деепричастия утратили сему зрения, которая была в исходных глаголах. Полагаем, что во фразеологическом предлоге *не смотря на* (кого, что) знаменательный компонент привносит релятивную сему своего лексического значения – «замечать, обращать внимание, уделять внимание», которое зафиксировано в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» как шестое¹.

У слова *взирати* в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» выделено 2 значения:

1. Смотреть, глядеть, созерцать.
2. Обращаться к кому-либо, чему-либо².

Полагаем, что во фразеологическом предлоге *не взирая на* (кого, что) актуализировалась сема «обращение к кому-либо, чему-либо».

Данный графический облик трехкомпонентных фразеологических предлогов *не смотря на* (что), *не взирая на* (кого, что) является свидетельством того, что многие предлоги в то время еще находились на стадии формирования. Употребительность фразеологического предлога *не взирая на* (кого, что) непрерывно понижалась уже к XIX веку (особенно во второй половине).

Е.Т. Черкасова³ отмечает, что редкие примеры использования этого предлога отмечаются преимущественно в деловой письменности и стилистически заданном употреблении. Все это накладывает на предлог *не взирая на* (кого, что) отпечаток устарелости.

В нашем материале отмечаем фразеологический предлог *без ведома* (кого) в составе уступительной синтаксемы *без ведома* + Р.п. при указании на кого-либо, вопреки чьему желанию что-либо совершается:

...без вѣдома Полиціи отнюдь ничего не печатать (ПСЗ, т. XIX, с. 231); ...предписано о невырубке лесовъ изъ принадлежащихъ казне дачъ безъ ведома оберъ форшмейстера... (И-1-1-79-22); ...другіе и безъ вѣдома своихъ Дворянъ, курия вино, продають оное пріѣзжающимъ... (ПСЗ, т. XVII, с. 688).

По генетическим истокам *ведома* – страдательное причастие настоящего времени в краткой форме в родительном падеже.

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» отмечено 3 значения у слова *вѣдомъ*. Среди них:

1. Узнанность, опознанность, известность.
2. Знания, осведомленность в чем-либо, сведения о чем-либо.
3. Весть, известие, сообщение⁴.

Считаем, что знаменательный компонент в составе фразеологического предлога *без вѣдома* (кого) реализовал элементы своего второго значения – «знания, осведомленность в чем-либо, сведения о чем-либо».

Формирующийся в XVIII веке производный уступительный предлог *вопреки* (чему) для деловой письменности рассматриваемого периода является малопродуктивным (0,1% от общего количества употреблений лексических производных предлогов). Употребляется он в составе синтаксемы *вопреки* + Д.п. в уступительном значении «вопреки, наперекор чему-либо, против чего-либо»:

...присудствующими вопреки общественнаго мнѣнія... (И-1-1-1-6).

В единичных случаях в анализируемом материале представлен предлог *за* (кем, чем) в устаревшем с точки зрения современного русского языка уступительном значении (= «вопреки») (1,2%):

А какъ не безызвѣстно правительствующему Сенату, что въ торговыхъ баняхъ, за неоднократно запретительными указами, мужеска и женска пола люди парятся вмѣстѣ... (ПСЗ, т. XV, с. 500).

Итак, судя по нашему материалу, предлоги со значением условия и уступки в XVIII веке еще находились на стадии формирования. Имена существительные, как правило, отвлеченные, которые стали компонентами фразеологических предлогов, содержат в одном из своих значений сему релятивности. Компоненты фразеологических предлогов – многозначные слова уже к XVIII веку

утратили комплекс иерархических значений, сохранив лишь одно – значение отношения. Фразеологизированные конструкции подобного типа являются неотъемлемым признаком делового языка второй половины XVIII века.

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975–1999; Т. 25. С. 211.

² Там же. Т. 2. С. 152.

³ Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967. С. 220.

⁴ Словарь русского языка XI–XVII веков. Т. 2. С. 46–47.

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А.П. Миньяр-Белоручева, О.А. Вдовина

Статья посвящена актуальной теме – становлению терминов в области международных отношений. В статье разграничены пять основных стадий развития системы международных отношений, выделена соответствующая каждой стадии терминологическая лексика и проведен её анализ.

Термины непременно соотносятся с понятиями определенной науки или научной дисциплины. Согласно существующему определению, международные отношения – это научная дисциплина, занимающаяся изучением всех видов взаимодействия между государственными участниками на международной арене – экономического, политического, правового и культурного¹.

Как и любая научная дисциплина, международные отношения имеют свою терминологию и номенклатурные образования. Под термином мы понимаем «логически осмысленную функциональную единицу языка, которая обозначает специальное понятие и соотносится с другими такими единицами конкретной области знания или профессиональной деятельности, образуя в пределах одного функционального стиля определенную систему»².

Термины специалиста в сфере международных отношений отражают основные категории и понятия данной дисциплины. Международные отношения выделились в научную дисциплину после Первой мировой войны. Понятийный аппарат данной академической дисциплины сложился к началу XXI века, в нем как в зеркале, отразилась вся история развития системы межгосударственных связей. Большинство терминов специалиста в сфере международных отношений – ретроспективные, постфакторные, образования. Только с высоты последующих столетий можно понять и вербально обозначить то, что происходило на мировой арене за последние пятьсот лет. Считается, что до 1648 года международные отношения развивались хаотично, после этого года – как целостная система, прошедшая пять стадий в своем развитии, каждая из которых характеризуется определенными терминами, терминологическими словосочетаниями и номенклатурными образованиями. Поскольку первая стадия является базовой, то термины и терминологические словосочетания, относящиеся к ней, проходят через все последующие фазы, что позволяет рассматривать их как общетерминологические. Каждая новая стадия развития международных отношений как системы характеризуется специфическими, свойственными только ей терминами и терминологическими словосочетаниями, ко-

торые могут быть использованы на последующих, но не предшествующих этапах. Такие термины и терминологические словосочетания относятся к специально-терминологическим.

Итак, термины означенной дисциплины неоднородны по своему составу, они подразделяются на общетерминологические и специально-терминологические и соотносятся с определенными этапами развития международных отношений как системы.

Первая стадия системы международных отношений, Вестфальская (1648–1789 годы).

Становление первой стадии системы международных отношений, получившей название Вестфальской, связано с завершением Тридцатилетней войны, заключением Вестфальского мира. Это нашло соответствующее отражение в терминах и терминологических словосочетаниях, которые можно отнести к общетерминологическим, так как они функционируют и на последующих этапах. Поскольку развитие международных отношений как системы стало возможно только с появлением национальных суверенных государств в Европе и установлением определенных межгосударственных контактов, то ключевым терминологическим словосочетанием данного этапа является «суверенное национальное государство» – *sovereign nation state*, которое наряду с сопутствующими ему терминами и терминологическими словосочетаниями образует систему в пределах данного регистра: *the principle of national sovereignty, independence, co-operation, equality of states, state-centered world pattern, state, nation, nation-state, territorial integrity, ambassador, international order, equal right, independent (secular) state, independent nation, independency, sovereign nation, sovereignty, autonomy*.

После заключения Вестфальского мира в европейских странах впервые были четко определены границы государств, лидеры которых стали руководствоваться государственными интересами своих стран во внешней политике. Во второй половине XVII века в сфере международных отношений начал формироваться механизм системообразующих факторов, которые одновременно консолидировали и

дестабилизировали существующую модель. В консолидации системных связей в сфере международных отношений важную роль всегда играло формирование общности хозяйственной жизни и единого мирового рынка. Идеологические мотивы, разные формы проявления национализма и экспансионизма относятся к факторам, разрушающим систему. К этому же периоду относится появление теории европейского равновесия, согласно которой все страны должны сгруппироваться таким образом, чтобы не допустить войн, разногласий, агрессии. Эта теория была воспринята всей Европой, став основой большей части союзов, коалиций, государств. Теория европейского равновесия сыграла особенно большую роль, предоставляя любому государству время для накопления сил. Система союзов и коалиций, сложившихся в результате работы теории европейского равновесия, определяла тип дипломатии: тайная дипломатия, разведка, шпионаж. Это отражается в следующих общетерминологических образованиях: *raison d'état, frontiers, heads of the states, formative factors, destructive factors, foreign policy, foreign affairs, to pursue a policy, external environment, to destabilize, permanent residents, foreign courts, alliances, long-run alliances, dynamic balance, national economy, global (world) market, nationalism, consolidation, balance of power, balance-of-power theory, expansionism, coalitions, secret diplomacy, intelligence / secret service, espionage.*

Существование суверенных государств приводит к необходимости жить в мире с соседними странами. Такие термины как «война» и «мир» отражают многовековые отношения между государствами и относятся к общетерминологическим. Война – *war* – как ключевой фактор международных отношений дает следующие терминологические словосочетания: *war broke out, to be at war (with), to launch war (upon, against), to wage war, to declare war, in the war.*

Однако войны не могут длиться вечно. Даже самые продолжительные по времени противостояния заканчиваются подписанием мирных «соглашений» – *agreement, covenant, «договоров» – contract, treaty, pact, «урегулирований» – settlement, adjustment.* Такие термины и образования на их основе терминологические словосочетания занимают промежуточное положение между терминами «война» и «мир» и относятся к общетерминологическим: *mutual assistance pact, terms of the treaty, non-aggression pact, to conclude a treaty, to sign a treaty, to abrogate / dissolve a treaty / convention, to renew an agreement, to observe / implement a treaty, under the treaty, void contract, to come to terms with, to negotiate contract, to make terms with, to make an agreement, bilateral treaty, model agreement, peaceful settlement / adjustment of world problems, diplomatic adjustment.*

Термин «мир» – *peace*, под которым понимают дружеские отношения между государствами, дает следующий ряд словосочетаний: *peace talks, peace*

treaty, to live in peace, in peace, to achieve peace, to bring about peace, to break / disturb / shatter the peace, to impose a peace on, to keep the peace, to negotiate (a) peace with, durable / lasting peace, fragile peace, peace movement.

Специфика каждого отдельно взятого этапа международных отношений особенно отчетливо проявляется в номенклатурных образованиях из сферы международных отношений. Под номенклатурой мы понимаем «совокупность названий, употребляемых в определенной специальности, средства, которые, попадая в понятийную систему, могут быть по-разному использованы при формировании сообщения»³. В отличие от терминов номенклатурные образования более стабильны и могут существовать за пределами терминологического поля конкретной науки. К номенклатурным образованиям международных отношений относятся названия государственных органов, организаций, партий, военных союзов, договоров, а также аббревиатуры. Каждый этап международных отношений отмечен свойственными ему номенклатурными образованиями, которые, несмотря на их разноплановость, классифицируются в соответствии с определенными тематическими группами, среди которых:

1. Названия государственных и межгосударственных документов и договоров, соглашений: *Peace of Westphalia* (его составными частями стали *Peace Treaty of Münster* и *Peace Treaty of Osnabrück*), *Treaty of Ryswick*, *Treaty of Utrecht (1713)*, *Treaty of Paris (1763)*, *Treaty of Kuchuk-Kainarji*.

2. Названия войн: *Thirty Years' War, Anglo-Dutch Wars, War of the Grand Alliance (= War of the League of Augsburg; ее отражением в колониях стала King William's War), War of the Spanish Succession (ее отражением в колониях стала Queen Anne's War), War of the Austrian Succession (ее отражением в колониях стали King George's War и War of Jenkins's Ear), Seven Years' War (ее отражением в колониях стала French and Indian War).*

Период перестройки системы международных отношений (1789–1815 годы).

В период перестройки силовой компонент в сфере международных отношений выдвинулся на первое место. Ключевым терминологическим словосочетанием становится «баланс сил» – *balance of power*, который сначала был нарушен Великой французской революцией, но восстановлен во время двадцатилетнего периода войн с Наполеоном в результате создания коалиций европейских государств против Франции, получивших название антифранцузские коалиции. Первые пятнадцать лет XIX века международные отношения определялись борьбой с наполеоновской Францией, с основной идеей дипломатии – идеей силовой унификации, которая подразумевала объединение Европы на конфедеративной основе, то есть на основе единого законодательства кодекса Наполеона, единой армии и денежной системы, единой системы мер и весов, а

также создание европейского кассационного суда. Сейчас кодекс Наполеона, единый общеевропейский кодекс, с учетом особенностей европейских стран, лежит в основе законодательства всех стран Европы. Издав в 1806 году декрет о континентальной блокаде с целью подавления английской экономики, Наполеон нарушил экономический баланс и принципы теории европейского равновесия. Итоги войн наполеоновской эпохи и определили конфигурацию новой Венской модели системы международных отношений – Европейский концерт.

Все это отражено в следующих терминологических словосочетаниях: *alliance, to enter into an alliance, to form / dissolve an alliance, defense alliance, military alliance, political alliance, unholy alliance, to form an alliance with one's neighbors against the common enemy, an alliance to defend an area against any invader, military operations, hostilities, balance of power, international relations, foreign affairs, coercive diplomacy, quasi-war* и номенклатурных образованиях: *French Revolution, French Revolutionary Wars, Napoleonic Wars, Napoleonic France, Continental System, Milan Decree, Berlin Decree, Orders in Council (1807), Napoleonic Code, Court of Cassation.*

Вторая стадия системы международных отношений, Венская (1815–1914 годы).

В 1815 году представители держав-победительниц собрались в Вене на конгресс для того, чтобы сформировать новый мировой порядок, и в Париже подписали договор о Священном Союзе, целью которого было сохранение международного порядка, установленного Венским конгрессом, в основе которого лежал принцип легитимизма, то есть оказание поддержки законным династиям, которым угрожали революции. В результате деятельности Священного Союза в течение сорока лет Европа не знала крупномасштабной войны. Революции, которые ассоциировались с террором, убийствами и ликвидацией финансовой системы, были подавлены. Европейское равновесие того времени сопровождалось военным соперничеством, которое выражалось в создании военных союзов и гонке вооружений. Это вызвало появление понятий «военные расходы» и «экспансия».

Крымская война – первое открытое столкновение великих держав после создания в 1815 году Венской системы – показала, что весь механизм нуждался в перестройке. После Берлинского конгресса в 1878 году происходит только обновление прежней модели международных отношений. К концу XIX века территориальный раздел мира был практически завершен, однако Германия и США пытаются решить проблему передела сфер влияния силовыми способами, и как следствие этого весь мир покрывается горячими точками. Появление неевропейских держав, претендующих на роль великих, в частности США, подрывало европоцентристскую основу существовавшей модели международных отношений. Формируется доктрина этой страны – экспансион-

стская политика, целью которой являлось стремление укрепиться в Карибском море (испано-американская война 1898 года). Глобализации конфликта, взорвавшего систему международных отношений, способствовало разделение государств на два противостоящих блока – Тройственный союз и Антанту. Желание политиков решить возникшие перед ними проблемы силой привело к Первой мировой войне. Февральская революция 1917 года послужила причиной вступления США в Первую мировую войну. После Первой мировой войны, когда политики осознали, что война не является способом решения международных проблем, была создана Лига Наций.

Второй этап характеризуется следующими терминами и терминологическими словосочетаниями: *a new world order, revolution, legitimism, liquidation, abolition, elimination, blockade, terror, military expenditure, expansion, armaments race, the policy of expansion, to fortify one's position, to entrench, blocs, coalitions, the system of international relations, assassination, abolition, military expenditure, territorial expansion, principle of legitimism, great powers, armed conflict, skirmishes, division / redivision of the world, a military operation, the use of force, policy / policies of force, hot spots*, которые до сих пор остаются ключевыми в системе международных отношений.

Номенклатурные образования второго этапа становления международных отношений подразделяются на следующие.

1. Названия военных и гражданских межгосударственных союзов и договоров, а также конвенций и конференций: *Congress of Vienna, Quadruple Alliance (1814), Concert of Powers, Holy Alliance, Triple Alliance (1882), Congress of Berlin, Entente Cordiale, Franco-Russian Alliance (= Dual Alliance), Anglo-Russian Entente (= Anglo-Russian Convention of 1907), Hague Conventions.*

2. Названия войн: *Crimean War* (получившая название по месту ее проведения), *Opium Wars* (= *Anglo-Chinese Wars*; получившие название как по причинам конфликта, так и по составу участников), *Franco-Prussian War* (= *Franco-German War*), *Russian-Japanese War, Mexican-American War, Spanish-American War* (получившие названия по названию государств, вовлеченных в войну), *War of the Triple Alliance* (= *Paraguayan War*; оба альтернативных названия отражают состав участников с разных сторон – война трехстороннего союза Аргентины, Бразилии и Уругвая против Парагвая), *Maximilian Affair* (интервенция Франции в Мексику, получившая название по имени главного действующего лица – австрийского эрцгерцога Максимилиана), *Boer War* (= *South African War, Anglo-Boer War*).

3. Названия внешнеполитических концепций: *Mongroe Doctrine* – Доктрина Монро, основной принцип которой, провозглашенный Дж. Монро в 1823 году, сводился к идее разделения мира на «американскую» и «европейскую» системы, в ре-

зультате чего страны Западного полушария не рассматривались как объекты колонизации любой европейской державой. Ее продолжением и развитием стали Manifest Destiny, Olney Interpretation (= Olney Declaration), Drago Doctrine и Roosevelt Corollary.

Период перестройки системы международных отношений (1914–1921 годы); третья стадия системы международных отношений, Версальско-Вашингтонская (1921–1939 годы).

Считаем нецелесообразным отдельно выделять термины, терминологические словосочетания и номенклатурные образования, относящиеся к годам реорганизации и самой третьей стадии. Рассмотрим их в совокупности. Следует отметить, что Версальско-Вашингтонская система международных отношений – новый вариант баланса сил, обозначилась в конце Первой мировой войны, когда революционные взрывы потрясли устои существовавшего правопорядка, и принципы европоцентризма были пошатаны Вашингтонской конференцией и подписанием в Париже Версальского мира. Стремление государств решать спорные проблемы путем переговоров, активный пацифизм, зарождение первых интеграционных проектов, интерес к ограничению гонки вооружений стали характерными чертами этого периода. Апогей этих тенденций наступил в 1928 году с заключением пакта Бриана-Келлога об объявлении войны вне закона. Невключение двух держав – Советской России и Германии в систему международных отношений было слабым пунктом Версальской системы. Впоследствии это привело к сближению обеих стран и заключению в 1922 году между ними Рапалльского договора. Версальско-Вашингтонской система создавалась с целью обеспечения долгосрочного мира на планете, и гарантом ее незыблемости стала Лига Наций. Поскольку одной из основных причин Первой мировой войны была проблема колоний и передела мира, то Лига Наций ввела «мандатную систему», которая заключалась в выдаче временных полномочий на управление колонией. Начавшийся в 1929 году самый крупный мировой экономический кризис, получивший название Великая депрессия, открыл новую фазу в развитии Версальско-Вашингтонской системы, когда страны, вовлеченные в международные конфликты, стремились решать их силовым путем.

Уже к началу 30-х годов Версальско-Вашингтонская система себя не оправдывала, поскольку не носила глобального характера, и СССР, занимавший одну шестую земного шара, выпал из нее. США, будучи самой богатой страной мира, проводили политику изоляционизма, не войдя в состав Лиги Наций. Выход Германии из Лиги Наций стал ударом по Версальской системе, которую после подписания в 1938 году Мюнхенского соглашения (сговора) и советско-германского договора о ненападении – пакта Молотова-Риббентропа, спасти от краха было уже невозмож-

но. Данный период характеризуют следующие термины и терминологические словосочетания: integration, isolationism, pacifism, negotiations, talks, arms race cuts, peaceful means, peaceful way, coercive diplomacy, coercive approach, peaceful development, the mechanism of sanctions, to give sanction to, to receive (legal) sanction, to act coercively, to apply / impose sanction against, to lift sanction, credentials system, aggression, pact, principle of association, boycott, hegemony, demarche, denouncement, security dilemma, good offices, collective security, neutrality, polarization, mediation, ratification.

Номенклатурные образования данного этапа представлены следующими названиями:

1) межгосударственных документов, пактов, меморандумов, договоров, конференций: Fourteen Points, Paris Peace Conference, Treaty of Versailles, Washington Naval Conference, Munich Agreement, League of Nations, Treaty of Rapallo, Kellogg-Briand Pact (= Pact of Paris), Molotov-Ribbentrop Pact, Tanaka Memorial (план завоевания мира Японией, названный по имени премьер-министра страны), Locarno Treaties (серия договоров, главная задача которых заключалась в укреплении Версальской системы);

2) войн и конфликтов: Great War (1914–1918 годов), названная по количеству стран вовлеченных в войну, по масштабности военных операций и беспрецедентных в истории человечества потерь, эта война оказалась менее разрушительной и продолжительной по сравнению с последующей – отсюда порядковые названия двух ойкуменских трагедий XX века: World War I и World War II; Spanish Civil War, Sudetenland Crisis, Nomonhan Incident (= Khalkhin-Gol Incident);

3) знаменательных дат: Armistice Day – день окончания Первой мировой войне (11 ноября 1918 года), Anzac Day знаменует начало участие войск Австралии и Новой Зеландии в крупном сражении времен Первой мировой войны (25 апреля 1915 года);

4) периодов и эпохальных явлений: interbellum (=interwar period), Great Depression.

Период перестройки системы международных отношений (1939–1945 годы); четвертая стадия системы международных отношений, биполярная (1945–1989 годы).

Вторая мировая война стала своеобразной формой перехода от многополярной модели международных отношений к биполярной. Осуществилась полная перекройка прежней политической карты Европы, и начался процесс распада старых колониальных империй, сопровождавшийся подъемом национально-освободительного движения, а также завершилось оформление антигитлеровской коалиции, содержащей в себе зародыш будущей модели международных отношений.

Впервые на высшем уровне проблема послевоенного урегулирования была поставлена в ходе Тегеранской конференции, где достаточно отчет-

Языки для специальных целей

ливо проявилось резкое усиление позиций двух держав – СССР и США. Еще в ходе войны зарождаются предпосылки формирования основ будущего биполярного мира. В полной мере эта тенденция проявилась уже на Ялтинской и Потсдамской конференциях. С распадом антигитлеровской коалиции СССР и США начинают строить отношения с позиции конфронтации. Это на долгие годы определило динамику поведения сверхдержав в рамках биполярной системы. Гонка вооружений, идеологический антагонизм, интервенционизм характеризуют четвертую стадию формирования международных отношений, с одной стороны, и разрядка, равновесие, ограничение вооружений – с другой. Следовательно, основными терминами данной стадии развития международных отношений являются *multipolar / bipolar world, the collapse of Empires, national liberation movement, ideological antagonism, confrontation, détente, equilibrium / parity, superpowers, arms traffic, arms race, arms control, arms expenditure, arms cut race*.

Манхэттенский проект в США о создании ядерного оружия и Фултонская речь Черчилля послужили началом «холодной войны». Формирование биполярной системы международных отношений имело противоречивый характер: с одной стороны, наращивание вооружений с целью ведения военных действий, а с другой отказ от войны, ввиду ее наличия в большом количестве. Гонка вооружений не разрушала данную систему международных отношений, а удерживала ее в состоянии равновесия. В это же время создаются блоки: Организация Североатлантического договора (НАТО), Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ) в 1949 году и подписывается Варшавский договор в 1955 году. После политического кризиса в отношениях между СССР и США, в октябре – ноябре 1962 года, получившего название в русском языке Карибский кризис, а в английском – Cuban missile crisis, происходит процесс ограничения ядерных потенциалов двух держав. Разрядка означала улучшение международного климата, во время которой между сверхдержавами были заключены договоры по ограничению стратегических ядерных вооружений. В основу американской политики легла доктрина «неоглобализма», целью которой было вовлечение в орбиту США как можно больше стран Третьего мира с помощью главного инструмента – финансовой помощи на определенных условиях (маленькие «планы Маршалла»). Советская интервенция в Афганистан в 1979 году стала началом эрозии баланса сил в годы рейгановской администрации, в результате чего Рейган назвал СССР «империей зла».

На рубеже 80–90-х годов кризис биполярной системы переходит в фазу распада. После того как Союз советских социалистических республик прекратил свое существование, начался новый этап в международных отношениях – распад двухполюсного мира. Как результат – общее изменение геополитической ситуации. Конец «холодной войны»

внес изменения в терминологию международной практики.

Терминологические словосочетания, состоящие из общетерминологической единицы, например *treaty*, и термина, относящегося к определенному этапу системы международных отношений, являются специально-терминологическими. Такие специально-терминологические словосочетания, как *weapons of mass destruction, non-proliferation treaty, nuclear test, nuclear test ban treaty*, относятся к четвертому этапу развития системы международных отношений, поскольку данные терминологические словосочетания вошли в употребление только после появления ядерного оружия. К этому же этапу относятся и следующие терминологические словосочетания: *ideological war, mobile warfare, war of manoeuvre, push-button warfare, just war, cold war, nuclear warfare, atomic warfare*.

Окончание «холодной войны» рассматривается как граница, разделяющая старый мир, в котором преобладали национальные, межгосударственные противоречия, и новый мир, который характеризуется столкновением цивилизаций. Конфликты, вспыхнувшие в это время, носили внутренний характер, но имели большое международное звучание. Усложнение мира означало необходимость введения множества новых понятий в сферу международных отношений, которые отражали бы современные реалии.

Четвертая стадия развития международных отношений характеризуется следующими терминами и терминологическими словосочетаниями: *détente, neo-globalism, neo-isolationism, empires of evil, nuclear weapons, annexation, solidarity, refugees, bipolar concept, bureaucratic politics, mutual assured destruction, veto, foreign policy planning, extradition, gender research, genocide, geopolitics, flexible response, globalization, horizontal escalation, demonstration of power, security dilemma, foreign policy doctrine, debt crisis, final act, mirror image, nuclear-free zones, immigration, import, foreign aid, quasi-states, confrontation, crisis management, international amnesty, international regime, measures of trust, peaceful international dispute settlement, peacemaking, observer, strategic arms limitation and reduction, maintenance of international peace and security, polarization, disarmament, weapons trade, ethnic cleansing, nuclear war, nuclear winter, nuclear umbrella, developing countries, undeveloped countries, the countries of the third world, confrontation, the clash of civilizations*.

Номенклатурные образования четвертой фазы становления международных отношений включают следующие тематические группы.

1. Названия межгосударственных органов и организаций, корпораций, фондов, ассоциаций, союзов, блоков, коалиций, движений: *United Nations (UN), North Atlantic Treaty Organization (NATO), Warsaw Pact, International Monetary Fund (IMF), Organization of Petroleum Exporting Countries*

(OPEC), Multinational Corporations (MNCs), Non-Governmental Organizations (NGOs), Intergovernmental Organisations (IGOs), Council for Mutual Economic Assistance (CMEA, COMECON), European Court of Justice (ECJ), Non-Aligned Movement (NAM), Military-Industrial Complex (MIC), World Health Organization (WHO), Association of South East Asian Nations (ASEAN).

2. Названия межгосударственных документов, договоров, соглашений, конвенций, проектов: Manhattan Project, Strategic Defence Initiative (SDI), Intermediate-Range Nuclear Forces (INF) Treaty, Strategic Arms Limitation Talks (SALT) Treaty, Universal Declaration of Human Rights (UDHR), Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (= European Convention on Human Rights; ECHR), North American Free Trade Agreement (NAFTA), Camp David Accords.

3. Названия политических и межгосударственных встреч, конференций: Tehran Conference, Yalta Conference (= Crimea Conference), Potsdam Conference, Bandung Conference (= Asian-African Conference), Twentieth Congress of the Communist Party of the Soviet Union.

4. Названия войн, конфликтов и кризисов: Cold War, Berlin Blockade, Cuban Missile Crisis, Korean War, Indochina Wars (одним из этапов которой является война США во Вьетнаме – Vietnam War), Arab-Israeli Conflict (включавший в себя Israeli War of Independence, Suez Crisis, Six-Day War, Yom Kippur War), Wars in Afghanistan (локальные военные действия на территории Афганистана, начавшиеся в годы «холодной войны» и продолжающиеся по сегодняшний день).

5. Названия речей: Iron Curtain Speech (= Sineews of Peace Speech) – Фултонская речь, в которой в 1946 году Уинстон Черчилль стремился предупредить “демократические страны” об угрозе агрессии со стороны СССР, отсекающего “железным занавесом” пол-Европы.

6. Названия внешнеполитических доктрин. После 1945 года влияние США в сфере внешней политики значительно усилилось и доктрины американских президентов стали руководством к действию для стран оказавшихся на ином от СССР полюсе. В 1948 году была принята программа помощи Европе после Второй мировой войны – European Recovery Program (Marshall Plan), способствовавшая укреплению положения США на этом континенте; в 1957 году в соответствии с доктриной Эйзенхауэра-Даллеса New Look – «Новый взгляд» – США должны были содействовать любому государству на Ближнем Востоке, чтобы те не попали в зону влияния коммунистов. Политика США 1960-х, направленная на предотвращение оказания влияния СССР в Юго-Восточной Азии, получила название Domino Theory – «теория домино», «цепная реакция». Détente – политика разрядки напряженности в отношениях между США и СССР в 1970-е годы была выдвинута Генри Киссинджером. В середине 1980-х годов док-

трина Рональда Рейгана, Reagan Doctrine, была направлена на поддержание сил, выступавших против левых и социалистических правительств.

Период перестройки системы международных отношений (1989–1991 годы); пятая стадия системы международных отношений, постбиполярная / Брюссельско-Вашингтонская / Новый мировой порядок (с 1991 года).

Ключевым термином современного этапа развития международных отношений, этапа после «холодной войны», является термин «терроризм» и все, что связано с противостоянием ему. Несмотря на то что понятие «терроризм» – terrorism – восходит к античности, впервые террор применялся в Древней Греции по отношению к враждебному грекам населению, завоеванному ими, римскими императорами – к собственному населению, французскими революционерами – к идеологическим противникам, народовольцами – к угнетателям народа. Массовым это явление стало в конце XX – начале XXI вв., когда жертвами экстремистов становились невинные, случайные люди. Появление нового вида оружия с «человеческим» лицом – террористов-камикадзе – характеризует пятую стадию формирования международных отношений. Терроризм, со своим инструментом исполнения террористических актов, является международным явлением пятой стадии международных отношений. Помимо устоявшихся словосочетаний, таких как international terrorism – международный терроризм, military terrorism – военный терроризм, political terrorism – политический терроризм, после 11 сентября 2001 года появился неологизм War on Terrorism / War on Terror. «Война с терроризмом» стала оправданием вторжения американцев в Ирак в 2003 году. Термин-неологизм, предложенный советником Буша-младшего республиканцем Франком Лунцем для того, чтобы охватить как можно больше потенциальных военных целей, связал войну в Ираке с борьбой с Алькаедой и вторжением в Афганистан в 2001 году и, вероятно, будущим нападением на другие страны-изгои. С окончанием «холодной войны» аналитики стали уделять больше внимания проблемам безопасности.

Для данной стадии характерны такие термины, как unipolar world, multipolar world, unimultipolar world, post-Cold War Era, failed states, rogue states, terrorism, suicide-bombers, democratic enlargement, preemptive strike, the clash of civilizations.

К номенклатурным единицам пятой стадии формирования международных отношений относятся следующие: Group of Eight (G8), European Union, Organization (Conference) on Security and Cooperation in Europe, Schengen Agreement, Gulf War (= Persian Gulf War), Iraq War, Nuclear Non-Proliferation Treaty, а также внешнеполитические доктрины: New World Order – доктрина Дж. Буша-ст., предполагавшая многостороннее сотрудничество США и СССР, Democratic Enlargement – политика Била Клинтона, касающаяся расширения

Языки для специальных целей

НАТО на Восток; Preventive Strike Doctrine – внешняя политика США, начавшаяся после терактов сентября 2001 года.

Становление пятой фазы развития международных отношений происходит в настоящий момент.

Научные тексты по международным отношениям характеризуются высокой частотностью употребления географических названий и имен собственных. К ним относятся:

- *топонимы: Germany, France, the Ottoman Empire, the Russian Empire, the British Empire, the Soviet Union, Cuba, People's Republic of China, Federation of Malaysia, Asia, Czechoslovakia, Czech Republic, Iran, Iraq, Saudi Arabia, Africa, the Philippines, Federal Democratic Republic of Ethiopia, Republic of Poland, Bolivia, Sub-Saharan countries, Mexico, Cyprus, Indonesia, Sudan, Afghanistan, Sri Lanka;*

- *антропонимы: Winston Churchill, Woodrow Wilson, Lloyd George, George Washington, Thomas Jefferson, Abraham Lincoln, Theodore Roosevelt;*

- *Franklin Delano Roosevelt, Harry S. Truman, Dwight David Eisenhower, John Kennedy, Lyndon Johnson, Richard Nixon, «Jimmy» Carter, Ronald Wilson Reagan, George Herbert Walker Bush, Bill Clinton, George Walker Bush, Andrey Sakharov,*

Margaret Thatcher, Tony Blair, Deng Xiaoping, John Didon, Friedrich Nietzsche, Napoleon, Rajiv Gandhi.

Следует подчеркнуть, что поскольку международные отношения – это конгломерат экономических, политических, правовых, дипломатических, военных связей и взаимоотношений между государствами и системами государств, то это не может не иметь отражения в лексическом составе научных текстов по международным отношениям, включающем помимо политических терминов экономические, юридические, военные.

Подводя итог, отметим, что язык и история развития международных отношений как научной дисциплины взаимосвязаны и взаимообусловлены. Лексический состав текстов по международным отношениям изменяется вместе с социально-политическими преобразованиями. Номенклатурные образования занимают значительное место в текстах по международным отношениям, создавая колорит и специфику каждой фазы становления международных отношений.

¹ Мировая политика и международные отношения: ключевые слова и понятия. Москва: Нижний Новгород, 2000. С. 105.

² Миньяр-Белоручева А.П. Язык историка. М., 2001. С. 60.

³ Там же. С. 136.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

УДК 378.02:372.8

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРИОБРЕТЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗНАНИЙ: ЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБУЧЕНИЯ

Н.А. Гончарова, Г.В. Кретинина

Статья посвящена рассмотрению вопросов поэтапности и учета временной последовательности усвоения абстрактных и конкретных явлений, общих и частных свойств фонетико-фонологического уровня языка в процессе овладения иноязычным произношением на основе просодических характеристик.

Понятийная сфера определенной области знания представляет собой совокупность всех понятий данной области знания.

Неоспоримым является тот факт, что знанию как особому процессу постижения человеком окружающей действительности посвящено огромное количество исследований. Оно является предметом изучения целого ряда специальных дисциплин: философии, логики, лингвистики, дидактики, методики, психологии и др. Дать определение понятию «знание» пытались многие исследователи¹. Общеизвестно определение знания как проверенного общественно-исторической практикой и удостоверяемого логикой результата познания действительности².

Существует точка зрения, согласно которой под знанием понимается как абстрактно-теоретическое знание (научное знание), так и житейское, бытовое знание (обыденное знание). Знание, таким образом, является не продуктом пассивного созерцания действительности, а возникает, функционирует и совершенствуется в процессе активной практической деятельности человека. Функционирование знания в качестве основы идеального плана деятельности обеспечивает возможность обратных связей от действительности к нашим знаниям о ней. В ходе осуществления таких связей уточняются, пересматриваются, совершенствуются человеческие представления о мире.

В философских исследованиях отмечается, что отношение знания к действительности носит многоуровневый и сложно опосредованный характер, развиваясь как в истории человеческой культуры, так и в процессе индивидуального становления личности³. Научные работы в области логики особое внимание обращают на закономерности и формы развития знания⁴. В данной связи акцентируется внимание на системе знаний, постоянно развивающейся и состоящей из разных уровней, благодаря чему выделяют определенные типы знания и закономерности их приобретения.

Так, знание о действительности как таковой можно отнести к общим знаниям; знания о каком-либо предмете или объекте действительности – к частным знаниям. Вместе с тем частные знания во многом конкретизируются за счет знаний о специфических характеристиках данного объекта. Подобные знания можно назвать специфическими. Выделяя типы знания – общие, частные и специфические – целесообразно остановиться и на процессе его получения, что трактуется как познание⁵. В свою очередь, познание относится к высшей форме отражения действительности⁶ и определяется как приобретенные знания, постижение закономерностей объективного мира.

Различают разные формы познания действительности: чувственное и рациональное, теоретическое и практическое, субъективное и объективное, дедуктивное и индуктивное. Исходя из этого, теория познания и логика изучают проблемы природы познания и его возможности, отношения знания к реальности, исследуют всеобщие предпосылки познания, выявляют условия его достоверности и истинности.

Следует отметить, что исследования в области логики, изучая закономерности приобретения знаний, обращают внимание на процесс его получения, когда имеет место познание единого свойства, присущего необозримому множеству предметов. Подобный процесс приобретения знаний называется абстрагированием. Замечено, что восхождение от абстрактного к конкретному составляет специфику познания с точки зрения логистов⁷. Однако еще древние философы утверждали, что главный источник знания представляет не постижение абстрактных явлений действительности, а изучение реальных единиц, т.е. конкретных вещей (Аристотель).

Пытаясь решить вопрос о приоритете абстрактных, либо конкретных явлений в процессе овладения знаниями, исследователи пришли к мнению о взаимосвязи абстрактных и конкретных явлений действительности⁸. Согласно вышеизло-

женному, мы считаем, что в рамках настоящей статьи необходимо уточнить, какой путь познания действительности, составляющий основу закономерностей приобретения иноязычных фонетических знаний, – от абстрактных явлений или конкретных – является превалирующим при овладении иностранным языком.

Заметим, что каков бы ни был источник получения знаний, они выражаются в языке и посредством языка, который служит одним из способов объективации знания⁹, поэтому вполне естественно, что структура языковой системы будет в какой-то степени адекватна обобщенной структуре знания. Данный факт позволяет нам обратить внимание на взаимосвязь лингвистических концепций и процесса получения знаний о языке.

Так, к наиболее фундаментальному, глубинному макроуровню знаний относят универсальные знания, которыми человек владеет генетически и которые соответствуют логическим формам мышления, а именно: понятиям, суждениям и умозаключениям. Эти знания являются результатами наивысшего обобщения объектов действительности и соотносятся с языковыми универсалиями.

К другому макроуровню знаний относятся знания, определяемые неврожденным опытом какой-либо языковой общности, формирующие систему понятий, состав которой соотносится с элементами, определяющими картину мира социума и которая обусловлена пространственно-географическими факторами, историей, культурой, моралью, психическим складом общества, его менталитетом и пр. Система понятий находит свое выражение в конкретном национальном языке.

Если первый макроуровень знаний связан с объективным отражением мира сообразно логическим законам мышления, то второй – с мироощущением, с самобытным видением обществом материального и духовного мира, при котором человек не только отражает, но и творит окружающий мир.

Способность уровней языка объективировать элементы знания, в том числе для целей коммуникации, позволяет исследователям установить корреляцию структур знания как результата мыслительной деятельности и языковых структур. В свою очередь, язык, будучи средством познания действительности, сам является объектом познания, что дает возможность выделить в нем абстрактные и конкретные явления.

Согласно лингвистической концепции Т.А.Расторгуевой¹⁰, под абстрактными явлениями языка понимаются системно-структурные особенности, под конкретными – реализация системы языка в речи, коммуникации. Поскольку мы обращаемся к обучению иноязычному произношению на основе просодических характеристик, то под обучением абстрактным явлениям мы будем понимать обучение фонологическим особенностям фонетико-фонологического уровня языка, под

обучением конкретным – обучение фонетическим особенностям. Исходя из вышесказанного, мы можем выделить как закономерности приобретения обучающимися иноязычных фонетических знаний – от абстрактных явлений к конкретным, так и два этапа обучения иноязычному произношению на основе просодических характеристик в системе обучения иностранному языку, а именно: обучение фонологическим особенностям и обучение фонетическим особенностям языковой системы.

Поскольку человек овладевает языком, познавая уже существующую до него языковую реальность, при этом воспринимая ее как нечто данное¹¹, то путь познания от абстрактных явлений к конкретным предопределяет путь познания от конкретных явлений к абстрактным.

Очевидно, что теория познания нашла свое отражение в лингвистике. Теории познания уделяют внимание также педагогическая наука и дидактика. Исследования в области педагогики рассматривают теорию познания как методологическую основу обучения. Так, по словам Б.Т. Лихачева, «обучающее познание основывается на специально отобранных и педагогически переработанных данных, организуется как стройная система усложняющихся и углубляющихся знаний»¹², что, по-видимому, представляет развитие знаний от изучения абстрактного к изучению конкретного.

В дидактических исследованиях, которые в полном объеме охватывают вопросы процесса обучения, также установлены связи с теорией познания¹³. В данной связи рассматриваются отношения между абстрактным и конкретным в процессе обучения. Преломляя изложенное к процессу овладения иноязычным произношением, можно предположить, что обучение абстрактным и конкретным явлениями фонетико-фонологического уровня языка также является оправданным с точки зрения дидактики.

Известно, что дидактика связана с методикой обучения иностранным языкам и, в частности, с методикой обучения иноязычному произношению, следовательно, выделяемые методикой определенные этапы обучения иноязычному произношению согласуются с данными в области дидактики.

Итак, согласно вышеизложенному можно сделать вывод, что логический аспект обучения предусматривает обращение к закономерностям приобретения иноязычных фонетических знаний от абстрактных явлений к конкретным и дает возможность выделить два этапа обучения фонетике иностранного языка – обучение фонологическим особенностям и обучение фонетическим особенностям.

Рассматривая закономерности приобретения знаний о языке, следует остановиться на рассмотрении возможных способов исследования фонетико-фонологической языковой системы.

Отметим, что доступная нам реальность представляет нечто неразделимое, целое, или систему,

где исследование любого системного объекта предполагает два способа, а именно: начинать изучение объекта либо с его общих свойств, либо с частных. Так, есть мнение, согласно которому нет более определенного пути исследования системного объекта, чем движение от частного к общему¹⁴. Существует и противоположная точка зрения: основной способ исследования заключается в применении любого общего положения к частному случаю¹⁵. Следует заметить, что наиболее характерным для логики является рассмотрение общих и частных признаков в их диалектическом единстве и во взаимосвязи, когда общее и частное дополняют друг друга¹⁶. Некоторые исследователи, однако, полагают, что недостаточно констатировать факт взаимного дополнения общего и частного, скорее всего надо учитывать, какое из этих свойств обосновывает другое.

Справедливым, на наш взгляд, является замечание о том, что категории общего и частного характеризуют направление исследования системного объекта, которое начинается с нерасчлененного представления об общем, затем переходит к анализу расчленения общего на частные элементы и завершается воспроизведением объекта в форме общего¹⁷. Исходя из вышесказанного намечается обращение к способам исследования, согласующимся с дедуктивным методом исследования и предполагающими переход от общего к частному, которые, в свою очередь, при дальнейшем изучении системного объекта, дополняются и взаимодействуют с индуктивным методом и способами исследования, характеризующимися переходом от частного к общему. Вместе с тем общее и частное, являясь элементами системы, могут также представлять относительно самостоятельные системы в составе макросистемы. Заметим, что овладение системным объектом от общего к частному и от частного к общему также составляют закономерности приобретения знаний с точки зрения логики¹⁸.

Небезынтересно отметить, что вопрос соотношения общего и частного затрагивается в большом количестве отраслей наук, в том числе и в лингвистике. В лингвистических исследованиях общепризнанным является рассмотрение языка как системы, что дает возможность обратиться к общим и частным понятиям в языке.

Традиционно под общим, целостным объектом в лингвистических работах понимается вся языковая система, под частным – его уровни: фонетический, лексический, грамматический и уровень текста¹⁹. В зависимости от уровня анализа и относительности общих и частных понятий, в языке в качестве общего элемента выделяют уровни языка, в качестве частного – единицы, составляющие соответствующие уровни²⁰. Так как мы говорим об обучении иноязычному произношению на основе просодических характеристик, то нам следует определить, что в дальнейшем понимать под

общим элементом произношения, а что – под частным.

Общепринятым является рассмотрение обучения произношению как обучению интонации и артикуляции звуков (А.А. Мироллобов, И.В. Рахманов, В.С. Цетлин, 1967, Г.В. Рогова, И.Н. Верещагина, 1998). Ряд исследователей в понятие «интонация» включают разное количество компонентов. Мы, вслед за Р.И. Аванесовым, О.С. Ахмановой, Д. Джоунзом, П.К. Цеплитис, Д.А. Шахбаговой включаем в компоненты интонации мелодику, фразовое ударение, ритм, темп. В то время как под просодическими характеристиками мы будем понимать особенности всех компонентов интонации и словесного ударения (М.В. Дорохова, Н.А. Леонтьева, Л.Г. Цховребадзе, D.I. Bolinger). В свою очередь интонация и словесное ударение относятся к единицам супrasegmentного уровня языка (И.И. Вольфсон, Е.А. Фесенко, J.C. Wells). Однако, исходя из трактовки термина произношения как воспроизведения звуков речи, следует сказать, что именно звуки являются материальной основой для интонации. Интонация без звуков существует лишь как, смысловой шум, нечто общее, которое только в сочетании со звуками речи, из которых складываются слова, а из слов – предложения, приобретает конкретный смысл и будет представлять собой звучащее высказывание, под которым понимается любая интонационно оформленная единица языка. Как видно, интонация с ее коммуникативно значимыми свойствами, будучи многокомпонентным явлением и пронизывая все уровни языка, в процессе осуществления речевого действия включает в себя и артикуляцию звуков. Данное утверждение позволяет соотнести интонацию и артикуляцию как общее и частное в звучащем высказывании, а обучение иноязычному произношению от общего к частному и от частного к общему согласуется с закономерностями приобретения иноязычных произносительных знаний и в процессе обучения иноязычному произношению составляет последовательность овладения фонетикой иностранного языка.

Вместе с тем, анализируя последовательность обучения иностранному языку от интонации к артикуляции, необходимо определить роль интонации в процессе общения.

Так, важность интонации в акте коммуникации подтверждена работами многих исследователей²¹, где отмечается, что в звучащей речи так или иначе выражается эмоциональное состояние человека, поэтому речь всегда интонационно оформлена. Интонация служит средством преобразования предложения во фразу, именно ею речевые единицы отличаются от языковых²². Также во владении интонацией проявляется степень владения социокультурными особенностями иностранного языка. Авторы социолингвистических исследований отмечают, что произношение, и особенно интонация, характеризует как региональный тип произноше-

ния, так и правильность речи, социальный статус говорящего, его пол, возраст, профессию, принадлежность к социокультурному уровню общества. «Произношение, – отмечает М.А.К. Халидей, – все в большей степени становится показателем социальной дистанции». Эта дистанция особенно заметна между образованным и необразованным слоями общества²³. Однако существует мнение, что основными стратифицирующими факторами произношения являются род занятий и принадлежность к определенному социально-экономическому классу.

В исследованиях, посвященных изучению употребления интонационных контуров на примере английского языка, замечено, что речь преподавателей звучит более плавно, в основном за счет нисходящей шкалы, и в то же время более выразительно благодаря разнообразию тонального инвентаря, тогда как речь, например, бизнесменов характеризуют резкие изменения мелодики: волнообразная шкала с высоким безударным началом, с нарушенной постепенностью. Спортивный комментатор использует в своей речи только краткие и сверхкраткие паузы, проявляя тем самым профессиональный навык к временной компрессии, необходимый в сфере массовой коммуникации. Характерное звучание, по мнению Д. Кристалла, имеют голоса адвокатов в суде, священнослужителей, церемониймейстеров и ведущих многих радио- и телепрограмм²⁴. Между тем в экспериментах по оценке голоса с точки зрения воздействия на слушателя отмечается, что голоса актера, судьи и священника получили высокую оценку, поскольку люди данных профессий согласно уровню своего образования демонстрируют высокую культуру речи: глубокое звучное качество голоса, широкий диапазон мелодического варьирования, темповые модуляции. Необходимо подчеркнуть, что обучающийся должен также овладеть иноязычной интонацией как орудием воздействия на слушающего, развивать резонантные качества голоса, умело варьировать мелодику и темп, т.е. владеть культурой иноязычной речи, максимально приближенной к культуре речи образованных слоев общества.

Изучение употребления именно интонационных контуров связано с тем, что контур является основной точкой отсчета интонационного анализа, а в речи он получает выражение в виде многообразия вариантов²⁵. При анализе просодических характеристик, и в том числе интонации К. Пайк также отметил важную роль мелодического контура в оформлении высказывания²⁶.

Проблема значимости интонационных контуров в процессе общения нашла свое отражение и в методике обучения иностранным языкам. Уже стало безоговорочным мнение, что для усвоения иностранного языка недостаточно владеть обширным словарным запасом и иметь необходимые грамматические знания. Очень важны при

этом также знания и владение фонетической системой изучаемого языка: интонационными и артикуляционными особенностями²⁷.

Заметим, что долгое время на занятиях по практической фонетике основное внимание уделялось работе над отдельным звуком и звуко-сочетаниями, при этом интонация оставалась в тени, ею пренебрегали и недооценивали. И.Э. Болтенкова проанализировала ряд вводно-фонетических курсов и учебных пособий по практической фонетике иностранного языка и отметила, что «взятые в целом принципы построения курсов основаны на «автономном», невзаимосвязанном обучении элементам фонетической системы с общей тенденцией «движения содержания» от звуков к интонации»²⁸. Однако постепенно фонетисты и методисты пришли к мнению, что изучение усвоение интонации иностранного языка представляет собой гораздо большую трудность, чем работа над отдельным звуком или словом.

Данная трудность заключается в том, что говорящий на иностранном языке старается конструировать свою речь на интонационной базе родного языка, которая, как известно, закладывается у человека в его раннем детстве. Ребенок осмысленнее реагирует на интонационные модели родителей, чем на их слова или фразы. В пользу данного утверждения звучит мысль В.А. Артемова: «Поскольку люди, говорящие на разных языках, одинаково повествуют, спрашивают, воздействуют на волю других и восклицают, постольку в разных языках имеется сходство в интонации повествовательных, побудительных и восклицательных предложений. На этом основании мы можем воспринять эти интонации, особенно в их ярких формах, более или менее адекватно, не зная данного языка»²⁹. Также проблема сложности овладения иноязычным произношением связана с анализом степени осознанности при овладении интонацией и артикуляцией иностранного языка. Как отмечает И.Э. Болтенкова, «фундаментальное различие по степени осознанности наблюдается между звуками и интонацией»³⁰. Контроль сознания в меньшей степени распространяется на работу гортани и дыхания, чем на артикуляцию. «Трудность в обучении продуцированию именно интонации, – замечает по этому поводу Л.З. Мазина, – в отличие от других средств звукового строя языка состоит в том, в частности, что если при артикуляции звуков положение органов речи (губ, языка), их движения доступны для ощущения обучающихся, то работа механизмов интонирования недоступна для ощущения. В процессе речи человек моделирует голос, не имея представления о том, как ведут себя органы речи»³¹. В этой связи А.А. Леонтьев замечает, что «механизм регулирования дыхания не может быть осознан, ибо не имеет соответствующего ему контрольного механизма»³². Вышеизложенное

однозначно свидетельствует о том, что артикуляция осознается в целом лучше, чем интонация.

Учитывая данный факт, методическая литература рекомендует начинать работу по овладению фонетикой иностранного языка с интонации, поскольку она является ключом фонетического понимания.

Бесспорно, общение между людьми осуществляется посредством письменной и устной речи. Слово, как и предложение, может нести в себе большое количество семантических и синтаксических значений, и лишь в сопровождении каких-то дополнительных стилистических нюансов или речевой ситуации многозначность может сужаться, уточняться и т. д. Это специфическое значение, которое приобретает предложение или слово благодаря контексту или речевой ситуации, В. Шмидт обозначает как «актуальное значение». На письме оно выражается графически, в устной речи – с помощью звуковых средств, которые называются просодическими. Как отмечает А. Пешковский, чем отчётливее выражено синтаксическое значение высказывания, тем слабее может быть его интонационное выражение, и наоборот: чем сильнее интонационное выражение, тем слабее может быть интонационное (принцип заменяемости).

Таким образом, значение интонации в процессе общения оправдывает выбранную нами последовательность обучения фонетике иностранного языка от интонации к артикуляции звуков.

Итак, логический аспект обучения позволяет выявить основные закономерности приобретения обучающимися иноязычных знаний. К основными закономерностями приобретения иноязычных фонетических знаний относится путь познания иностранного языка от абстрактных явлений к конкретным, от общих свойств к частным. Фонологические особенности понимаются как абстрактные явления фонетико-фонологической системы языка, фонетические – как конкретные явления речи. Путь познания действительности от абстрактных явлений к конкретным является преобладающим при овладении иностранным языком. Под общим свойством высказывания мы понимаем интонацию, под частным – артикуляцию звуков. Закономерность исследования системного объекта от общего к частному предопределяет обратную закономерность исследования системного объекта.

¹ Chomsky Noam. *Reflection on Language*. Cambridge: Massachusetts, 1976.

Алексеев Л.В., Панин В.В. *Философия: учебник для вузов*. М.: Теис, 1996. С. 504.

Визгин В. *Знание как мир // Науковедение*. 1999. №2. С. 227–228.

² *Философский энциклопедический словарь / под ред. С.С. Аверенцева, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичева*. М.: Советская Энциклопедия, 1989. С. 815.

³ Спиркин А.Г. *Основы философии*. М.: Политическая литература, 1988. С. 591. *Философия: учебник / под ред. В.Д. Губиной, Т.Ю. Сидориной, В.П. Филатова*. М.: Русское слово, 1996. С. 432.

⁴ Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г. *Логика как часть теории познания и научной методологии (Фундаментальный курс)*. В 2-х кн. (кн. I. С. 312, кн. II. С. 333): учебное пособие для студентов философских факультетов и преподавателей логики. М.: Наука, 1994.

⁵ *Философия: учебник / под ред. В.Д. Губиной, Т.Ю. Сидориной, В.П. Филатова*. М.: Русское слово, 1996. С. 432.

⁶ *Философский энциклопедический словарь*.

⁷ Ивин А.А. *Строгий мир логики*. М.: Педагогика, 1988. С. 127. Ивлев Ю.В. *Логика*. М.: Наука, 1994. С. 284.

⁸ *Введение в философию: учебник для вузов*. В 2-х ч. / под общ. ред. И.И. Фролова. М.: Политиздат, 1989; А.М. Коршунов, В.В. Мантатов. *Диалектика социального познания*. М.: Политиздат, 1988. С. 383; С.Г. Тер-Минасова. *Язык и межкультурная коммуникация*. М.: Слово, 2000. 264 с.

⁹ *Философия: учебник / под ред. В.Д. Губиной*. Цит. соч.

¹⁰ Расторгуева Т.А. *Очерки по исторической грамматике английского языка*. М.: Высшая школа, 1989. 160 с.

¹¹ *Философия (Под ред. Н.И. Жукова)*. Минск: НТЦ «АПИ», 1999. С. 363. Кодухов В.И. *Общее языкознание*. М.: Высшая школа, 1974. С. 303.

¹² Педагогика. М.: Юрайт, 1999. С. 464.

¹³ *Основы дидактики / под ред. Б.П. Есипова*. М.: Просвещение, 1967. С. 472.

¹⁴ Алексеев Л.В., Панин В.В. *Философия: Учебник для вузов*. М.: Теис, 1996. С. 504.

¹⁵ Коршунов А.М., Мантатов В.В. *Диалектика социального познания*. М.: Политиздат, 1988. С. 383.

¹⁶ Гетманова А.Д. *Логика: Учебник для студентов пед. вузов*. М.: Выс.шк., 1986. С. 288.

¹⁷ *Философский энциклопедический словарь*.

¹⁸ Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г. Цит. соч.

¹⁹ Кодухов В.И. Цит. соч. Солнцев В.Н. *Язык как системно-структурное образование*. М.: Наука, 1977. С. 340. Каменская О.А. *Текст и коммуникация*. М.: Высшая школа, 1990. С. 152.

²⁰ Фесенко Е.А. *Константные и вариативные признаки акцентно-мелодической структуры в интонационной системе английского языка (на материале национальных вариантов английского языка)*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. С. 24; Шахбагова Д.А. *Фонетическая система английского языка в дихронии и синхронии (на материале британского, американского, австралийского, канадского вариантов английского языка)*. М.: Изд-во «Роллис», 1992. С. 283.

²¹ Торсуева И.Г. *Интонация и смысл высказывания*. М.: Наука, 1979. С. 100; Галочкина И.Е. *О соотношении понятий эмоционально-модальной и коммуникативной функции интонации // Фонология и интонация*. М.: МГПИИЯ, 1985. С. 130–153 (Вып. 216); Леонтьев А.А. *Язык. Речь. Речевая деятельность*. М.: Просвещение, 1969. С. 214; Берлин С.А., Вейхман А.С. *Обучение английской интонации*. М.: Высшая школа, 1973. С. 117.

²² Артемов В.А. *Психология обучения иностранным языкам*. М.: Просвещение, 1969. Рубинштейн С.Л. *Основы общей психологии*. М., 1946.

²³ Шевченко Т.И. Социолингвистическое изучение английской интонации. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1996. С. 122.

²⁴ Crystal D. Prosodic System and Intonation in English. Cambridge: Univ. Press, 1969. P. 381.

²⁵ Васильев В.А. и др. Фонетика английского языка (на англ. яз.). М.: Высшая школа, 1980. С. 256.

²⁶ Pike K.L. The Intonation of American English. Ann Arbor: The Univ. of Michigan Press, 1965, P. 203.

²⁷ Уваров А.А. Роль просодики в актуальном членении предложения // Лингводидактические проблемы обучения иностранным языкам в школе и в вузе: Межвузовский сборник научных статей. Вып. 3. Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. 258–264.

²⁸ Болтенкова И.Э. Вводно-фонетический курс: оптими-

зация последовательности усвоения содержания // Актуальные проблемы методики обучения иностранному языку как специальности. М., 1990. С. 72–80.

²⁹ Артемов В.А. Психология обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 1969.

³⁰ Болтенкова И.Э. К вопросу о сложности/трудности фонетических явлений // Методы и организация обучения иностранному языку в языковом вузе. М., 1991. С. 94–103.

³¹ Мазина Л.З. Методика обучения студентов-иностранцев интонации русского языка: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1984. С. 253.

³² Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности: некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М.: Наука, 1965. С. 245.

ОБУЧЕНИЕ НАУЧНОМУ И ВОЕННОМУ АНГЛИЙСКОМУ НА КУРСЕ ПО ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Л.Ф. Егорова

Целью настоящей статьи является обоснование использования текстов при обучении научному и военному английскому в процессе развития переводческих умений и навыков. Статья состоит из двух частей. Первая часть содержит описание и исследование принципов составления реестра языковых явлений содержания обучения. Вторая часть посвящена средствам обучения, в частности отбору соответствующих текстов.

Понятийная сфера определенной области знания представляет собой совокупность всех понятий данной области знания.

Настоящая статья посвящена рассмотрению содержания и средства обучения переводческой деятельности в военном инженерном вузе. Прежде всего, проанализируем такой компонент содержания обучения перевод, как реестр языковых явлений, образованный лексическими единицами, грамматическими формулами и конструкциями, формулами речевого общения.

Языковые явления и их рациональная организация в текстах играют важную роль при разработке технологии обучения. Нельзя не согласиться с С.И. Поликовской, которая считает, что научно обоснованный отбор подлежащего усвоению языкового материала является основой эффективного использования учебного времени¹. Говоря о языковом материале, как одной из составляющих содержания обучения иностранным языкам, как правило, имеют в виду произносительный, лексический, грамматический материал, при отборе которого исходят из ряда принципов.

Принципы отбора языкового материала достаточно разнообразны, причем ведущая роль принадлежит принципам отбора лексического материала. К этим принципам относят сочетаемость, стилистическую неограниченность, семантическую ценность, словообразовательную ценность, многозначность, строевую способность, частотность², а также соответствие лексики изучаемой грамматике³ и другие принципы.

Особого внимания заслуживает система принципов отбора, предложенная С.И. Поликовской, которая включает три группы принципов: принципы, учитывающие качественные характеристики отбираемых языковых явлений (соответствие потребностям практического использования иностранного языка), принципы, отражающие лингвистическую сущность отбираемых единиц, и принципы, учитывающие количественные показатели отбираемых языковых явлений⁴. В соответствии с выделенными группами принципов покажем в таблице совокупность принципов отбора

языковых явлений содержания обучения переводческой деятельности в военном вузе (табл. 1).

Таблица 1
Принципы отбора языковых явлений на курсе по дополнительной квалификации «переводчик в сфере профессиональной коммуникации»

Принципы, учитывающие <u>качественные</u> характеристики отбираемых языковых явлений (соответствие потребностям практического использования иностранного языка)	Принципы, отражающие <u>лингвистическую</u> сущность отбираемых единиц	Принципы, учитывающие <u>количественные</u> показатели отбираемых языковых явлений
<ul style="list-style-type: none"> • Необходимость • полезность • семантический и тематический принцип 	<ul style="list-style-type: none"> • Сочетаемость • строевая способность • стилистическая неограниченность • словообразовательная ценность • многозначность • соответствие лексики изучаемой грамматике 	<ul style="list-style-type: none"> • Частотность • распространенность

Представляется, что при профессионально-направленном обучении переводческой деятельности ведущая роль должна принадлежать первой группе принципов, то есть принципам, учитывающим соответствие отбираемых единиц потребностям практического использования иностранного языка.

Говоря о языковом материале, образующем содержание профессионально-направленного обучения иностранному языку, часто употребляют термин «язык для специальных целей»⁵. Термин «язык для специальных целей» обозначает «регистр речи в составе интеллектуального функцио-

нального стиля, использующийся для описания той или иной области знания или сферы деятельности с глубокой и развитой системой понятий и обладающий устойчивыми языковыми характеристиками, отличающимися его от других функциональных стилей»⁶. Выделение языка для специальных целей в качестве своеобразного подязыка объясняется наличием общих черт в языке различных специальностей.

Язык для специальных целей военного инженера, безусловно, принадлежит к научно-техническому стилю речи. Заметим, что отличительным свойством данного подязыка является большое количество военной и военно-технической терминологии.

Как известно, научная речь ориентирована на описание фактов действительности, на изложение научных понятий, объяснение явлений и систематизацию знаний. В связи с этим к числу характерных черт научно-технического стиля речи относят следующие: эксплицитность; однозначность; употребление языковых единиц в семантически достаточных, избыточных контекстах; логизированный характер изложения; абстрактность, отвлеченно-обобщающий характер изложения⁷. Помимо указанных черт, все тексты, принадлежащие к научно-техническому стилю, обладают сходными лексическими и грамматическими особенностями.

Анализ учебных пособий, посвященных обучению военному переводу и переводу научно-технической литературы⁸, позволил выявить лексические и грамматические особенности, присущие научно-техническим, и в частности военно-техническим текстам.

Так, на уровне лексики выделяются три слоя: общепотребительная и общенаучная лексика и терминология. Уточним понятия «общенаучная лексика» и «терминология».

Общенаучная лексика представлена словами и словосочетаниями, отличными от терминов, которые не отмечены в специальных словарях, но позволяют описывать связи и отношения между понятиями, объектами⁹. К общенаучной лексике, широко представленной в военных и военно-технических материалах, можно отнести устойчивые сочетания, используемые для выражения логической связности (вводные слова, конструкции связи – it, hence, then, that is why, that is, consequently; глаголы, имеющие вид своеобразных операторов и являющиеся лишь общим обозначением процессуальности – effect, assume, perform, obtain, provide, involve).

Что касается военной терминологии, то она предназначена для обозначения понятий, связанных непосредственно с военным делом, вооруженными силами, способами ведения вооруженной борьбы, миротворческими миссиями. В отличие от военной терминологии военно-техническая терминология включает собственно научно-технические термины¹⁰.

Подчеркнем, что наряду с однозначными терминами употребляются и многозначные термины (security – охранение, обеспечение, боевое обеспечение; безопасность, засекреченность, контрразведка). В то же время распространены термины, состоящие из нескольких слов (airborn missile – авиационная управляемая ракета).

Отличительной чертой военных материалов, наряду с большим количеством терминологии, является также их насыщенность сокращениями. Выделяются следующие группы военных сокращений:

1) аббревиатуры, образованные с помощью опущения отдельных элементов номинативных сокращений (private от private soldier);

2) сокращения, образованные путем преобразования, которые делятся на усечения, акронимы и собственно аббревиатуры.

К усечениям относятся сокращения типа spasesome от spasesocommand.

Собственно аббревиатуры читаются побуквенно U.S.N. (United States Navy).

Акронимы образуются от начальных букв или слогов называемого сочетания и совпадают по форме с именами нарицательными (SHAPE – Supreme Headquarters Allied Powers, Europe)¹¹.

Очевидно, что перевод терминов и сокращений представляет собой основную трудность в переводе военных материалов. По этой причине от переводчика в сфере профессиональной коммуникации по специальности военного инженерного вуза требуется знание не только английской, но и русской военной терминологии.

Кроме общенаучной лексики и специальной терминологии, для устных военных материалов характерно наличие эмоционально окрашенной военной лексики (сленга). Последняя представлена словами и словосочетаниями, которые употребляются, как правило, в устной разговорной речи американских военнослужащих и являются фактически синонимами соответствующих военных терминов. К числу эмоционально – окрашенной военной лексики можно отнести сленговые выражения типа: to jump an aircraft в значении to attack an aircraft, one-way ticket в значении dangerous mission, show в значении battle, pull-back в значении withdrawal и т.п.

В военных материалах можно выделить особую группу терминологических устойчивых сочетаний, образованную строевыми командами. Например: Eyes LEFT! – Равнение на-ЛЕВО!, Forward, MARCH! – Шагом – МАРШ!, Fall in! – СТАНОВИСЬ!

Наряду с военными устойчивыми сочетаниями, в реестр языковых явлений содержания обучения переводческой деятельности в военном вузе, на наш взгляд, следует включить формулы повседневного и делового речевого общения, объединенные по коммуникативным намерениям. Пере-

числим основные коммуникативные намерения повседневного речевого общения:

- обращение;
- приветствие;
- знакомство;
- поздравления, пожелания;
- прощание;
- вопрос-просьба;
- переспрос-уточнение;
- разрешение;
- запрещение;
- согласие, одобрение;
- благодарность;
- сожаление;
- сомнение;
- вероятность;
- совет;
- сочувствие, утешение;
- опасение, страх;
- упрек;
- отрицательная оценка;
- безразличие, равнодушие;
- отказ, несогласие;
- недовольство, возмущение.

Коммуникативными намерениями делового речевого общения могут быть следующие:

- запрос информации;
- уточнение информации, выяснение деталей, переспрос;
- выражение заинтересованности;
- привлечение внимания;
- вступление в диалог;
- завершение высказывания;
- стимулирование реакции на высказывание;
- реакция на запрос информации;
- выражение сомнения в подлинности информации;
- выражение согласия/несогласия с мнением собеседника;
- запрос о мнении собеседника;
- выражение положительной/отрицательной оценки
- внесение предложения и его обсуждение;
- принятие предложения;
- отклонение предложения.

Обобщая лексические особенности языка для специальных целей, используемого военным инженером, следует обратить внимание на то, что выделяется несколько пластов лексики, а именно: научная (scientific), военная (military), деловая (business) и общеупотребительная (general).

Грамматические явления подразделяются на две группы, составляющие грамматику для чтения и грамматику для устного общения. Если первая группа является составляющей письменной нормы английского языка, то вторая, очевидно, принадлежит к устной норме.

Таким образом, реестр языковых явлений содержания обучения на курсе по дополнительной специальности «переводчик в сфере профессиональной коммуникации» образован лексическими и грамматическими особенностями письменных и устных военных материалов. На лексическом уровне выделяется пласт общеупотребительной, общенаучной, военной и деловой лексики. Речевые формулы сгруппированы по коммуникативным намерениям. Грамматические формы и конструкции разделены на две группы, составляющие грамматику письменной и устной речи. При этом

наиболее сложными в языковом плане оказываются письменные военные материалы.

Содержание и средства обучения должны находиться в тесной взаимосвязи. В качестве главного средства обучения на курсе по подготовке переводчиков в сфере профессиональной коммуникации в военном инженерном вузе мы рассматриваем печатный и аудитивный тексты. Между тем одним из компонентов содержания обучения является тематика текстов. С другой стороны, текст является одним из уровней языка, а значит, языковые особенности текстов разного типа должны быть учтены в процессе развития переводческих умений и навыков, что отражено в нижеследующей таблице.

Таблица 2
Средства обучения переводческой деятельности в военном инженерном вузе

Этапы обучения	Тематика текстов	Типы текстов	Источники текстов
I этап обучения	Общенаучная военная	Учебные Аутентичные	Учебные пособия по обучению переводу научно-технической и военной литературы Газеты, журналы, публицистика, справочная литература по специальности, монографии, Internet
II этап обучения	Военная военно-техническая	Аутентичные	Теле- и радионОВОСТИ Би-Би-Си, деловая переписка, переговоры (деловая беседа), уставы, наставления, технические описания к оборудованию.

Вслед за И.Р. Гальпериним, под текстом мы понимаем «...произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единиц), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку»¹². При этом уточним, что поскольку средством обучения переводу наряду с печатным, является и аудитивный текст, то объективированность в виде письменного текста не может рассматриваться как обязательное свойство текста.

Распределение текстов по этапам обучения обуславливается в первую очередь их языковыми особенностями. Постепенное овладение языковыми явлениями учебных, а затем аутентичных научно-популярных, военных и военно-технических текстов представляется наиболее целесообразным. Действительно, каждый из последующих типов

текстов, помимо своих специфических особенностей, включают в себя и языковые явления предыдущего типа текстов.

На первом этапе обучения в качестве основного средства обучения выступают научно-популярные учебные тексты. Предметно-понятийное и языковое содержание первого этапа обучения на курсе по дополнительной специальности «переводчик в сфере профессиональной коммуникации» должно последовательно и логично раскрывать соответствующую тему и подготавливать переход к следующей теме.

Научно-популярные учебные тексты, как нам представляется, должны преимущественно относиться к типу обучающих текстов, адресованных начинающему специалисту. В частности, в их число можно включить тексты по электронике, радиоэлектронике. Подобные учебные тексты в достаточном количестве представлены в пособиях по обучению переводу научно-технической и военной литературы¹³.

Языковая сложность текстов обуславливает выбор характера текста – учебный или аутентичный. Уже к середине первого этапа обучения следует расширить диапазон текстов, дополнив учебные научно-популярные тексты военной тематики аутентичными текстами. Таким образом, роль учебных текстов состоит в том, чтобы подготовить обучаемых к работе над более сложными в языковом и содержательном плане аутентичными научно-популярными текстами по военной тематике. Это могут быть статьи из специального журнала, публицистика, справочная литература по специальности, статьи и интервью из газет, фрагменты из монографий.

В настоящее время в связи с развитием информационных технологий доступным источником аутентичных текстов на английском языке становится Internet. Статьи, полученные по системе Internet, имеют те же языковые характеристики, что и статьи из печатных изданий английских газет.

Указанные материалы могут быть посвящены военным событиям, достижениям мировой авиации, организации связи и радиотехнического обеспечения армий других стран, а также миротворческой миссии, что особенно актуально в настоящее время в связи с нестабильностью политической обстановки в мире. На наш взгляд, учебные и аутентичные тексты первого этапа не должны рассматривать узкопрофессиональные проблемы, а наоборот, должны освещать сопредельные образовательные темы, касающиеся специальности военного инженера. Таким образом, мы считаем, что кругозор и эрудиция будущих переводчиков в сфере профессиональной коммуникации по специальности военного инженера существенно расширятся.

На текстах первого этапа отрабатываются не только все виды зрелого чтения, но и приемы письменного перевода на русский язык.

Иноязычные навыки и умения формируются на двух этапах обучения переводу в военном инженерном вузе в рамках последовательного усложнения тематики. Так, если на первом этапе обучения тематика текстов является общенаучной и военной, то на втором этапе должна преобладать узкопрофессиональная тематика, а именно военная и военно-техническая.

Тексты второго этапа обучения на курсе по дополнительной специальности «переводчик в сфере профессиональной коммуникации» в военном инженерном вузе должны быть представлены такими видами аутентичных печатных и аутентичных текстов, как технические описания к оборудованию, уставы, наставления, деловая переписка, переговоры (деловая беседа).

По сравнению с первым этапом тексты, используемые на втором этапе обучения переводу в военном инженерном вузе, характеризуются более сложными языковыми явлениями, а также требуют достаточных знаний в области основной специальности. Однако заметим, что уровень языковой и профессиональной подготовки курсантов уже позволяет работать со сложными аутентичными военно-техническими текстами.

Источниками аудитивных текстов этого этапа могут служить мировые новости Би-Би-Си, передаваемые по спутниковому телевидению и радио. Основным назначением теле- и радионовостей является их использование при обучении устному переводу.

Таким образом, главным средством профессионально-направленного обучения переводческой деятельности в военном инженерном вузе являются печатный и аудитивный тексты. Тематика текстов, представленная общенаучными, военными и военно-техническими текстами, отражает профессиональную направленность обучения и постепенно вводит курсантов в язык и суть специальности военного инженера.

¹ Поликовская С.И. Отбор и организация учебного словаря для чтения литературы по специальности (неяз. вуз): Дис. ...канд. пед. наук. М., 1983. С. 194.

² Джолалов Д.Д. Проблемы содержания обучения иностранному языку. Ташкент: Изд-во ПАН, 1987. С. 107.

³ Халеева И.И. Интеркультура – третье измерение межкультурного взаимодействия? (из опыта подготовки переводчиков) // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1999. С. 5–15 (Тр./ МГЛУ Вып. 444).

⁴ Поликовская С.И. Указ. соч.

⁵ Яковлева Б., Волонина Л. Язык делового общения как лингвистическое и культурное явление // Вестник Московского Университета. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». № 1. 1998. С. 82–88.

⁶ Комарова А.И. Язык для специальных целей: содержание понятия // Вестник Московского университета. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». № 1. 1998. С. 70–82.

⁷ Багдасарян Л.Э. Обучение профессионально-ориентированному общению на основе научно-

популярных текстов: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1980. С. 196; Пумпянский А.Л. Введение в практику перевода научной и технической литературы на английском языке. М.: Наука, 1981. С. 344; см.1; Беришвили Н.И. Чтение как средство обучения говорению в неязыковом вузе: Дис... канд. пед. наук. М., 1983. С. 241; Типы научных и технических текстов и их лингвистические особенности. Методическое пособие. М., 1984. С. 50; Пронина Р.Ф. Перевод английской научно-технической литературы. М.: Высш. шк., 1986. С. 175; Научно-технический перевод с русского языка на английский (составитель Люткин И.Д.). М.: ВЦП, 1991. С. 124.

⁸ Дормидонтов А.А., Нелюбин Л.Л., Васильченко А.А. Учебник военного перевода. М.: Воениздат, 1981. С. 654; Бух М.А., Докштейн С.Я. Английский язык. Учебное пособие для высших военных авиационно-инженерных учебных заведений. М.: Воениздат, 1977. С. 280; Докштейн С.Я., Макарова Е.А., Радоминова С.С. Практический курс перевода научно-технической литературы. М.: Воениздат, 1973. С. 448; Бух М.А., Обухова М.М. Учебник английского языка для высших военных инженерных училищ. М.: Воениздат, 1976. С. 373; Миньяр-Белоручев Р.К. Учебник военного перевода. М.: Воениздат, 1978. С. 430; Зайцева Л.П., Бух М.А. Микро-

электроника: настоящее и будущее. Пособие по обучению чтению на английском языке. М.: Высш. шк., 1990. С. 159.

⁹ Комиссаров В.Н. Теория перевода. М., 1990. С. 253.

¹⁰ Юзликбаева Д.Ш. Терминологические особенности перевода американских военно-технических материалов // Перевод и переводоведение. материалы конференции. Уфа, 1997. С. 72–73.

¹¹ Там же.

¹² Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. С. 137.

¹³ Дормидонтов А.А., Нелюбин Л.Л., Васильченко А.А. Учебник военного перевода. М.: Воениздат, 1981. С. 654; Бух М.А., Докштейн С.Я. Английский язык. Учебное пособие для высших военных авиационно-инженерных учебных заведений. М.: Воениздат, 1977. С. 280; Докштейн С.Я., Макарова Е.А., Радоминова С.С. Практический курс перевода научно-технической литературы. М.: Воениздат, 1973. С. 448; Бух М.А., Обухова М.М. Учебник английского языка для высших военных инженерных училищ. М.: Воениздат, 1976. С. 373; Миньяр-Белоручев Р.К. Учебник военного перевода. М.: Воениздат, 1978. С. 430; Зайцева Л.П., Бух М.А. Микроэлектроника: настоящее и будущее. Пособие по обучению чтению на английском языке. М.: Высш. шк., 1990. С. 159.

ОБУЧЕНИЕ УСТНОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ С ОПОРОЙ НА ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ КООРДИНАТЫ ИНОЯЗЫЧНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Г.В. Кретинина, Н.А. Гончарова

Статья посвящена проблеме обучения специфике устного диалогического общения и акцентирует внимание на особенностях функционирования пространственно-временных координат иноязычного коммуникативного пространства.

Являясь важнейшими концептами культуры, пространство и время представляют своеобразную систему координат, при помощи которой люди, принадлежащие к той или иной культуре, ориентируются в окружающем их мире. Универсальные свойства пространства и времени, пополнившиеся на современном этапе научного познания данными из области лингвистики, психологии, педагогики и др. наук, открывают перспективу выявления иноязычного коммуникативного пространства с последующим рассмотрением специфики обучения устному иноязычному общению, осуществляемому с опорой на пространственно-временные координаты, представленные невербальным и вербальными средствами общения, маркирующими границы коммуникативного пространства.

В современных философских работах вопросам общения как специфическому для людей способу взаимных отношений уделяется достаточное внимание. Общение, включающее интеллектуальную, эмоциональную, духовную сферы деятельности человека, реализуется знаковой системой, строение которой обусловлено характером заданного речевого произведения. Исходным условием общения, а следовательно, и использования системы пространственно-временных координат, является «индивидуальное своеобразие партнеров»¹, реализуемое единством коммуникативной, интерактивной и перцептивной направленностей общения, конечным результатом и смыслом которого является достижение взаимопонимания.

Анализируя процесс взаимопонимания в общении, целесообразно подробнее рассмотреть вопрос о средствах общения, зафиксированных системой знаков коммуникативного пространства. Такую систему знаков представляет язык, где реализуются не только словесные, вербальные, но и несловесные, невербальные средства общения. Известно, что коммуникативное поведение индивидуумов являет собой реализуемые в коммуникации правила и традиции общения той или иной лингвокультурной общности. Подобные правила и традиции в большинстве случаев имеют ярко выраженную национальную окраску, что препятствует

их адекватному восприятию представителями других народов и культур. Вербальные средства общения и значащие жесты, мимика, пантомимика и т.п., являясь пространственно-временными координатами, взаимодействуют в коммуникативном акте, дополняя друг друга, тем самым оказывая стимулирующее и интенсифицирующее влияние на процесс общения и, с нашей точки зрения, являются необходимым условием в практике обучения иноязычному общению как сложному многоплановому процессу установления и развития контактов между представителями разных.

Заметим, что понятие «общение» не должно отождествляться с понятием «говорение». Определенная разнонаправленность терминов отражает сущность стоящих за ними явлений, вследствие чего, будучи формально схожими, они по своей сути представляют разные процессы. Если под «говорением», достаточно широко представленным в научных источниках, понимается владение одним из продуктивных видов речевой деятельности – внешней, произносимой и воспринимаемой на слух речью, то устное «общение» принято рассматривать как «специфический для субъектов способ взаимных отношений, способ бытия человека во взаимосвязях с другими людьми», где специфичность отношений, на наш взгляд, проявляется прежде всего в том, что именно «Его Величество Общение (Ее Величество Коммуникация) правит людьми и их поведением»². Следовательно, понятие «общение», предполагающее взаимодействие субъектов, шире и многозначнее понятия «говорение» и не ограничивается только лишь воспроизведением устной речи согласно заданным образцам.

Заметим, что для обучения устному иноязычному общению в коммуникативном пространстве важно прежде всего выявить специфику процессов общения и коммуникации.

Исследователями уделяется достаточное внимание вопросам соотношения общения и коммуникации, где прослеживается как идентичность, так и дифференцированность понятий, а следовательно – и стоящих за ними процессов. Действи-

тельно, первоначальное значение латинского термина «communicatio» трактуется научными источниками как «делать общим», «связывать», «общаться», что понимается как обмен информацией. В свою очередь, русское слово «общение» также означает процесс обмена информацией и эмоциональными переживаниями между людьми. В обоих случаях в содержании понятий принципиальной разницы нет, и их можно считать равноправными.

Однако существует и другая точка зрения, согласно которой «коммуникация» и «общение» различаются по двум параметрам. Во-первых, «общение имеет и практический, материальный, и духовный, информационный, и практически-духовный характер, тогда как коммуникация является чисто информационным процессом тех или иных сообщений», во-вторых, «они различаются по характеру самой связи вступающих во взаимодействие систем. Коммуникация есть субъективно-объективная связь, где субъект передает некую информацию (знания, идеи, деловые сообщения и т.д.), а объект выступает в качестве пассивного получателя информации, который должен ее принять, понять, усвоить и в соответствии с этим поступать». Следовательно, коммуникация является однонаправленным процессом, т.к. информация передается только в одну сторону. Общение, напротив, представляет собой субъектно-субъектную связь, при которой «нет отправителя и получателя сообщений – есть собеседники, соучастники общего дела».

К тому же выделение исследователями трех взаимосвязанных сторон общения – информационной, или коммуникации; интерактивной, или взаимодействия; перцептивной, или понимания позволяет говорить об общении как многоплановом явлении, включающем в информационной части также аспект коммуникации. Следовательно, термин «общение» шире, многозначнее термина «коммуникация», что помогает нам понимать под общением субъектно-субъектную связь, направленную на адекватную реакцию субъекта в границах иноязычном коммуникативном пространстве, основанную на знании специфики (свойств) пространственно-временных координат и коммуникативной способности субъекта общения к их адекватному использованию в границах иноязычного коммуникативного пространства.

Очевидно, что общение играет в структуре коммуникативного пространства доминирующую роль. Более того, именно общение структурирует реальное пространство, одновременно внедряя в его рамки вербальные и невербальные координаты, адекватная материализация которых в субъективном речевом акте есть не что иное как проявление знаний, навыков и умений адекватной ориентации, результатом которой в иноязычном коммуникативном пространстве является устное общение.

Представляется, что обучение ориентации в иноязычном коммуникативном пространстве граничит, прежде всего, с обучением общению как процессу устной неофициальной иноязычной речи.

Однако более глубокое проникновение в суть процессов и явлений, происходящих в границах коммуникативного пространства, позволяет рассмотреть феномен сообщения и выделить его корреляцию с процессом общения в иноязычном коммуникативном пространстве.

Формальная схожесть данных терминов вовсе не означает идентичность стоящих за ними явлений. Так, сообщение в отличие от общения является имперсональным, т.е. обращенным к любому адресату и не провоцирует ответного реагирования, чего нельзя сказать о живом разговорном общении, т.к. и в известном смысле примат принадлежит именно ответу как началу активному: он создает почву для понимания. Понимание созревает лишь в ответе. Понимание и ответ диалектически слиты и взаимообуславливают друг друга, одно без другого невозможно. Диалектика ответа является движущей силой иноязычного коммуникативного пространства. Именно ответная реакция есть воплощение в речевом акте интериоризованных знаний, навыков и умений обучаемых, и именно ответ стимулирует познание обучаемыми культурных стереотипов иноязычного коммуникативного пространства, «пропущенных» через самоидентификацию и саморефлексию, где понимание собственного «я» ведет к пониманию истории в ее «единичности» и «множественности» в ракурсе культурного «свое – многообразия», обеспечивая тем самым проникновение в специфику пространственно-временных координат, а следовательно – возможность адекватной ориентации. Между тем интеграция в границы иноязычного коммуникативного пространства возможна только при наличии корректности, толерантности, «терпимости» к культурным ценностям, исторически заложенным в сущность и свойства пространственно-временных координат.

Следовательно, процесс общения в иноязычном коммуникативном пространстве, реализуемый через примат ответа как активно мобилизующего начала в коммуникации, базируется на специфике ответной реакции в границах коммуникативного пространства, т.к. именно ответная реакция, воплощенная в речевом и неречевом поведении субъекта общения как сложного сочетания психофизиологических, социальных, национально-культурных и языковых различий, является показателем адекватной ориентации языковой личности в иноязычном коммуникативном пространстве, где языковая личность выступает в качестве центрального звена процесса иноязычной коммуникации и представляет собой многослойную, многоуровневую, многоаспектную структуру. Сложное сочетание психофизиологических, социальных, национально-культурных и языковых различий

приводит к тому, что на уровне общения в границах иноязычного коммуникативного пространства объем расхождений между коммуникантами достигает наивысшей точки, поэтому иноязычное общение и взаимопонимание требуют качественных изменений, воплощаются в форме трансформации языка личности как обязательного условия успешного обучения.

Процесс обучения иноязычному общению с использованием пространственно-временных координат недостаточно полно исследован в специальной литературе. Напомним, что в отличие от говорения общение не ограничивается только лишь вербальными средствами, но параллельно предполагает обращение к невербальным средствам как пространственно-временным координатам коммуникативного пространства. Вопросам, связанным с функционированием невербальных средств общения в речи, посвящен целый ряд научных работ в области философской, лингвистической, психологической и других наук. Вместе с тем недостаточно исследованными остаются вопросы, связанные с процессом обучения иноязычному общению, предполагающему обращение к невербальным и вербальным средствам общения как пространственно-временным координатам иноязычного коммуникативного пространства. Из вышеизложенного следует, что рассмотрение вопроса обучения иноязычному общению с опорой на пространственно-временные координаты иноязычного коммуникативного пространства является своевременным.

Полагая, что общение в иноязычном коммуникативном пространстве репрезентируется посредством различных словесных, вербальных, и несловесных, невербальных, средств, мы в дальнейшем под общением будем понимать совокупность невербальных и вербальных средств общения, их взаимодействие в процессе коммуникации.

Следует заметить, что философия наших дней увязывает вопросы общения с пониманием. Исследование процесса понимания, его роли и значения в коммуникативной деятельности людей является характерной особенностью современного этапа развития философской науки, где понимание определяется как сложный комплексный феномен, связанный с психологическими и познавательными способностями, с процессами общения между людьми, с познанием другого «я», с взаимодействием различных культур, обладающих специфическими пространственно-временными характеристиками.

В рамках настоящей статьи следует обратить внимание на позицию ряда философов, представляющую процесс понимания в виде двух моделей – рационалистической и антропологической. При разработке вопросов понимания только как рациональной (интеллектуальной) деятельности, ориентированной в основном на абстрактно-теоретическое мышление, не учитывается много-

образии видов человеческой деятельности, направленной на переработку информации и выражение смыслового содержания не только в форме словесного языка, но и в самых разнообразных несловесных формах, т.е. при помощи невербальных средств общения. При этом отмечается, что такими формами общения могут быть кинестетические феномены, которые выражают не только настроение собеседника, но и позволяют достаточно точно судить о характере коммуникативного партнера, что, безусловно, влияет на смысловое восприятие речи. По мнению исследователей, невербальные средства могут служить самостоятельным языком человеческого общения без помощи вербальных, лингвистических средств. Более продуктивным, на наш взгляд, в целях самого общения и понимания было бы не противопоставление двух моделей общения, реализуемых невербальными и вербальными средствами, а рассмотрение их как дополняющих одна другую, представляющих целостный механизм человеческого общения.

Заметим, что в ситуациях межличностного общения в границах иноязычного коммуникативного пространства ни язык жестов, ни вербальные средства общения не являются исходными и фундаментальными по отношению друг к другу, скорее каждый из них предполагает наличие другого и строится в расчете на другой. Для дальнейших рассуждений представляется необходимым более подробно рассмотреть философский аспект функционирования языка как средства человеческого общения.

Известно, что интерпретация языка в современной философской литературе получила широкое распространение и далеко выходит за пределы того, что традиционно имеется в виду под языком.

Научные источники представляют самые различные определения языка. Язык рассматривается как выражение внутреннего духовного мира человека, как средство общения и сохранения информации, как система знаков, как инструмент устной и письменной речевой деятельности, как символическое выражение жизни человека в звуке и письме. Самым общим определением языка, подчеркивающим специфику как естественных языков, оперирующих словами и предложениями, так и языков невербального общения со специальной символикой, может быть следующее: язык – форма существования знания в виде системы знаков.

Знание как постижение реальной действительности объективируется знаковыми средствами языка, из чего следует, что язык является средством познания окружающего нас мира. Необходимо подчеркнуть, что в ходе своего развития человек познает не только духовные, моральные и материальные ценности, но и сам язык, поэтому язык является также и объектом познания.

Основываясь на положении о том, что язык одновременно предстает в качестве объекта познания и средства познания, исследователи выде-

ляют «знания о языке и знания языка»³. Идея разграничения сфер знаний, по нашему мнению, является важной как с точки зрения философского аспекта, т.к. дает возможность более глубокого проникновения в сущность понимания как такового, так и применительно к процессу обучения иностранному языку, и в частности устному иноязычному общению. Так, знания о языке включают знание о его уровнях – фонетическом, лексическом, грамматическом и уровне текста как последовательности предложений, построенной по правилам данной системы языка. Процесс неподготовленного общения, зафиксированный таким устным речевым произведением как текст, может быть представлен монологическим (транзакционным общением), а также диалогическим (интеракционным общением). Необходимо подчеркнуть, что в рамках данного исследования мы прежде всего акцентируем внимание на обучении устному неподготовленному диалогическому общению с опорой на пространственно-временные координаты иноязычного коммуникативного пространства, т.к. именно иноязычное коммуникативное пространство, представленное диалогом, обладает дополнительными каналами передачи информации, которые наряду с вербальными опорами задействуют и невербальные опоры. Поэтому для дальнейших рассуждений мы считаем целесообразным ввести термин «текст диалога»/«диалогический текст», под которым понимается устное речевое произведение, соответствующее реальному коммуникативному акту, по сути диалогическому, содержащему пространственно-временные координаты, функционирующие в границах иноязычного коммуникативного пространства.

Однако представляется важным знать не только слова и правила их соединения, но и уметь применять их в речи, особенно если это устная диалогическая речь, репрезентирующая общение. Очевидно, намечается следующая последовательность в обучении устному иноязычному общению: от обучения уровням иностранного языка до обучения знаниям, навыкам, умениям реализации их в речи. Результатом данной последовательности предстает процесс устного общения с опорой на пространственно-временные координаты иноязычного коммуникативного пространства, обладающего рамками диалогического текста.

Текст диалога, являясь продуктом речевой деятельности, одновременно выступает условием развития, обогащения культуры общения. Представляется, что без текстов немислимо сохранение, увековечение человеческой культуры, трансляция ее сокровищ через многие поколения. С текста начинается усвоение культурных ценностей, зафиксированных в речевой деятельности. Следовательно, текст диалога является для нас значимым не только с точки зрения конкретного преломления языковых знаний в речи, но и с позиции преломления социокультурных ценностей в мате-

риале языка, передающих специфику пространственно-временных координат иноязычного коммуникативного пространства, что в методическом плане открывает перспективы обучения студентов иноязычному общению с учетом специфических национальных традиций носителей языка и подготавливает обучающихся к «общению культур», «диалогу культур». Представляется, что диалог культур, осуществляющийся с опорой на пространственно-временные координаты, наиболее ярко выражен в диалогическом тексте.

Необходимо подчеркнуть, что диалог предстает важным объектом не только в рамках философского исследования, но также и психологического, поскольку в нем недостаточно точно изучены многие аспекты понимания. В специальной литературе констатируется, что диалог первичен с точки зрения человеческого общения. Кроме того, диалог представляет важный объект для обучения иностранному языку, поскольку при диалогическом общении происходит не только облачение особенностей языка в его материальную форму, т.е. речь, но и понимание другого «я», другого сознания, т.к. чужое сознание непосредственно недоступно нашему наблюдению, оно предстает через речь, а также через движение тел людей во внешнем мире. Как видно, диалог обращает нас к вербальным и невербальным средствам, которые, выступая пространственно-временными координатами, составляют основу понимания диалога, или основу иноязычного общения и, следовательно, требуют овладения в процессе изучения иностранного языка.

Диалог также актуален и с позиций раскрытия личности обучаемого, ее понимания. Так, согласно М.М. Бахтину, нельзя овладеть внутренним миром человека, увидеть и понять его, делая человека объектом безучастного нейтрального анализа, нельзя овладеть им и путем слияния с ним, вчувствования в него, ибо «к нему можно подойти и его можно раскрыть – точнее, заставить его самого раскрыться лишь путем общения с ним, диалогически»⁴. Как показал М.М. Бахтин, существовать для человека – значит общаться диалогически⁵. В данной связи рассматривая значение диалога в оптимизации процесса общения устному общению, правомерно обратиться к рассмотрению диалога, прежде всего в его внешних, словесно выраженных проявлениях.

Логика определяет диалог как логико-коммуникативный процесс, при котором люди взаимодействуют посредством выражения в словах своих смысловых позиций-суждений. Такое взаимодействие ведет к кристаллизации идей, к их творческому синтезу.

Общеизвестно, что сегодняшний мир противоречив и полемичен больше, чем когда-либо прежде, и будущее человечества во многом зависит от умения организовывать плодотворный, эффективный, перспективный диалог в самых раз-

личных областях социального бытия. Очевидно, что умение организовывать и вести диалог граничит с вопросами культуры диалога, которой следует обучать.

Известно, что текст диалога может быть письменным и устным. В противоположность письменному диалогическому тексту, подразумевающему предельную развернутость словесного выражения мысли, устный, в силу многих причин социально-психологического характера, как правило, не требует развернутости, ведется с применением невербальных средств общения, ибо удачно выбранный жест, мимика, пантомимика, являющиеся пространственно-временными координатами, сопровождающими, а иногда и заменяющими вербальные средства, могут оказать большую помощь в достижении взаимопонимания.

Отмечается, что взаимопонимание возможно при наличии доверительного диалога, учитывающего интересы, симпатию, ценностные и культурные ориентации его участников. Очевидно, что на процесс взаимопонимания будут оказывать влияние ситуационный характер диалога, а также личностное восприятие ситуации, преломленные через наличие желания и потребности в общении между участниками диалога. Представляется, что как общение, так и взаимопонимание невозможны без единого языка, где важна не столько общая знаковая форма, сколько ее семантика, т.е. значения, которыми оперируют участники диалога. Семантика слова может быть раскрыта не только вербальными, но и невербальными средствами общения, используемыми в живой человеческой речи, представленной диалогическим текстом.

В специальной литературе под устным видом неподготовленного диалогического текста понимается спонтанная речь (далее СР). Так, А.М. Антипова трактует СР как устный вид неподготовленного диалогического текста, т.к. СР предполагает видимого собеседника. Далее исследователь замечает, что в СР «монологическая речь, по сути дела, является частью диалога или полилога. Акт спонтанной речи неподготовлен, хотя тема разговора может быть заранее известна»⁶. О.А. Лаптева утверждает, что всякая устная речь, если она не является воспроизведением письменного текста, спонтанна и обладает особенностями, выводящими ее за пределы кодифицированного литературного языка⁷. Заслуживает внимания точка зрения Г.М. Вишневской, трактующей СР как «наиболее естественное проявление разговорной речи, которая возникает самопроизвольно, характеризуется неподготовленностью и ситуативной обусловленностью процесса говорения, а также непринужденностью и непосредственностью общения»⁸. Положения, касающиеся современной английской СР, затрагиваемые Г.А. Орловым, подводят исследователя к принципиальному выводу о существовании и оп-

ределенной конкуренции в рамках литературного языка двух феноменов: «кодифицированного литературного языка» и «литературно-разговорной речи», наиболее естественной формой реализации которой является устная форма⁹, представленная устным общением.

Заметим, что все определения содержат единый концепт устной формы презентации речи, ее неподготовленности, самопроизвольности. Указывается также на специфичность СР в аспекте реализации невербальных (неязыковых) средств коммуникации, а также корреляции невербальных и вербальных компонентов коммуникативного акта. Так, исследователи говорят о тесном взаимодействии невербальных и вербальных средств общения в живой разговорной речи. Тот ценный вывод, к которому они пришли, заключается в том, что кинесические средства общения (жесты, мимика, пантомимика, проксемика), являясь невербальными пространственно-временными координатами, принадлежат процессу коммуникации, и, следовательно, должны изучаться в единстве с вербальными пространственно-временными координатами коммуникативного пространства.

Рассматривая невербальные средства общения, являющиеся наряду с вербальными пространственно-временными координатами иноязычного коммуникативного пространства, необходимо обратить внимание на тот факт, что невербальные средства общения играют большую роль в понимании устной речи, поскольку, согласно мнению ряда исследователей, невербальные средства в потоке речи доминируют над вербальными, способны передавать отдельные понятия и даже суждения, заменять отдельные слова и фразы, передавать информацию об эмоциональном состоянии говорящего, помогают коммуникантам структурировать свой вербальный диалогический текст.

Итак, процесс устного общения, зафиксированный диалогическим текстом как иноязычным коммуникативным пространством, совмещает в себе невербальные и вербальные координаты, которые в речевом акте также должны рассматриваться на основе их взаимодействия. Вместе с тем представляется, что оптимальное овладение иноязычной устной речью предполагает обучение невербальным и вербальным средствам общения на основе их взаимодействия в иноязычном коммуникативном пространстве.

Однако следует заметить, что в специальной литературе, освещающей вопросы обучения иноязычному общению, недостаточное внимание уделяется процессу обучения невербальным и вербальным средствам общения в речи на основе их взаимодействия. Тем не менее констатируется, что данное взаимодействие настолько тесно, что «изучение одного без другого, во всяком случае без учета их связи, невозможно»¹⁰.

Схожую точку зрения можно найти в исследованиях С.Г. Тер-Минасовой, где утверждается, что «...слова нужны, чтобы можно было общаться, без них общение, хоть и возможно, но затруднительно и бедно. В них – роскошь, свобода общения, или коммуникации. Слова связывают людей, объединяя их через общение»¹¹, которое, как отмечалось выше, предполагает обращение к невербальным и вербальным средствам как пространственно-временным координатам. Следовательно, при обучении иноязычному общению, следует исходить из взаимодействия невербальных и вербальных средств общения как пространственно-временных координат иноязычного коммуникативного пространства.

Таким образом, обучение устному иноязычному общению с опорой на пространственно-временные координаты предполагает овладение знаниями, навыками и умениями использования в речи невербальных и вербальных средств общения в их взаимодействии. При этом невербальные и вербальные средства общения выступают пространственно-временными координатами иноязычного коммуникативного пространства, опора на которые является необходимым условием осуществления устного коммуникативного акта.

¹ Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1998. С. 319.

² Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. С. 264.

³ Беляев Б.В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. М., 1965. С. 174.

⁴ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 4-е. М.: Сов. Россия, 1979. С. 318.

⁵ Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. М., 1994. С. 53.

⁶ Антипова А.М. О взаимодействии вербальных и невербальных средств общения в спонтанной разговорной речи // Проблема спонтанной разговорной речи (МГИИЯ). Вып. 332. М., 1989. С. 61–75.

⁷ Лаптева, О.А. Соотношение спонтанной и телевизионной речи // Проблема спонтанной разговорной речи (МГИИЯ). Вып. 332. М., 1989. С. 5–22.

⁸ Вишневская Г.М. Восприятие спонтанной иноязычной речи в условиях интерференции // Проблема спонтанной разговорной речи (МГИИЯ). Вып. 332. М., 1989. С. 113–119.

⁹ Орлов Г.А. Современная английская речь: Учеб. пособие для вузов по спец. «англ. яз. и лит-ра». М.: Высш. шк., 1991. С. 240.

¹⁰ Антипова А.М. Цит. соч. С. 61–75.

¹¹ Тер-Минасова С.Г. Цит. соч.

ДВУХУРОВНЕВАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ И ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДУ

Т.Н. Хомутова

В статье освещаются вопросы подготовки профессиональных переводчиков в рамках бакалавриата и магистратуры: анализируется современное состояние проблемы, рассматриваются различные подходы к организации и содержанию обучения в магистратуре по устному переводу в некоторых российских и европейских университетах, приводятся материалы семинара по подготовке магистров в области устного перевода (РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, 19–23 марта 2007 г.), предлагаются возможные пути решения проблемы.

Интеграция России в Европейское образовательное пространство с неизбежностью требует перехода на двухуровневую систему образования: бакалавриат и магистратуру. Этому же требует и подписанная Россией в 2003 году Болонская декларация. По мнению Министерства образования и науки Российской Федерации в 2009 году все образовательные программы российских университетов должны стать двухуровневыми.

Отношение к такому переходу может быть разным: от восторженного до полного неприятия, но сам переход является неизбежностью, его нужно принимать как данность и соответственно к нему готовиться.

Ряд российских университетов, в том числе и Южно-Уральский государственный университет, уже имеют лицензию на осуществление образовательной деятельности по четырехлетней программе бакалавриата 031100.62 «Лингвистика» и в настоящее время ведут набор на эту образовательную программу.

Кого мы будем готовить? Кем будут работать выпускники этой программы? Смогут ли они работать преподавателями и переводчиками? Это лишь небольшая часть вопросов, возникающих у преподавателей, абитуриентов и их родителей.

Вот как отвечает на эти вопросы ГОС по данной программе¹:

1.3. Квалификационная характеристика выпускника

Бакалавр лингвистики может в установленном порядке осуществлять профессиональную деятельность в соответствии с полученной фундаментальной и специальной подготовкой. Объектом профессиональной деятельности бакалавра является общая и частная теория языкознания, иностранные языки как средство межязыковой коммуникации.

1.4. Возможности продолжения образования

Бакалавр лингвистики подготовлен к продолжению образования в магистратуре по направлениям 520500 – Лингвистика, 520300 – Филология,

520100 – Культурология, 521300 – Регионоведение.

7.1. Требования к профессиональной подготовке бакалавра

Бакалавр должен уметь решать задачи соответствующие его степени.

Бакалавр:

- *обладает высоким уровнем развития теоретического мышления, способностью соотнести понятийный аппарат изученных дисциплин с реальными фактами и явлениями профессиональной деятельности;*

- *владеет системой представлений о современном строении лингвистики; задачах и методах её разделов; взаимосвязи общего языкознания и изучаемых частных языковедческих дисциплин;*

- *владеет системой представлений о языке как целостном, исторически сложившемся системном функциональном образовании, социальной природе языка, роли языка в обществе;*

- *практически владеет системой иностранных языков и принципами её функционирования применительно к различным сферам речевой коммуникации.*

- **Учебный план** программы бакалавриата по лингвистике включает те же дисциплины, что и учебный план специалитета по направлению «Лингвистика и межкультурная коммуникация», отличие заключается в том, что часы, отводимые на освоение программы бакалавриата, главным образом, по первому и второму иностранным языкам и специальным дисциплинам, значительно сокращены. Таким образом, бакалавр лингвистики согласно стандарту получает фундаментальное лингвистическое образование, но фактически для работы в профессии преподавателя и переводчика он мало пригоден, так как профессиональные компетенции у него оказываются окончательно не сформированными. Для того чтобы овладеть профессиональными компетенциями в предлагаемой двухуровневой системе, бакалавру необходимо

пройти следующий уровень обучения – магистратуру.

• *Магистратура* предполагает, как правило, *двухлетнее обучение* на основе бакалавриата. Современная российская концепция магистратуры весьма схожа с концепцией обучения в аспирантуре². Основное внимание при обучении в магистратуре уделяется развитию *научной* компетенции магистра и написанию магистерской диссертации. При таком подходе *овладение профессией преподавателя и переводчика уходит на задний план*, в результате чего возникает противоречие между ожиданиями и потребностями студентов, с одной стороны, и содержанием и возможностями образовательных программ, с другой. Как преодолеть это противоречие?

Одним из реальных шагов, направленных на решение данной проблемы, стал семинар по подготовке магистров в области устного перевода, организованный Европейской комиссией в рамках проекта «Темпус» при участии трех европейских университетов: Сорбонны (Франция), Вестминстерского университета (Великобритания) и РГПУ им. А.И. Герцена (Россия). Семинар состоялся на базе РГПУ им. А.И. Герцена (СПб) с 19 по 23 марта 2007 года³.

Речь на семинаре шла о тех *подходах*, которые наблюдаются по отношению к организации и содержанию обучения в *магистратуре по переводу* в некоторых *российских и европейских университетах*.

Около десяти лет назад, когда Греция и Швеция стали членами Евросоюза, в Европарламенте возникли серьезные проблемы с переводом, так как профессиональных переводчиков с этими языками были единицы, а переводить как устно, так и письменно, нужно было много. Работодатели были недовольны качеством перевода. Возникло противоречие между необходимым уровнем переводческой компетенции и тем уровнем, который демонстрировали переводчики. Все это привело к созданию *пилотной группы по определению стандартов для профессионального обучения переводчиков*.

Безусловно, определенные стандарты подготовки переводчиков уже существовали во всех европейских странах, но, как показали результаты исследования пилотной группы, большинство из этих стандартов обеспечивали лишь *введение* в профессию переводчика, но не саму профессию, особенно это касалось *устного* перевода.

Поэтому были запущены 10 магистерских программ в 10 европейских университетах (Великобритании, Испании, Франции, Германии, Польше, Венгрии, Дании, Австрии, Бельгии, Италии), а в 2000 году был создан *Консорциум университетов*, осуществляющих подготовку по *магистерской программе подготовки устных переводчиков EMCI (European Masters in Conference Interpreting)*.

Эта программа определяет *цель обучения переводу* как *обучение инструментам перевода (tools)*, обучение переводу как ремеслу, а не языку вообще.

Европарламент сейчас принимает переводчиков не с тремя, а с четырьмя и более языками. Нельзя работать в Европе без знания английского и французского языков. *Русский язык очень востребован в Евросоюзе*, особенно с учетом вступления в него стран бывшего СССР и соцлагеря, языки которых не являются распространенными и не имеют большого отряда переводчиков, в то время как русский язык там до сих пор весьма популярен. Это тем более актуально для Евросоюза в связи с широким распространением так называемого *реле-перевода*, когда перевод ведется на один из известных языков (английский, французский, русский), а с него на все другие языки.

Основными принципами программы EMCI являются:

- профессиональная образовательная программа;
- университетский курс;
- высокое качество образования;
- наличие степени бакалавра при поступлении.

Профессиональное обучение – это обучение профессии переводчика как ремеслу. Обучение иностранным языкам должно быть *закончено*, когда студенты *поступают* на эту магистерскую программу. При поступлении они должны свободно владеть минимум двумя иностранными языками (уровень C2)⁴, чтобы сконцентрировать свое внимание на переводческих умениях и навыках, а не на дешифровке текстов.

Так, университет Сорбонны требует от своих абитуриентов в обязательном порядке пребывания в стране первого иностранного языка в течение не менее года, а в стране второго иностранного языка не менее 6 месяцев. Причем совсем не обязательно иметь степень бакалавра лингвистики, можно иметь *любую бакалаврскую степень*, но при этом свободно владеть иностранными языками.

Конечно, в настоящее время *в условиях России это мало реально*. У нас обучение в магистратуре по переводу возможно лишь при наличии, как минимум, степени бакалавра лингвистики, которая дает стартовый уровень умений и навыков в области иностранного языка, необходимых для обучения переводу. Поэтому наряду с занятиями по переводу для развития лингвистической компетенции наши учебные планы и программы должны предусматривать и занятия по иностранным языкам.

Устный перевод международных переговоров и конференций требует от переводчика *интеллектуальной зрелости*: такта, широкой эрудиции, глубоких фоновых знаний, умения быстро реагировать и принимать решения. Поэтому большинство европейских университетов принимают на эту программу не просто бакалавров, а *магистров*

в других областях знания, людей, имеющих за плечами не менее 5 лет университетского образования.

Как известно, в российских университетах фоновые знания являются камнем преткновения: наши студенты-переводчики мало утруждают себя чтением газет, журналов и просмотром новостных программ, что, безусловно, сказывается на их уровне переводческой компетенции. Поэтому для расширения фоновых знаний и развития коммуникативной компетенции наряду с занятиями по переводу наши учебные планы и программы должны предусматривать и занятия по международной и региональной политике, экономике, праву и т.д.

Обучение переводу в европейских университетах проходит в условиях *близких к реальной профессиональной деятельности*. Студенты имеют возможность поехать в Брюссель и работать в Европарламенте в качестве волонтеров, познавать профессию на рабочем месте. У нас такие возможности могут открыться в лучшем случае для студентов столичных вузов. Поэтому учебные планы и программы нестоличных вузов должны быть ориентированы на нужды города, области, региона и включать те коммуникативные компетенции, тот языковой материал и те ситуации общения, которые встретятся студенту в реальной профессиональной деятельности. А возможность проходить практику на действующих предприятиях, в реальных учреждениях и компаниях нашим студентам-переводчикам предоставляется регулярно.

Обучение переводу в европейских университетах включает в себя и вопросы *профессиональной среды* (условия работы, трудоустройство, аутентичные материалы, этику профессиональных взаимоотношений и т.д.).

В некоторых магистерских программах по переводу предусмотрен *научно-исследовательский курс* переводоведения и написание диссертаций.

Обучать переводу, по мнению европейских коллег, должны только *профессиональные практикующие переводчики*, имеющие, как правило, степень Ph.D. В условиях российских нестоличных вузов к выполнению этого требования необходимо приложить большие усилия, потому что профессиональные практикующие переводчики, как правило, не имеют ученой степени и в силу разных причин с большой неохотой идут преподавать.

Чтобы обеспечить *качество образования*, все университеты консорциума проводят жесткий отбор кандидатов. В среднем конкурс при поступлении составляет 4–5 человек на место (Сорбонна: 250 кандидатов с разными наборами языков, из которых поступают 50, а заканчивают около 35; Вестминстер: 100 кандидатов, из которых поступают 25, а выпускаются 15).

Вступительный экзамен в Сорбонне включает письменную и устную часть.

Письменная часть: перевод газетного текста с родного на иностранный, вопросы на понимание текста, проверка фоновых знаний.

Устную часть принимает комиссия из трех человек с разными родными языками. Устный экзамен состоит из нескольких частей:

- презентация (пересказ текста, прочитанного экзаменатором с двух иностранных языков на родной и с родного на первый иностранный);

- монолог или интервью на предложенную тему на родном или первом иностранном языке (например, «глобальное потепление») в течение 5 минут (проверка фоновых знаний и владения родным языком).

Что *оценивается*:

- понимание смысла;
- умение объяснять;
- качество выражения мысли (беглость речи, громкость и членораздельность, фоновые знания и т.д.);

- обучаемость (после первой презентации экзаменаторы делают критические замечания, наблюдают реакцию и то, как кандидат реагирует на сделанные замечания во второй и третьей презентации, обращается внимание и на то, как кандидаты справляются со стрессом, насколько они мотивированы и т.д., хотя специального психологического тестирования не проводится).

Поступившие на магистерскую программу проходят обучение в течение 2 лет.

Первый год полностью посвящен *последовательному переводу*. Обучение проходит 3 этапа.

Первый этап: 6 недель занимаются только *устным анализом* текста (всего 6 обязательных пар, по одной в неделю на язык). На занятиях используются только *предпереводческие* упражнения, целью которых является:

- отучить студентов от вредных привычек переводить слова, а не смысл;
- извлекать смысл;
- анализировать смысл;
- визуально представлять информацию;
- воссоздавать логическую структуру текста.

Второй этап: вводное занятие по переводческой скорописи (сугубо индивидуальная система). В течение 6–8 недель студенты самостоятельно вырабатывают эту систему.

Третий этап: перевод аутентичных текстов конференций.

Занятие строится следующим образом.

1. Анонс проблемы: обсуждение того, что студенты знают об этом, активизация ассоциативных связей.

2. Чтение текста: преподаватель читает текст (до 15 минут).

3. Составление плана: студенты составляют телеграфный план (сначала только устно, потом с помощью скорописи).

4. Пересказ.
5. Второе чтение текста преподавателем.
6. Анализ того, что было упущено.
7. Продолжение разбора статьи.
8. Пересказ.

Затем студенты по 3 часа в день (1 час на язык) *самостоятельно в группах* работают по указанной схеме (тематику выбирают сами).

Последовательный перевод под запись должен быть полностью освоен за 1 год.

На экзамене по этой дисциплине тему для перевода в Сорбонне сообщают за 5 минут, в Вестминстерском университете выбирают из известного студентам списка тем. Длительность звучания речи для последовательного перевода 5–7 минут без пауз. Если студенты не сдают экзамен по последовательному переводу, то они должны еще раз поехать на год за границу, чтобы совершенствовать свой иностранный язык, а затем поступать на эту программу заново.

Второй год обучения полностью посвящен *синхронному* переводу (одна пара с преподавателем в неделю).

Занятия в начале строятся по той же схеме, что и при обучении последовательному переводу, затем используется последовательный пересказ, перифраз, резюме того, что переводили, перевод с листа, перевод без опоры. Темы актуальные, тексты аутентичные. Научно-технические тексты, как правило, не используются.

Выпускной экзамен состоит из двух частей:

- последовательный перевод (длительность звучания текста 5–7 минут, темы должны быть известны заранее);
- синхронный перевод (длительность звучания минимум 15 минут) может быть как с листа, так и без опоры.

Проверяется уровень профессиональной переводческой компетенции:

- качество перевода;
- уверенность переводчика;
- полнота перевода;
- адекватность стилистических характеристик;
- эффективность перевода.

На выпускном экзамене обязательно присутствие внешних экзаменаторов и работодателей.

Российские вузы также планируют вступить в этот Консорциум, который в настоящее время насчитывает 16 европейских университетов. Для этого необходимо выработать свою стратегию: *свою программу, свой стандарт, свой учебный план*. Организатором такой работы является РГПУ им. А.И. Герцена (СПб). В настоящее время им разработан *примерный учебный план магистерской программы по переводу и критерии отбора кандидатов на программу*. Ниже приводится структура разработанного в РГПУ им. А.И. Герцена учебного плана⁵.

Учебные дисциплины плана объединены в следующие блоки: блок А включает дисциплины, об-

щие для специалистов в областях устного и письменного перевода, блок Б состоит из двух блоков: блок Б1 – для специалистов в области письменного перевода и блок Б2 – для специалистов в области устного перевода.

БЛОК А

Дисциплины, общие для устного и письменного перевода:

- *Европейский Союз и международные организации*
- *Мировые цивилизации в контексте международных отношений (история, геополитические вопросы, текущие проблемы)*
- *Межкультурная коммуникация: работа в мультикультурной среде*
- *Международное право*
- *Международная экономика*
- *Основы терминологии*

БЛОК Б

Б1 – дисциплины для обучения письменному переводу

- *Теория письменного перевода*
- *Практика письменного перевода*
- *Технологии письменного перевода*
- *Редактирование переведённого текста*

Курсы по выбору:

Корректировка перевода

Контроль качества письменного перевода

Письменный перевод как профессиональная деятельность

Расширение языковой базы: русский, английский, немецкий, французский и испанский языки

Б2 – дисциплины для обучения устному переводу:

- *Теория устного перевода*
- *Последовательный перевод*
- *Синхронный перевод*
- *Технологии устного перевода*
- *Профессиональная этика устного переводчика*

Курсы по выбору:

Устный перевод как профессия

Расширение языковой базы: русский, английский, немецкий, французский и испанский языки

Очевидно, что организация и внедрение такой магистерской программы, предусматривающей подготовку устных переводчиков для Евросоюза, является актуальной и реальной, главным образом, для столичных вузов, о чем заявляли участники конференции из регионов.

Мы в своих университетах учим студентов, не владеющих языком свободно, *языку и трансформациям*, а в Европе к кандидату на магистерскую программу по переводу предъявляется изначальное требование свободного владения языком, по-

этому за два года, при соответствующем уровне мотивации, там готовят профессиональных переводчиков, учат навыкам перевода, а не языку (никаких трансформаций, никаких поисков синонимических цепочек, а поиск смысловых эквивалентов в соответствии с интерпретативной теорией перевода).

Думается, что для региональных университетов есть два пути решения проблемы подготовки квалифицированных переводчиков: в рамках уже имеющегося и хорошо зарекомендовавшего себя специалитета, дающего профессиональную подготовку, и в рамках магистратуры, но магистратуры отличной от рассмотренной европейской.

Говоря о магистратуре, для нестоличных вузов, на наш взгляд, более актуальной является универсальная магистерская программа по переводу (письменному и устному), так как каждому крупному российскому городу и региону нужны свои универсальные квалифицированные переводчики, которые будут учиться у себя дома и там же будут работать. За основу может быть взят учебный план РГПУ им. А.И. Герцена⁶, но состав дисциплин должен быть другим: не исключая изучения международных отношений, экономики, права, организаций и т.д., основной акцент должен быть сделан на региональную политику, экономику, право и т.д., поскольку наша задача: готовить специалистов не для Европарламента, а для своего региона.

Разработка такой программы – дело, не терпящее отлагательства. Иначе, при отсутствии специалитета и при сохранении указанных требова-

ний к кандидатам и преподавателям, мы можем остаться на задворках цивилизации и довольствоваться только бакалавриатом, а поскольку бакалавриат по лингвистике не дает профессиональной компетенции, являясь лишь введением в профессию, можно не только *остаться без студентов-переводчиков, но и оставить без профессиональных переводчиков целые регионы.*

¹ Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Направление 520500 – Лингвистика. Степень – бакалавр лингвистики. М., 2000.

² Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Направление 520500 – Лингвистика. Степень – магистр лингвистики. М., 2000.

³ Материалы семинара, организованного Европейской комиссией в рамках проекта Tempus: Master Degree in Translation and Conference Interpreting for Higher Education Institutions in Russia. Seminar 2. March 19–23. Saint Petersburg, 2007.

⁴ Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка. М.: МГЛУ, 2003.

⁵ Структура примерного учебного плана магистерской программы по переводу РГПУ им. А.И. Герцена// Материалы семинара, организованного Европейской комиссией в рамках проекта Tempus: Master Degree in Translation and Conference Interpreting for Higher Education Institutions in Russia. Seminar 2. March 19–23. Saint Petersburg, 2007.

⁶ Там же.

ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

ББК Ш141.2-32+Ш141.2-0+Ш.103.2

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ ИНСТРУКТИВНОГО ХАРАКТЕРА

Ю.А. Власова

Рассматриваются основные черты инструкций по применению, их структура и формы. Изучая язык как выражение этнического сознания, мы можем обозначить и понять особенности образа мира, присущего представителям того или иного этноса. В текстах инструктивного характера культурные образцы выступают как символы той или иной эпохи. Результат общения напрямую зависит от того, насколько ясно и доходчиво передано содержание инструкции. Инструкции характеризуются определенными композиционными особенностями, но в разных культурах имеются свои формы выражения. Сегодня наблюдается переход к западным формам выражения. Определить, чем это вызвано и насколько это оптимально, – одна из задач нашего исследования.

Роль современной России в мировом сообществе очень велика. Уже несколько десятилетий она удерживает лидирующие позиции во многих областях деятельности. Этому способствовали положительные перемены в политической, экономической, культурной областях, расширение международных связей, развитие науки и техники, интеграция России в мировое пространство. Наблюдаются преобразования и в самом обществе.

Процессы глобализации изменили основные характеристики общения. Происходит отход от диалогичности коммуникации, сосуществование в едином пространстве и времени не является необходимым и достаточным условием адекватного общения. На первый план выходит коммуникация «в виде непосредственного обмена информацией как чем-то самоценным. В связи с этим коммуникация приобретает открытый и вариативный характер, ориентацию на всех и каждого»¹.

Наше исследование посвящено изучению опосредованного взаимодействия между профессионалом и непрофессионалом. Подобного рода коммуникация довольно широко распространена в нашей жизни: инструкции, объявления, вывески, теле- и радиопередачи, в которых принимают участие специалисты и т.п. Но есть одна особенность, характеризующая общение профессионала и непрофессионала, являющихся носителями разных культур в одном этносе – это отсутствие обратной связи между участниками коммуникации, когда адресат, не обладающий достаточными знаниями в той или иной сфере, не имеет возможности ни переспросить, ни уточнить информацию, ни получить разъяснения по данному вопросу.

В обществе наблюдается деление на тех, кто владеет информацией и не владеющими ею, что ведет к противостоянию между профессионализ-

мом и некомпетентностью. В связи с этим возникает вопрос, связанный с исследованием корпоративной культуры как культуры профессионала. «Профессиональный» – это не только «связанный с профессией», но и «высокого уровня, качественный, свойственный специалисту своего дела». Профессиональное общение не только относится к трудовой деятельности человека, но и характеризуется высоким уровнем качества².

Национальная культура, отражающая национальный менталитет, является, также как и язык, формой сознания. Одним из важных компонентов этнокультурного языкового сознания является *профессиональная (корпоративная) культура* отдельных социумов, которая «формируется специалистами какой-либо области деятельности в течение длительного времени, передающаяся вместе со специфическими знаниями, а также и организационная культура, формирующаяся внутри конкретного предприятия, выделяющая его из числа других»³. Исследование коммуникативного поведения отдельных групп носителей языка позволяет выявить и разработать пути повышения эффективности коммуникации.

Источниками материала для исследования служат инструкции по применению. Слово «инструкция» произошло от латинского *instructio*, что значит «наставление, устройство». Согласно определениям, которые мы находим в словарях («Новейший словарь иностранных слов и выражений», «Толковый словарь живого великорусского языка» Даля, «Большой толковый словарь русского языка», «Большой энциклопедический словарь»), «инструкция» – это «указание о порядке выполнения какой-либо работы, использование прибора», «правила, наказ», «руководящие указания, свод правил, установленный порядок и способ осуще-

Зеленые страницы

ствления чего-либо», «подзаконный акт, регламентирующий выполнение какого-либо рода деятельности». Таким образом, основная функция инструкции по применению – это четко, лаконично, а главное доходчиво объяснить человеку, не обладающему достаточными знаниями в данной области, как применять тот или иной прибор, препарат, механизм и т.п., а также как вести себя в данной конкретной ситуации. Однако, инструкции не всегда отвечают этим требованиям. Это связано с рядом причин.

Во-первых, объем информации. Инструкции по применению имеют различную форму: вся информация может уместиться на одной странице, в другом случае текст инструкции занимает не один десяток страниц. Возникает вопрос: зависит ли структура и форма инструкции от того, какую область применения она отражает (медицина, наука и техника, сфера услуг). Однозначного ответа нет, но сравнительный анализ текстов инструктивного характера из различных областей деятельности позволяет говорить о том, что такие особенности существуют. Инструкция к конфете-игрушке содержит всего два предложения: «Игрушка не предназначена для детей младше 3-х лет. Мелкие детали могут быть проглочены или попасть в дыхательные пути». Но в них содержится основная информация, которая не вызывает у адресата никаких недоразумений. Правила пользования бытовым прибором, например, содержат большее количество рекомендаций для пользователей. Потребитель найдет здесь и подробное описание комплектующих, и порядок работы, и меры безопасности. В инструкциях по применению медицинских препаратов информация представлена четко и полно, что объясняется серьезностью последствий, к которым может привести непонимание текста инструкции.

Во-вторых, информация, содержащаяся в тексте инструкции, не всегда понятна непрофессионалу. А.А. Леонтьев отмечает, что наряду с индивидуальными вариантами существуют инвариантные образы мира, понимаемые как совокупность «абстрактных моделей, описывающих общие черты в видении мира различными людьми»⁴. То, что профессионалу кажется очевидным, там, где для него «существуют богатые и разнообразные миры впечатлений, материалов для размышления и практического действия»⁵, неспециалисту открывается лишь «пустота». Так следует ли читать непрофессионалу в конкретной области знаний инструкцию целиком, если после знакомства с текстом для него ситуация не проясняется, а, наоборот, в некоторых случаях и запутывается.

Российские потребители товаров и услуг просто игнорируют инструкции, «надеясь на авось». Обыватель сначала использует прибор (устройство препарат, механизм) на практике («методом тыка»), а к инструкции обратится тогда, когда воз-

никнут какие-либо неполадки. И в этом проявляются особенности национального характера.

В-третьих, понимание инструкции осложняется тем, что непрофессионал не знаком с теми реалиями, которые скрываются за названиями, терминами, употребляемыми в тексте инструкции. Например, «Проверьте уровень и плотность электролита аккумуляторной батареи». Или лекарственный препарат эпросартан «можно применять с тиазидными диуретиками и блокаторами «медленных» кальциевых каналов».

В-четвертых, инструкции содержат информацию с негативной оценкой или двусмысленностью. Когда перечисляются побочные действия любого лекарственного препарата, например, эуфелина: «Экссфолиативный дерматит, лихорадочная реакция, редко – судороги», пациент может задуматься, стоит ли принимать эти таблетки, если, излечив один недуг, можно заболеть еще больше. Специалисту, конечно, известно, что такие реакции наблюдаются не всегда и не у каждого человека. Но на непрофессионала впечатление производят, с одной стороны, количество побочных действий, с другой – его пугают сами слова (судороги, например), а на то, что они бывают редко, он обратит внимание в последнюю очередь или проигнорирует совсем.

В-пятых, язык текстов инструктивного характера не всегда способствует успешному взаимодействию между профессионалом и непрофессионалом. Эффективное общение на любом языке предполагает, что коммуниканты обладают, с одной стороны, общностью знаний об используемом языке и навыками речевого общения, а с другой – общностью знаний о мире в форме образов сознания. Основной причиной непонимания при межкультурном общении является различие национальных сознаний коммуникантов, что находит свое выражение в использовании определенных языковых средств.

Связь культуры и грамматического строя языка не столь очевидна, как связь культуры и лексики, но ее значимость никак не меньше. «Понятия и отношения, фундаментальные для данной культуры, находят свое выражение не только в лексиконе, но и в грамматике языка данной культуры»⁶.

Согласно синтаксической типологии языков, русский язык является языком пациентивной ориентации, в то время как английский язык – языком агентивной ориентации. Сравнивая синтаксический строй двух языков, А. Вежбицкая приходит к выводу о том, что ценности, лежащие в основе этих языков «диаметрально противоположны»: доминирование ценностей активного действия, контроля над собой и своим окружением, личной ответственности и автономности личности в англоязычных культурах, и ценностей пассивного восприятия, фатализма, коллективизма – в русской культуре.

Для английского языкового сознания характерным является наличие такой доминанты, как личность, которая отсутствует в русском языке. Русскому языковому сознанию присуща «другоцентричность». (Н.В. Уфимцева)

В английском языке доминирует субъект действия, управляющий событиями в мире. Лингвистическим выражением такого видения мира на уровне синтаксиса являются номинативные конструкции, где позиция подлежащего является обязательной. В текстах инструктивного характера такие предложения встречаются, но не часто, что объясняется прагматическим типом высказываний: побуждение к действию, совет, рекомендация, указание. «*You will obtain the best results with a slightly soft dough*».

Русский язык представляет мир таким образом, что происходящие в нем события случаются независимо от воли субъекта. В большом количестве употребляются безличные и пассивные конструкции: «*Данная функция не может быть использована в России*», «*Выездная часть миграционной карты должна храниться в паспорте пассажира*».

Употребление форм повелительного наклонения в русском языке, которыми изобилуют инструкции по применению в силу выполняемой ими коммуникативной функции, является еще одним примером проявления культурных ценностей. Высказываниям на русском языке присущи категоричность, прямолинейность, авторитарность. Например, «*Разговор с водителем во время движения запрещен*». «*Выдернуть шнур. Выдавить стекло*». Структурирование информации подобным образом является действенным, если существует реальная опасность, и требуется однозначное решение проблемы, например, «*Keep the drug out of reach of children!*» (*Хранить лекарственное средство в недоступном для детей месте!*).

Употребление в речи предложений, выражающих желаемость, необходимость, возможность/невозможность осуществления действия, в которых позиция субъектно-детерминирующей формы остается открытой, доказывает, что общение на русском языке характеризуется иерархией, а не паритетом социальных ролей коммуникантов. Говорящий как бы подчеркивает свое превосходство, считает себя вправе навязывать свои правила, подавляя желания адресата.

Для представителей англоязычных культур такое коммуникативное поведение вызывает недоумение и протест, выражаемые абсолютно в иных формах выражения действительности. Желательность или нежелательность действий предстает в виде описаний, а не предписаний. *No parking*. (*Здесь не паркуются*, в отличие от *Машины не ставить!*).

Сегодня наблюдается процесс взаимопроникновения культур, когда реалии одного лингвокуль-

турного сообщества становятся частью другого. Однозначно ответить, насколько удачным является этот процесс, трудно. Главное – это перенять положительный опыт других культур, не растерять собственные национально-культурные ценности, а попытаться смоделировать оптимальное коммуникативное поведение. Приведем один пример. Вместо традиционной инструкции «*Машины не ставить!*» нам встретилась вывеска: «*Парковка на три места для клиентов стоматологии*». Такая формулировка скорее информирует о том, как нужно вести себя в данной ситуации, а не устанавливает жесткие правила. С одной стороны – это проявление вежливости по отношению к клиентам, с другой – носители русской культуры могут понять это как желаемое, не обязательное к исполнению.

В качестве примера отрицательного влияния западной культуры можно привести следующую инструкцию по применению газовой плиты, где говорится: «*Не допускается использовать для сушки одежды*». В данном случае область применения прибора не вызывает никакой неопределенности, и потребитель вряд ли попытается произвести действия, которые запрещает инструкция. Излишняя конкретизация инструкций может быть вызвана тем, что уже встречались прецеденты подобного рода, и сервисодатель, чтобы избежать судебных исков со стороны клиентов, пытается таким образом обезопасить себя от возможных претензий.

Идея категорического запрета, выражаемая понятием *нельзя*, очень сильна в менталитете русского человека. Долгое время многое в общественной и даже частной жизни было запрещено. Это понятие действует в семантической системе ребенка с трехлетнего возраста. Действительно, человек с детства усваивает нормы и правила поведения в форме различных «не делай, не шуми, не ходи, не трогай» и т.п. Для сравнения в Японии дети воспитываются в атмосфере вседозволенности (в хорошем понимании этого слова).

Текст инструкций содержит многочисленные запреты, типичная конструкция представляет «не+глагол в повелительном наклонении»: «*Не допускать контакта с пищевыми продуктами*», «*Не замораживайте супы, соусы, напитки и другие жидкости*».

Коммуникативное поведение имеет национально-специфический характер, представляет собой реализуемые в процессе коммуникации правила и традиции общения той или иной лингвокультурной общности. Проиллюстрируем некоторые особенности русского и англоамериканского коммуникативного поведения, которые естественным образом находят свое выражение в языке.

Среди особенностей общения русской лингвокультурной общности можно выделить следующие:

– общительность; нелюбовь к формальному, этикетному общению. Например, ни в одном из пяти пунктов инструкции по применению миграционной карты нам не встретилась ни одна форма вежливости, в то время как в английском варианте она присутствует в большинстве случаев: «*Выездная часть миграционной карты должна храниться в паспорте пассажира*» – «*Please, keep your card along with your passport*». Еще один пример. На карточке, полученной в одном из отелей Таиланда, наряду с перечнем предоставляемых услуг, картой торговых центров имеется такая надпись: «*For your convenience, below are instructions in Thai for direction back to the Indra Regent Hotel*»);

– стремление включить в процесс коммуникации всех присутствующих. Корни коллективного общения, на наш взгляд, кроются в историческом развитии нашей страны, где долгое время наиболее традиционной формой организации трудовой деятельности была общинная форма. Это находит свое выражение и в языке.

Вот пример инструкции по применению фосфида цинка для истребления крыс, изданной в 1946 году. «*Хранить фосфид цинка необходимо в сухом, хорошо вентилируемом помещении, в сухих, плотно закрытых резиновыми пробками стеклянных банках. Приготовление отравленных приманок с фосфидом цинка должно производиться в вытяжном шкафу или на открытом воздухе*».

Несмотря на то, что предложения представляют собой двукомпонентные подлежащно-сказуемые схемы со спрягаемой формой глагола, они характеризуются неопределенно-личной семантикой. Интересным получается результат, если сравнить русский и английский варианты одного и того же предложения: «*Графы миграционной карты заполняются четко и ясно*» – «*Please, fill in the card clearly*». Повелительное наклонение, выраженное формой инфинитива *fill* и имеющее конкретного адресата (2-е лицо) еще раз доказывает личностно-ориентированный характер англоязычного языкового сознания.

Своеобразие англо-американского коммуникативного поведения состоит

– в некатегоричности общения. Например, «*Single dose should not exceed 0.4 mg*» – «*Разовая доза не должна превышать 0,4 мг*». Модальный глагол *should* имеет значение долженствования, но с оттенком желаемости/нежелаемости осуществления деятельности, по сравнению с русским *должен*, семантика которого требует неукоснительного исполнения инструкции.

– большой роли письменного общения. Мы считаем, что этот факт связан с наличием различных классификаций культур, выделяемых Э.Холлом и Р.Д. Льюисом.

Э.Холл разделяет культуры на высоко- и низкоконтекстуальные⁷. В основе классификации лежит их отношение к контексту, под которым понимается информация, окружающая и сопровождающая событие. Для низкоконтекстуальных культур (представителями которых являются США, Канада) в процессе общения необходима подробная информация обо всем происходящем. Практически вся информация содержится в словах, а не в контексте общения. Такие культуры отличаются индивидуализмом, письменные договоренности здесь ценятся больше.

Высококонтекстуальные культуры (русская, например) ориентированы на диалог, на установление профессиональных и личных связей. Это коллективистские культуры, где взаимоотношения между людьми важнее планов и графиков.

Для речи представителей российской культуры типично сочетание импликации того, что предполагается известным всем и многочисленным и довольно пространственным отклонением от основного предмета разговора, английский разговор прямолинейный, логичный, последовательный, с вербальным выражением абсолютно всех компонентов высказывания⁸.

Интересными являются исследования взаимодействия между профессионалом и непрофессионалом и на уровне лексикологии. Например, в инструкции к точилке для ножей читаем следующее: «*Возьмите точилку в руки. (Grab the sharpener with your hand)*. Сравнивая значение слов *возьмите* и *grab*, мы наблюдаем процесс генерализации в русском языке.

В результате небольшого эксперимента, проведенного нами со студентами-лингвистами, обнаружилось следующее: при переводе инструкции «*Clean knife blade thoroughly*» на русский язык были предложены такие варианты: *тщательно очистите/промойте/протирайте лезвие ножа*. Словарное значение глагола *to clean* имеет все перечисленные значения. По нашему мнению, русские глаголы по-разному описывают данную ситуацию в свете дискурсного анализа.

Более того, приведенный пример доказывает национально-культурную специфику актуального членения предложения. Данное исследование имеет значимость для переводчиков, для бизнес-коммуникаций. Усложнение бытовых приборов, возрастание отрицательных последствий при несоблюдении правил пользования, межкультурные контакты – все это доказывает, что необходимо разрабатывать рекомендации, построенные на базе экспериментов.

В статье осязаны лишь некоторые области нашего исследования, основной целью которого является моделирование оптимального коммуникативного поведения профессионала с учетом национально-культурных особенностей для обеспечения эффективного процесса общения на современном этапе развития мирового сообщества.

¹ Портнов А.Н., Смирнов Д.Г. Языковое сознание и семиотическое измерение глобализационных процессов.

² Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск: Издательство ЮУрГУ, 2003. С. 17.

³ Там же. С. 25.

⁴ Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997. С. 273.

⁵ Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. М., 1995. С. 15.

⁶ Wierzbicka A. Semantics, culture and cognition. New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. С. 108.

⁷ Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. С. 49

⁸ Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб. 2001. С. 65.

СПЕЦИФИКА ОЦЕНОЧНЫХ ЖАНРОВ В КОНТЕКСТЕ ТИПОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

А.М. Побирченко

Одна из актуальных проблем стилистики современных СМИ – поиск разноплановых репродуктивных форм текстовой деятельности как образцов оптимального речевого взаимодействия в публицистических текстах. Цель данной статьи – рассмотреть характер и специфику оценочных жанров в аспекте диалогической теории и на основе тех творческих целеустановок, которые формируются в процессе социального ориентирования, осуществляемого СМИ.

Ни один вид или род словесности не оказывает сегодня на общество и его институты такое всеохватное влияние, как СМИ и их важнейшая составляющая – публицистика. Будучи в центре общественной, политической, языковой жизни, СМИ взаимодействуют со всеми социальными институтами, со всеми родами и видами литературы, испытывая их влияние и, в свою очередь, оказывая воздействие на литературную речь во всем ее многообразии. Публицистика как важнейшая составная часть СМИ значительно расширяет поле своего применения; активно взаимодействуя с такими сферами, как культура, Интернет и др., она изменяет свою систему концептуальных терминов, речевой строй, жанры. Исследователями отмечаются такие изменения в журналистской практике, как усиление информативного начала, резкая активизация личностной тенденции, утверждение диалогичности как фундаментального качества данного творчества, что влечет за собой активную эволюцию жанров. «Современное состояние изучения функциональных стилей, в частности публицистического, настоятельно требует надежного лингвостилистического описания системы жанров, составляющих в совокупности публицистический стиль»¹. Все это определяет необходимость постоянного анализа СМИ, учитывающего изменения как в обществе, так и в самих СМИ.

Публицистические жанры рассматриваются нами как формы духовной, воздействующее-коммуникативной речевой деятельности. По Бахтину, «языковые, или функциональные, стили есть не что иное, как жанровые стили определенных сфер человеческой деятельности и общения»², следовательно, «функциональный стиль задает и жанровое своеобразие, а именно общую установку использования языковых средств и способ речевой организации»³ для отдельных жанров. Поэтому, по мнению ряда ученых, основные виды духовной социокультурной деятельности, выступающие экстралингвистической основой соответствующих функциональных стилей, должны рассматриваться в качестве иерархически организованных систем

частных деятельностей и образующих их типовых действий, лежащих в основе групп речевых и отдельных жанров⁴.

Мы также опираемся на идею М.М. Бахтина о текстах как «идеологическом преломлении бытия», в которых объективируется идеологическое творчество, т.е. духовная социокультурная деятельность коммуникантов. Именно эта идея философа является одним из методологических принципов функциональной стилистики – научной дисциплины, изучающей лингвистическое своеобразие социальных разновидностей речи, «обслуживающих» разные формы общественного сознания, различные области идеологического творчества. Если речевой жанр рассматривать как модель реализации коммуникативной целеустановки, то типологию жанровых форм газетной публицистики закономерно анализировать через рассмотрение реализации коммуникативных целей журналиста в данной сфере.

Вся совокупность речевых жанров публицистического стиля призвана осуществлять социальное ориентирование аудитории с целью стимулирования ее активности. Не случайно обычно говорят о двух направлениях в социальном ориентировании – журналисты, стремясь ориентировать в мире событий и людей, сначала собирают сведения об этих событиях и людях, в них участвующих, и сообщают об этом аудитории, затем, оценивая и анализируя события и деятельность людей, «диагностируют» действительность. Причем каждый из названных этапов представлен рядом стадий, которые реализуются в разных типах текстов. Таким образом, каждое из направлений ориентирования проявляется в своих группах журналистских жанров. Информационные и оценочные (диагностирующие) жанры ориентируют адресата в мире событий и людей и способствуют созданию идеологической ценностно-познавательной конструкции (картины мира). Группа императивных жанров, способствующая выработке определенного поведения у аудитории, эксплицирует процесс выработки управленческого решения, направлен-

ного на преобразование действительности. Особенностью выделенных трех групп жанров являются иерархические отношения между ними, отражающие аналогичную систему целеустановок, в которой реализуются цели и задачи публицистического стиля. Система жанров публицистики выстраивается по принципу «матрешки»: информационные жанры являются вторичными, когда способствуют организации информирования читательской аудитории; переосмысливаясь, меняя модальность, они включаются в структуру оценочных; оценочные же в свою очередь включаются в структуру побудительных.

Фактор адресата также оказывает значительное влияние на деятельность журналиста, поскольку именно данным фактором определяется формирование коммуникативных задач и процесс их решения. Учет когнитивной стороны модели адресата информационных жанров приводит к необходимости для предотвращения возможного недопонимания прояснять, уточнять отдельные позиции информирования. Характер воздействия в оценочных жанрах предполагает особые качества в модели адресата. Основное здесь – способность не только к сомышлению, но и к сопереживанию. Следовательно, в адресате автор рассчитывает встретить человека, способного менять отношение к тем или иным сторонам своей жизни, такой адресат необходим для выработки общего с адресатом мнения о ситуации. Журналист как бы моделирует возможные вопросы о причинах, целях или механизме формирования ситуации и отвечает на них. Адресат побудительных жанров двусторонний: с одной стороны, это массовая аудитория (или отдельный читатель), а с другой стороны, это социальные институты. По степени воздействия эти жанры самые активные, публицистический накал в них особенно высок. Эмоционально-поведенческий аспект модели адресата предполагает предупреждение возможного равнодушия к восприятию проблем. Отсюда – повышенная эмоциональность, страстность, риторичность повествования. Для того чтобы вызвать сочувствие в читателе, часто изложение и в оценочно-аналитических, и в императивных жанрах интимизируется.

Таким образом, с учетом особенностей типовых коммуникативных целей, выполняемых в публицистической сфере общения, автор в процессе информационного воздействия осуществляет взаимодействие с адресатом, по крайней мере, по трем типам «сценариев»: информационным, оценочным и императивным, что перекликается с выделенными Н.Д. Арутюновой типами диалога – информационным, оценочным и прескриптивным⁵.

Различие жанровых моделей адресата, которые определяют предметный аспект жанровой целеустановки, влияют на дальнейшую дифференциацию на жанры и жанровые разновидности

внутри групп. Первая группа жанров, направленных на отражение действительности, далее дифференцируется на основе «содержательных ожиданий адресата», т.е. в зависимости от того, какой «участок» действительности предусматривается отразить в ответ на запрос читателя. Группа оценочных жанров дифференцируется на основе того, какого рода оценки предполагается согласовать с адресатом. Императивные жанры дифференцируются на основе того, какую активность в адресате предполагается вызвать жанровой моделью.

Для нас особый интерес представляет классификация оценочных (диагностирующих) жанров, так как интерпретирующие публицистические жанры способствуют не только расширению представлений о происходящем в мире, но и «формированию отношения к образу жизни, ее смыслу и перспективам».

Оценка играет большую роль в деятельности журналиста, а социальная оценочность составляет существенную и глубинную особенность публицистики. Устанавливая ценность того или иного объекта, давая телеологическое объяснение поведению субъектов, журналист использует разные семантические виды оценок. Вслед за Н.Д. Арутюновой мы выделяем три класса оценок: сенсорно-психологические, абсолютные – этические и эстетические, а также рациональные⁶. При оценке массивов познаваемой информации в журналистике применяются иные, кроме общепринятых в других сферах, критерии: важность (выделение событий, обладающих наибольшим значением среди других); нравственная, прагматическая, эстетическая, интеллектуальная ценность (определение значимых общественных выгод и человеческих предпочтений); достоверность.

В основе журналистской оценки лежат суждения о том, что особенно ценно в происходящих в данный момент событиях и что плохо, мешает дальнейшему продвижению общества. Следовательно, оценка изначально связана с этикомировоззренческим выбором человека, с определением им собственных позиций относительно справедливости притязаний, допустимого и запретного в отношениях с государством, с другими людьми, партнерами и противниками. Таким образом, в оценочных журналистских текстах устанавливается «соответствие или несоответствие»⁷ фиксируемых событий, ситуаций, процессов, характеристик личности, а также чужих смысловых позиций потребностям, интересам, представлениям тех или иных социальных групп.

Творческие целеустановки данных речевых жанров мы рассматриваем по двум направлениям аксиологической деятельности журналиста. В ответ на информационный запрос журналист со своей точки зрения высказывает мнение о действительности и обосновывает его, выясняя степень ценности: а) тех или иных действий, процессов; б) свойств объектов и особенностей ситуаций. Но

так как свое мнение об объекте вырабатывается в условиях существования множества иных точек зрения, журналист должен выражать свою оценку этих чужих позиций, представленных в виде чьей-то позиции, мнения, устного или письменного высказывания, поэтому последние становятся самостоятельным объектом оценки в журналистских публикациях и вторым направлением аксиологической деятельности журналиста.

Опираясь на указанные целеустановки автора при оценке действительности, можно выделить две группы оценочных жанров направленных на выработку общей с читателем оценки: 1) о действительности; 2) о чужих мнениях. В первой группе жанров выделяются модели, с помощью которых отражается динамика происходящего и наблюдаемая статика. Динамика происходящего отражается в двух классах текстов: во-первых, те, в которых оцениваются результаты, признаки динамики и ее предполагаемые последствия; во-вторых, те, в которых характеризуется механизм изменений, т.е. последовательность действий, совершающихся под влиянием тех или иных причин. Для оценки наблюдаемой статике формируются также два класса текстов: во-первых, характеризующие свойства субъектов и объектов; во-вторых, оценивающие механизм взаимодействия и причинно-следственные взаимосвязи между субъектами и объектами и между сторонами одного объекта. Во вторую группу, воплощающую оценку чужих мнений, входит один жанр.

Целеустановка оценочных текстов во всех случаях корректируется под влиянием фактора адресата, а жанры формируются во взаимодействии с жанровой моделью и направлены на выработку общего с адресатом мнения о сообщаемом.

Каждый тип жанра определяется не только под влиянием выполняемой им целеустановки, но и авторским предвидением характера читатель-

ской реакции. Оценочные жанры представлены не только в вопросо-ответных субжанровых циклах, которые призваны представить ход анализа действительности и выработки мнения о ней, но и в оценочных циклах⁸.

Таким образом, на первом этапе социального ориентирования осуществляется диагностирование действительности, а значит, сбор фактов, информации о политической ситуации и их ценностная обработка, направленная на выявление эмпирических зависимостей. Информационные и оценочные жанры направлены на формирование познавательно-ценностной конструкции действительности. Выработка общего с читателем мнения о действительности становится базой для выделения проблемных ситуаций и принятия управленческих решений. Не случайно информационно-оценочные жанры входят как первичные жанры в состав следующей группы вторичных жанров – побудительных, которые отражают заключительную стадию социального ориентирования.

¹ Дроняева Т.С. Констатация факта (семантики и прагматика информационного текста) // Публицистика и информация в современном обществе. М., 2000. С. 156.

² Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. С. 254.

³ Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров. М., 1978. С. 7.

⁴ Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении. Пермь, 2002.

⁵ Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.

⁶ Там же.

⁷ Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М., 2000.

⁸ Солганик Г.Я. Язык публицистических жанров. М., 2005. С. 135.

ИЗУЧЕНИЕ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ» В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖОНА ГОЛСУОРСИ «САГА О ФОРСАЙТАХ»)

М.В. Ползунова

Статья посвящена исследованию речевого жанра «Объяснение в любви» на материале художественного произведения Джона Голсуорси «Сага о Форсайтах». Целью статьи является изучение речевого жанра «Объяснение в любви» в контексте художественной речи. Одно из воплощений «любовного жанра» в литературе – любовь к искусству, к прекрасному. Анализируемый текстовый фрагмент по формальным признакам представляет собой диалог. В статье представлен анализ диалога с точки зрения жанрового воплощения.

Активное изучение речевых жанров началось в 90-х годах XX века русскими учеными-лингвистами (например, Дементьев, Седов, Федосюк, Гольдин, Кожина, Орлова и др.) под воздействием работ М.М. Бахтина.

М.М. Бахтин утверждал, что «проблема речевых жанров – одна из важнейших узловых проблем филологии. Она лежит на границах лингвистики и литературоведения, а также и тех почти совершенно еще не разработанных разделов филологии, которые должны изучать жизнь слова и специфическое использование языка во всех сферах общественной жизни и культуры»¹.

Под речевыми жанрами М.М. Бахтин понимает широкий спектр разнородных письменных и устных тематически и ситуативно обусловленных «типов высказываний», которые охватывают все сферы «человеческой деятельности» и частично пересекаются с литературными жанрами, широко рассматриваемыми в теории литературы². К речевым жанрам М.М. Бахтин причисляет «короткие реплики бытового диалога..., бытовой рассказ, и письмо..., и короткую стандартную военную команду, и развернутый и детализованный приказ, и довольно пестрый репертуар деловых документов..., и разнообразный мир публицистических выступлений». Сюда же он относит «многообразные формы научных выступлений и все литературные жанры»³.

Понимая всю сложность и разнородность категории речевого жанра, он классифицирует жанры с функциональной точки зрения. Так, он различает «первичные / простые» и «вторичные / сложные» речевые жанры, причем последние он определяет как «идеологические» жанры, а также «диалогические» и «монологические», или «специализованные» и «конструктивные», речевые жанры⁴. Эта его классификация основана на положении о том, что первичные речевые жанры интегрированы во вторичные и что речевые жанры имеют внутреннюю структуру.

Очень важным моментом является тот факт, что М.М. Бахтин огромное значение придает стилистическому содержанию речевого высказывания: «Всякое высказывание – устное и письменное, первичное и вторичное в любой сфере речевого общения – индивидуально и, потому, может отразить индивидуальность говорящего (или пишущего), то есть обладать индивидуальным стилем»⁵.

Одной из важнейших задач в лингвистическом жанроведении является разработка таксономии речевых жанров, а также широкое изучение так называемых первичных и вторичных жанров и определение их статуса (по отношению к речевым актам).

Данная статья посвящена исследованию РЖ «Объяснение в любви» на материале художественного произведения Джона Голсуорси «Сага о Форсайтах». Целью статьи является изучение речевого жанра в контексте художественной речи. Одно из воплощений «любовного жанра» в литературе – любовь к искусству, к прекрасному, в каких бы формах оно ни проявлялось: музыка, живопись, поэзия.

Анализируемый нами текстовый фрагмент по формальным признакам представляет собой диалог, особенностью которого является то, что собственно прямой речи в нем очень немного. Образно говоря, имеет место некий «молчаливый» диалог, который возможен лишь между близкими людьми, понимающими друг друга без слов.

По форме подачи это императивный жанр, т.к. присутствуют четко обозначенные адресант (говорящий) и адресат (слушающий); отношения между персонажами предельно гармоничны: РЖ просьбы («Ah! Yes. Let's have 'Orfeo'»; «Play me some Chopin.»; «Beautiful!» he said: «Go on – more Chopin!») чередуется с ее выполнением. Желания адресанта и адресата созвучны, просьбы выполняются с явным удовольствием, вдумчиво, творчески: «She sat a few minutes with her hands on the keys, evidently searching her mind what to give him. Then she began».

Зеленые страницы

Проанализируем диалог с точки зрения жанрового воплощения.

Начинается отрывок с РЖ повествования: «The light was just failing when they went back into the music room.»; «And, cigar in mouth, old Jolion said...»

С самого начала позиция Джона Голсуорси обозначена четкой, похожей на эпиграф фразой, которую нельзя не квалифицировать как РЖ афоризма, с оценочным регулятивом: «By the cigars they smoke, and the composers they love, ye shall know the texture of men's soul». Хотелось обратить внимание на то, что в выбранном фрагменте РЖ повествования, используемый для создания образа Джолиона, очень информативен. Перефразируя Голсуорси, стоит вспомнить русскую пословицу, имеющую сходный смысл: «скажи кто твой друг, и я скажу кто ты». Попробуем убедиться в этом: «Old Jolion could not bear a strong cigar or Wagner's music». Крепкие сигары и музыка Вагнера в чем-то сходны по своей если не негативности, то резкости воздействия на человека. Имело место мнение, что личность и творчество Вагнера вызывали обожание или ненависть (или оба эти чувства). Действительно, «экстремальный» композитор, на любителя (как и крепкие сигары). Напрашивается вывод, что Джолион человек спокойный, уравновешенный, «could not bear» агрессивности и революционности в любых формах.

Далее продолжается обычный на первый взгляд РЖ описания: «He loved Beethoven and Mozart, Handel and Gluck, and Schumann, and, for some occult reason, the operas of Meyerbeer»; «Milton and Byron and Tennyson; of Raphael and Titian; Mozart and Beethoven», передаваемый аллюзией, что указывает на изменение вкуса старого Джолиона в области искусства, его отхождение от канонов «Золотого века» (незыблемых для Форсайтов), и, как следствие, на лояльность, некоторую демократичность его мировоззрения на исходе жизни, на переоценку ценностей, большую легкость восприятия действительности. Примеры метонимии «He loved Beethoven and Mozart, Handel and Gluck, and Schumann...» придают повествованию естественный, разговорный оттенок. Но «думающий» читатель сразу поймет, как много информации содержится в коротком перечислении фамилий. В одном ряду любимых Джолионом композиторов, художников, поэтов стоят настолько разноплановые, порой уникальные люди, гении, что удивляет глубина личности человека, для которого они являлись кумирами, «духовными наставниками». Понять и принять творчество любого из выше перечисленных деятелей – задача не для простака. А собрать их воедино в своей душе и сознании – тем более. Далее продолжается РЖ описания: «but of late years he had been seduced by Chopin, just as in painting he had succumbed to Botticelli», который передается с помощью аллюзии и метонимии. Кто они, сумевшие очаровать и покорить?

Шопен – известнейший композитор, который уже при окончании консерватории был официально удостоен характеристики «музыкальный гений». Музыка Шопена присущи лиризм, тонкость в передаче различных настроений; он обогатил гармонию и фортепианную фактуру; сочетал классичность формы с мелодическим богатством и фантазией. В его фортепианном исполнении глубина и искренность чувств сочетались с изяществом, техническим совершенством. Почти вся музыка Шопена предназначена для фортепиано. Стоит ли пояснять, каким богатым духовным миром, каким общим уровнем должен обладать поклонник Шопена Джолион.

В равной степени это относится и к восприятию художника Боттичелли.

Боттичелли – представитель Раннего Возрождения. Портреты кисти Боттичелли отличает острота воссоздания характеров, тонких, еле уловимых нюансов внутреннего состояния человека. Современники высоко ценили плавность, красоту и тонкость рисунка Боттичелли. Самые прекрасные творения связаны с изображением прекрасных женщин – Венеры, Мадонны, Весны и др. Вот что кроется за этими именами.

Соседство таких персонажей характеризует Джолиона как гармоничную, утонченную, одухотворенную, постоянно развивающуюся личность; с годами («...but of late years...») любовь к прекрасному совершенствуется, поднимается на новые уровни. О новой поэзии, захватившей Джолиона, автор сообщает, используя РЖ описания: «Their poetry... was behind of veil», передаваемый при помощи такого стилистического приема, как сравнение; «their poetry hit no one in the face, but slipped its fingers the ribs and turned and twisted, and melted up the heart». Изобилие связок между однородными членами предложений с помощью союза «and» задает повествованию размеренный поэтический ритм. Лексика, применяемая автором произведения при описании любви Джолиона к искусству, является крайне эмоциональной, ярко выражено любовной, скорее уместной для описания любви к человеку, к женщине: «He loved..., had been seduced..., had succumbed to..., ...but slipped its fingers the ribs and turned and twisted, and melted up the heart... ,...miraculously sad and happy». Стилистический прием персонификации «their poetry ...slipped its fingers the ribs...» усиливает эффект, производимый описанием, в целях более глубокого воздействия на читателя.

Чувство любви к искусству у Джолиона действительно глубокое и всепоглощающее, поскольку, как и большинство по настоящему влюбленных, (РЖ оценочного регулятива с позиции автора): «he did not care a rap so long as he could see the pictures of the one or hear the music of the other». Потому, что влюбленный ничего не должен себе объяснять, любят не «за что-то», а просто потому, что любят, это состояние души. Несмотря на бес-

полезность попыток контролировать душевные процессы, Джолион вполне отдает себе отчет во всем, что с ним происходит, это передается РЖ рассуждения с позиции автора в форме аутодиалога: «In yielding to these tastes he had been conscious of divergence from the standard of the Golden Age», что характеризует его, несмотря на всю тонкость душевной организации, как человека рассудительного и трезвомыслящего.

Особая роль во всем эпизоде отводится образу прекрасной женщины. Линия «искусство – любовь – прекрасная женщина» прослеживается очень четко вообще в творчестве Голсуорси, и особенно ярко в данном фрагменте. Причем, образ женщины «работает» на более полное раскрытие темы «любовь к прекрасному» через усиление и дополнение образа Джолиона. Попробуем пояснить и развернуть этот тезис.

Во-первых, реальный образ прекрасной женщины Ирэн, которая находится рядом, дается посредством РЖ прямого описания – через призму восприятия ее Джолионом посредством сравнения: «This time the resemblance between her and «Chopin» struck him. The swaying he had noticed in her walk was in her playing too, and the Nocturne she had chosen, and the soft darkness of her eyes, the light of her hair, as of moonlight from a golden moon», где изобилие связей между однородными членами предложений при помощи союза «and», как мы уже отметили, оказывает сильное воздействие на читателя. В этот момент прекрасная музыка (поэзия, живопись) и женщина – две неразрывные составляющие гармонии. Любовь к музыке заставляет героя увидеть в женщине то, что он не мог увидеть раньше, что говорит о созидательной силе любви. В то же время, только прекрасная женщина в состоянии заставить испытать «miraculously sad and happy, as one does, standing under a lime tree in full honey flower» и «a sorrowful pleasure, not quite like anything else in the world», исполняя любимого Шопена. Психологическое состояние старого Джолиона автор передает посредством сравнения и такого стилистического приема, как антитеза: «miraculously sad and happy», «a sorrowful pleasure».

Во-вторых, очарование образа Ирэн становится понятнее через РЖ размышления Джолиона в форме эмоциональной реакции: «Not to live one's life again but just stand there and bask in the smile of woman's eyes, and enjoy the bouquet!», передаваемой посредством о вещественной метафоры.

Ощущение прекрасного Джолионом настолько велико, а воздействие музыки Шопена в исполнении Ирэн настолько сильно, что временами он, отдавшись эмоциям, почти теряет связь с реальным миром («He fell slowly in a trance...»), попадая в фантастический мир грез, доступный, пожалуй, только влюбленным.

И снова используется РЖ описания с использованием сказочно-мифологической лексики:

«...but there, too, was a world of sunshine lingering into moonlight, and pools with storks upon them, and bluish trees above, glowing with blurs of wine-red roses and fields of lavender where milk-white cows were grazing, and a woman all shadowy, with dark eyes and a white neck, smiled, holding out her arms; and through air which was like music a star dropped and was caught on cow's horn.»; «Round about him now were fields of gold and silver flowers, white forms swaying in the sunlight, bright birds flying to and fro. All was the summer. Lingering waves of sweetness and regret flooded his soul». Сравнение «wine-red roses», «and a woman all shadowy», «and air which was like music» придают повествованию выразительность. Посредством антитезы «sunshine lingering into moonlight», «a woman...with dark eyes and a white neck», «waves of sweetness and regret» Джон Голсуорси отражает глубину чувств, восприятия прекрасного старым Джолионом. Нарочитое отсутствие союзных слов «...were fields of gold and silver flowers, white forms swaying in the sunlight, bright birds flying to and fro» придает выразительность и драматизм повествованию. Наличие эпитетов «the sunlight», «bluish trees», «wine-red roses», «milk-white cows» и метафоры «fields of gold and silver flowers» делают язык произведения более ярким и красочным. Это не описание природы – это картина внутреннего мира Джолиона, мир его грез, в котором живет прекрасная женщина-призрак «with dark eyes and a white neck», в котором угадывается Ирэн – воплощение идеальной красоты в представлении Джолиона, стоящая в одном ряду с Венерой и Мадонной. Глаза Ирэн – глаза прекрасных женщин с полотен Боттичелли; именно глаза, их очарование доминируют в создании образа Ирэн; глаза, излучающие темный чарующий свет: «with dark eyes»; «...the soft darkness of her eyes...». И это еще одно доказательство великой роли женщины в восприятии мира, в особенности всего того, что мы называем «прекрасным».

Процесс наслаждения музыкой настолько захватывает Джолиона, что с реальностью его, как тонкая нить, связывает только движение руки (информативный РЖ повествования): «...taking the cigar out of his mouth at long intervals, and replacing it», и любимый пес Балтазар, заставивший Джолиона вздрогнуть, лизнув ему руку. Особый интерес представляет линия овеществленной метафоры «old Jolyon's hand». Каждый раз, когда старый Джолион поддается очарованию музыки или воспоминаний, его возвращает в реальность рука собственника – Форсайта. Будучи равнодушным к красоте природы и женщины, способным оценить непроходящие ценности жизни, он все же не в состоянии отказаться от уклада всего своего рода.

«Выныривая» из мира грез, Джолион попадает в реальный мир, где есть реальная Ирэн, восприятие которой автор передает, используя РЖ рассуждения в форме аутодиалога: «Seductive, yes;

nothing of Delilah in her or in that music». В повествовании появляется еще один женский персонаж – Далила. И ее появление кажется не случайным. Прекрасная Далила была женщиной, любовь к которой стала губительной для мифологического Самсона. Чары, которым поддался могучий и непобедимый герой, привели его к гибели. Совсем иное – Ирэн: такая же прекрасная и обворожительная, как Далила, но вдыхающая жизнь в того, с кем она рядом. Общение с ней рождает желание, выраженное автором при помощи овестьствованной метафоры «Not live one's own life again but just stand there and bask in the smile of a woman's eyes, and enjoy the bouquet!»; ее любовь созидательна, ибо способна долгие годы сохранять, как живого, образ погибшего возлюбленного. Введение приема аллюзии «nothing of Delilah in her or in that music» подчеркивает истинность жизненной позиции Ирэн в ее отношении к Босини.

Джолион, оказывается, прекрасно разбирается в мифологии; имена многих героев для него нарицательны. Достаточно упоминания такого имени, как в его сознании возникает соответствующий образ, ассоциирующийся с событиями, вызывающий определенные эмоции. Весомый штрих к портрету Ирэн – то, что все то же самое можно сказать и о ней. Лишнее тому подтверждение – конечная фраза своеобразного диалога героев – случайная фраза, разрушившая идиллию. «You haven't played me 'Che faro'» («Потерял я Эвридику...» рус.). Автор использует прием аллюзии, тем самым проводит яркую, самобытную параллель между чувствами персонажей, выявляет их единение через личные переживания. Для старого Джолиона «Che faro» – это его молодость («A! he thought, Indian summer – that's all!»), для Ирэн – ее погибший возлюбленный. Невольно было упомянуто имя мифологического героя Орфея, символа мужской верности, дважды испытывавшего горе от потери возлюбленной Эвридики. Трагедия этих влюбленных близка Ирэн, «Like Orpheus, she of course – she too was looking her lost one in this hall of memory!». Утрата самого дорогого в жизни помогает старому Джолиону и Ирэн понимать друг друга на уровне подсознания. Сравнения придают повествованию художественную выразительность. Сравнительные обороты у Голсуорси многообразны: «which was like», «as one does», «the resemblance between...», «Like Orpheus...», что говорит о мастерстве писателя, его богатом словарном запасе.

Сочные штрихи к образам героев добавляет РЖ описание психологического жеста, описывающий реакцию Ирэн на эту реплику: «She did not answer, did not move. Suddenly he saw her rise and turn away...», и реакцию на реакцию Ирэн самого Джолиона: «He was conscious of something – some strange upset. Suddenly he saw... and a pang of remorse shot through him». «And, disturbed to the heart, he got up from his chair». Следует жесткая самокритика, оформленная РЖ эмоционального

оценочного рефлексива: «What a clumsy chap!» (метафора), подчеркивающая всю тонкость духовной близости героев, высочайшую степень взаимопонимания внутренних переживаний.

По ходу повествования используются и другие РЖ, звучащие в унисон с основной темой:

РЖ оценочного регулятива в форме внутренней прямой речи: эпитеты «Beautiful piece; she played well – touch of an angel!», гипербола «touch of an angel!» делают повествование эмоционально насыщенным.

РЖ оценочного рефлексива «A! he thought, 'Indian summer – that's all!'»

РЖ беседы в форме прямой речи, содержащей вопрос и ответ: «Would you like some Gluck? He used to write his music in a sunlit garden, with a bottle of Rhine wine beside him».

«Ah! Yes. Let's have 'Orfeo'». Здесь метонимия придает диалогу естественный разговорный оттенок. РЖ рассуждения в форме внутреннего монолога: «So we go out!» he thought. No more beauty! Nothing?» – риторический вопрос относительно сущности бытия отражает склонность старого Джолиона к прагматическим философским размышлениям, а также выдвигает на первый план его любовь к жизни, к ее красоте и гармонии, воплощенной в природе.

Анализируя жанровое воплощение темы «любовь к прекрасному» в данном отрывке, невозможно не обратить внимание на доминирующую роль РЖ повествования и описания в ее раскрытии. Произошло это потому, что автор пошел по пути анализа психологической характеристики персонажей, раскрытие внутреннего образа героев – как реальных (Джолион и Ирэн), так и «нереальных», существующих и живущих в сознании и душе упомянутых персонажей. Эти личности (исторические, мифологические) постоянно незримо присутствуют. Только благодаря их ярким образам, являющимся составной частью Джолиона, его «Я», предельно полно представляется его глубокий внутренний мир; становится понятно все совершенство и высочайший уровень его чувства любви к прекрасному. Усиливает впечатление присутствие образа прекрасной женщины, также привнесенный при помощи РЖ повествования и описания. Этот образ многогранен, поскольку, как мы уже убедились, он не единственный. Но центральный, самый яркий – Ирэн; без сомнения, он является настоящим катализатором восприятия прекрасного. Остальные РЖ работают в унисон в том же направлении, добавляя красок и эмоций, подробней раскрывая тему.

¹ Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., 1996. С. 236.

² Там же. С. 159.

³ Там же. С. 159–160.

⁴ Там же. С. 235.

⁵ Там же. С. 163.

ЭКОНОМИКА: ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЙНОЙ СФЕРЫ И ТЕРМИНОСФЕРЫ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

А.А. Прошина

Кратко рассматривается история формирования и анализируется соотношение понятийной сферы и терминосферы экономики в русском и немецком языках, выявляются их характерные особенности и проводится их сопоставление.

Понятийная сфера определенной области знания представляет собой совокупность всех понятий данной области знания. Совокупность терминов определенной отрасли знания носит название терминосфера¹. Терминосфера не представляет собой единой терминосистемы, ее единицы функционируют в соответствующем подязыке (ЯСЦ), в общенациональном подязыке, а также в различных научных областях. Данный термин вполне применим для экономической терминологии, поскольку экономическая наука крайне неоднородное явление, представляющее собой совокупность множества отраслей, теорий, научных школ и направлений.

Терминосфера является языковым выражением понятийной сферы. Каждая понятийная сфера, стоящая за той или иной терминосферой, имеет свои специфические особенности, свои номинативные доминанты, обусловленные самой природой обозначаемого объекта. Широта охватываемых экономической терминологией понятий находит отражение в семантической структуре, многозначности самого слова «экономика». По определению, данному в «*Большом экономическом словаре*» экономика – это:

«1) хозяйство, совокупность средств, объектов, процессов, используемых людьми для обеспечения жизни, удовлетворения потребностей путем создания необходимых человеку благ, условий и средств существования с применением труда;

2) наука о хозяйстве, способах его ведения людьми, отношениях между людьми в процессе производства, обмена и потребления ограниченных благ, закономерностях протекания хозяйственных процессов»².

Наряду с предметным восприятием экономики как хозяйственной системы и представлением об экономике как совокупности знаний о хозяйственной системе, некоторые авторы склонны видеть в слове «экономика» еще и третье значение. Они характеризуют экономику как отношения, возникающие между людьми в связи с процессами производства, распределения, обмена, потребления товаров и в ходе этих процессов. Так что в целом

экономика – это хозяйство, наука о хозяйстве и хозяйствовании и отношения между людьми в процессе хозяйствования³. Таким образом, существует внутренняя неоднородность и многогранность понятия «экономика».

Итак, модель исходного терминируемого понятия в русском языке выглядит следующим образом (рис. 1).

Рис. 1. Модель исходного терминируемого понятия «экономика»

Определение, данное в словаре DUDEN, «*Ö k o n o m i e – Bezeichnung für die Wirtschaftswissenschaften und für die Wirtschaft*»⁴, позволяет смоделировать терминируемое понятие в немецком языке (рис. 2).

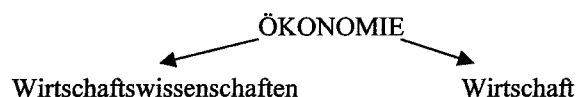

Рис. 2. Модель понятия «экономика» в немецком языке

Данные модели отражают некоторое несовпадение объема понятия «экономика» в русском и немецком языках, но подчеркивают неоднородность данного понятия. Общим в обоих языках является то, что термином «экономика» обозначаются понятия экономики как способа хозяйственной деятельности и как экономической науки. Сама экономическая наука также не является чем-то однородным, и в настоящее время экономическая терминология обслуживает различные отрасли и разделы экономической науки (в немецкой традиции экономических наук – *Wirtschaftswissenschaften*): международная, национальная экономика, экономика предприятия, финансов и множество других, то есть носит междисциплинарный характер.

Зеленые страницы

Таким образом, понятие экономической терминология является общим по отношению к терминологиям различных узкоспециальных разделов экономики, находящихся в сложной взаимосвязи и пересекающихся друг с другом. Причем провести границы в употреблении терминов, находящихся на стыке различных дисциплин, иногда бывает очень сложно или невозможно. Так, например, многие спорные экономические вопросы решаются на правовом уровне. Экономика финансов немыслима без привлечения математики, статистики

и ряда других наук. Менеджмент как деятельность, связанная с управлением предприятием, включает в себя и управление людьми, что связано с психологией, социологией, этикой, культурологией.

Попробуем смоделировать понятие экономической науки в русском (рис. 3) и немецком (рис. 4) языках.

Модель экономической науки в соответствии с отечественной традицией (А.Б. Борисов, Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, В.А. Калашников) выглядит следующим образом.

Рис. 3. Модель понятия «экономическая наука» в русском языке

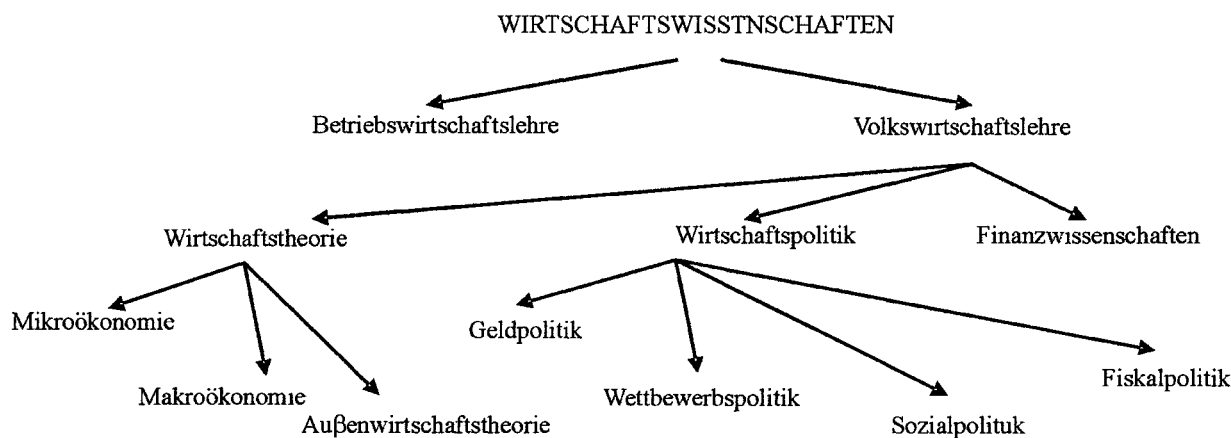

Рис. 4. Модель экономических наук в соответствии с немецкой традицией (К.-D. Grüske, F. Schneider, B. Kirchner)

Данные схемы наглядно показывают сложный, междисциплинарный характер экономики как науки в русском и немецком языках. Понятийный аппарат сферы экономики сложный и комплексный, а экономическая лексика может рассматриваться как целый ряд вполне самостоятельных и автономно функционирующих терминосистем. Кроме того, несмотря на примерное совпадение количества понятийных подсфер в обоих языках и их состав, отношения в них отличаются: понятийная сфера экономики в немецком языке носит более структурированный, проработанный характер, понятийная сфера экономики в русском языке более аморфна, размыта.

Терминология, являясь метаязыком науки, отражает специфику ее развития и современное состояние.

Свое формирование экономическая наука, а вместе с ней и экономическая терминология, начала в глубокой древности с осмысления практических проблем. Слово *экономика* (от др. греч. οἰκονομική) означало «искусство ведения домашнего хозяйства»⁵. Впервые его употребил древнегреческий философ Ксенофонт (IV век до н.э.).

Формирование экономической терминологии происходит неравномерно. Исследователями отмечаются периоды как постепенного, так и скачкообразного, стихийного развития. Это напрямую связано с экономическим развитием страны, поскольку «именно тип и характер социальной деятельности определяет семантическую систему терминов и существенным образом влияет на их грамматическую организацию»⁶.

Возникновение экономической терминологии в России относят к XI веку. В XIV–XVII веках отмечается оживление внешнеэкономической деятельности, в связи с чем интенсивно идет процесс заимствования терминов экономики.

В XVIII веке в языке науки преобладают процессы заимствования и калькирования, что явилось результатом контактов с другими языками. В дальнейшем происходит непрерывное пополнение и развитие терминологии в результате пересмотра и уточнения понятий данной области знания, а также заимствований из родного и других языков недостающих ей элементов.

В XVIII–XIX веках русская экономическая мысль испытывала сильное западное влияние, что связано с переводом на русский язык трудов А.Смита (1802–1806 г.) и Дж. Милля (1860). В 1872 году был сделан перевод на русский язык «Капитала» Маркса⁷. В этот период происходит формирование сначала русской терминологии политической экономии, а затем и экономической терминосистемы в целом.

Особенно сильное влияние на формирование экономической терминосистемы русского языка оказал немецкий язык. В конце XIX, начале XX

века идет активный процесс калькирования и прямого заимствования в экономическую терминологию немецких терминов. Результатом калькирования явились, например, термины *товароборот*, *товародвижение*, *основной капитал*, *заработная плата*, *векселедержатель*, *перепроизводство*, *платежеспособность*, *кредитоспособность*.

В послереволюционный период активизировался процесс аббревиации, были созданы, например, термины *госплан*, *нархозяйство*. Бурное развитие экономической терминологии пришлось на период НЭПа, что связано с политико-экономическими реформами, а также с развитием научной экономической мысли, которая в этот период стремительно развивалась. С начала 30-х годов наблюдается крайняя идеологизация экономической науки, что привело к изоляции отечественной науки от мирового процесса наращивания экономического знания и созданию собственной терминологии. В течение нескольких десятилетий истинной экономической наукой признавалась исключительно марксистская политэкономия, все остальные научные течения считались буржуазными, следовательно, ошибочными. Идеологизация экономической мысли нашла свое отражение в терминологии. Многие термины имели двойное толкование, функционируя в оппозиции свой – чужой, в языковом сознании закреплялись идеологические оценки значения, например:

- *прибыль*: «*прибыль капиталистическая* – превращенная форма прибавочной стоимости, выступающая как излишек выручки над затратами капитала и присваиваемая безвозмездно капиталистом»; «*прибыль социалистических предприятий* – одна из форм чистого дохода социалистического общества»;

- *банк*: «а) в социалистических странах: государственное учреждение, осуществляющее в соответствии с народнохозяйственным планом кредитование текущей деятельности предприятий и финансирование капиталовложений, организующее безналичные денежные расчеты между предприятиями и централизованный кругооборот наличных средств; б) в капиталистических странах: предприятие, концентрирующее ссудный капитал и предоставляющее его в распоряжение капиталистов для получения прибыли и сверхприбыли»⁸.

Происходящие в наше время в русском языке процессы ставятся лингвистами в один ряд с теми, которые наблюдались в петровскую эпоху и в послереволюционный период. Бурные языковые изменения обусловлены экономическими, политическими и социальными изменениями. «Коренные изменения в экономике породили множество процессов и структур, требующих совершенно иного подхода к их изучению и применению. Естественно, возникла необходимость использования соответствующей терминологии, описывающей дан-

ные явления»⁹. В настоящее время в ЯСЦ экономики «изменились основополагающие принципы, трансформировалась сама парадигма общения», что требует трансформации и существенной переориентации основополагающих понятий, пересмотр и преобразование всего терминологического аппарата экономической науки¹⁰.

В связи с происходящими переменами в экономической терминологии наблюдаются следующие явления: отсутствие четких однозначных и общепризнанных определений терминов экономической науки, в том числе основных, базовых; выраженная избыточность многих терминов; отсутствие единой терминологической базы в связи с путаницей в базисных понятиях; наличие большого количества многословных терминов и различного рода описательных выражений, заменяющих термины; наличие большого количества синонимов, омонимов и заимствований из других языков. Для экономической лексики русского языка характерны также некоторые специфические процессы: уходит из употребления часть экономической лексики, относящаяся к реалиям плановой экономики; происходят изменения семантики многих терминов, наблюдается процесс деидеологизации терминов.

Итак, в результате политических изменений, новая экономическая реальность нашей страны и отражающая ее терминосфера находятся в стадии бурного развития, становления.

В развитии экономической терминологии Германии можно выделить несколько периодов, когда в нее мощным потоком вливаются слова из других языков. Так, в период с XIV по XVII вв. немецкий язык обогащается большим количеством итальянских торговых терминов, например: *der Kredit, die Bank, netto, das Konto, das Kapital, brutto, das Saldo, die Bilanz, die Konkurrenz*.

В следующем периоде (XVIII век) влияние итальянского языка снижается, зато значительно возрастает воздействие французского. К этому периоду относятся, например, *das Budget, die Produktion, die Reklame, die Finanz* и многие другие. В XIX веке немецкий язык заимствует большое количество экономических терминов английского происхождения, (например, *der Partner, der Schek, der Export, der Import, der Konzern*), что обусловлено влиянием на феодально-раздробленную Германию индустриально развитой Англии.

Следует отметить, что наряду с заимствованными терминами продолжают существовать и исконные, например: *der Kredit – das Darlehen, die Bank – das Geldhaus, das Kapital – das Vermögen, die Bilanz – die Schlußabrechnung, die Konkurrenz – der Wettbewerb, das Budget – der Haushaltsplan, die Produktion – die Herstellung, die Reklame – die Werbung, die Finanz – das Geld, der Export – die Ausfuhr, der Import – die Einfuhr*¹¹.

С середины XX столетия, после долгого господства пуристических тенденций во времена нацизма, развитие немецкой экономической терминологии идет в двух направлениях. Послевоенное разделение Германии на два государства привело к тому, что в них сложились две совершенно различные экономические модели и, соответственно, две совершенно различные терминосистемы. ФРГ, принявшая за образец экономическую систему США, начинает активно впитывать англо-американские термины (*der Manager, das Management, das Marketing, die Holding, die Rezession* и многие другие), причем все чаще наблюдается отсутствие немецких эквивалентов к заимствованным терминам. Процесс заимствования идет настолько мощно, что «профессора экономических факультетов говорят сейчас об американизации данной терминологии»¹².

В экономической лексике ГДР в этот период появляется много терминов, заимствованных из русского языка: *Aktiv, Aktivist, Normativ, Brigade*.

После объединения Германии начался активный процесс перестраивания экономики ГДР по образцу более развитой ФРГ и в настоящее время можно говорить о переносе экономической терминосистемы бывшей ФРГ на всю страну. В целом же можно констатировать, что экономическая терминосистема немецкого языка носит вполне сформировавшийся, устойчивый характер¹³.

Итак, специфика экономической терминосферы состоит в том, что в ней, наряду с экономическими терминами (относящимися, как уже было сказано, к различным отраслям экономической науки), функционируют и термины, привлеченные из других терминосистем. Экономическая лексика представляет собой сложное, многоплановое, гетерогенное образование. Понятийная сфера экономики и экономическая терминосфера немецкого языка носит вполне устойчивый, сформировавшийся характер, а понятийная сфера экономики русского языка и обслуживающая ее терминология находятся в стадии формирования.

¹ Кияк Т.Р. Лингвистические аспекты терминоведения: учебное пособие. Киев, 1989. С. 102.

² Борисов А.Б. Большой экономический словарь. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Книжный мир, 2005. С. 827–828.

³ Курс экономики: учебник (Серия «Высшее образование») / Под ред. Б.А.Райзберга. 3-е изд., доп. М., 2001. С. 7–8.

⁴ «Экономика – обозначает экономические науки и хозяйство (хозяйствование)». DUDEN: Das Lexikon der Wirtschaft. Grundlegendes Wissen von A bis Z. Dudenverlag, 2001. S. 36.

⁵ Новейший словарь иностранных слов и выражений. М.: Современный литератор, 2003. С. 931.

⁶ Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: учебное пособие для филол. спец. вузов. М., 1987. С. 14.

⁷ История экономических учений: учебное пособие/ под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. М., 2000. С. 784.

⁸ Баран О.В. Сопоставление экономических терминосистем во французском и русском языках в аспекте современной неологии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. С. 103.

⁸ Борисов А.Б., Цит. соч., С. 2.

¹⁰ Авербух К.Я. LSP рыночной экономики // Лексика и лексикография. М., 2004. С. 4.

¹¹ Константинова Н. Тенденции развития терминологических интернационализмов в экономической лексике немецкого языка // Актуальные проблемы языкознания. М., 1998. С. 184–188.

¹² Зарипова А.Н. Экономическая терминология в немецком, русском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. С. 132.

¹³ Зарипова А.Н. Цит. соч., С. 140.

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬ КАК РЕАЛИЗАТОР ПРАГМАТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ФОРМ ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»)

Е.В. Урумашвили

Статья посвящена рассмотрению прагматических аспектов художественного текста на примере использования грамматической категории времени глагола. Реализатором прагматических функций грамматических форм, используемых в коммуникативной ситуации нарратива выступает субъект речевого взаимодействия – повествователь, который является «распорядителем» всей системы эгоцентрических элементов языка.

В настоящее время не подвергается сомнению факт связи языка с человеком и его языковой деятельностью. Многие исследователи заявляют о необходимости изучения прагматического в языке (Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева, В.Г. Гак, Ф. Кифер, Т.Г. Винокур, В.В. Богданов, А.В. Алферов, Т.В. Матвеева).

Выделение прагматики текста в качестве области лингвистических исследований произошло в 60–70-х годах двадцатого столетия и было стимулировано теорией речевых актов Дж. Остина, Дж. Р. Сёрля и др., прагматической теорией значения П. Грейса и прагматической теорией референции Дж. Сёрля, П. Ф. Стросона и др. В современной лингвистике сложилось отношение к прагматике как к аспекту изучения языка, выделяющему и исследующему единицы языка в их отношении к лицу или лицам, которые их создают, принимают и понимают. Такая трактовка объекта прагматики находит подтверждение в основных определениях прагматики в лингвистической литературе. В основе прагматики лежит теория речевой деятельности, языковые факты изучаются как принадлежащие личности речевые действия, оказывающие определенное действие на речевого партнера, – речевые акты, которые рассматриваются с учетом социальной, ситуативной, психологической и культурной обусловленности. Настоящая статья посвящена рассмотрению прагматических аспектов художественного текста на примере использования грамматической категории времени глагола.

Прагматический подход к исследованию художественного текста не может не учитывать понятие «человеческий фактор». Прагматика текста ориентируется прежде всего на субъекта языкового общения, опирается на реализуемые говорящим коммуникативные цели. Прагмалингвистика, изучающая отношения знаков к интерпретаторам, рассматривает художественный текст как средство

выражения намерения автора передать читателю сообщение и оказать на него определенное воздействие.

Рассматриваемая нами грамматическая категория (категория времени глагола) а priori обладает прагматическими функциями как одна из самых субъективных, и только изучение этих функций может выявить все те модальные оттенки в значениях грамматических форм, которые неразрывно связаны с эмоциональной сферой личности, ведь именно оценка – наиболее яркий представитель прагматического значения. Исследование проблемы употребления грамматических форм времени глагола в художественном тексте с точки зрения прагмалингвистики позволяет определить причины, побуждающие автора употреблять ту или иную грамматическую форму в определенной ситуации, т. е. определить ситуативную мотивировку употребления грамматической формы.

Автор художественного произведения стремится не только передать читателю определенную формально-логическую информацию, но и научить его мыслить, проникать в смысловую глубину текста, которая в значительной степени формируется коннотативными смыслами. При этом далеко не последнюю роль играет выбор автором соответствующей глагольной формы среди всех ее функциональных вариантов.

Организирующим центром художественного текста как целостной замкнутой структуры является категория образа автора. Антропоцентрический характер повествования определяется взаимодействием автора произведения с читателем, которое осуществляется через рассказчика и систему действующих лиц.

Как и любое речевое произведение, художественный текст характеризуется прежде всего своим субъектом речи. И если в разговорном языке это говорящий, то в коммуникативной ситуации

нарратива «аналогом говорящего является повествователь: именно повествователь оказывается тем субъектом сознания, который непосредственно воплощен в тексте и с которым имеет дело читатель. Он же становится центром всей системы пространственно-временных координат, содержащейся в любом повествовательном тексте»¹. Поэтому данную коммуникативную ситуацию можно представить как взаимодействие «повествователь – читатель». Повествователь остается распорядителем всей системы эгоцентрических элементов языка (в той мере, в какой она ему доступна в условиях указанной коммуникативной ситуации) и основным реализатором прагматических функций. Наиболее плодотворным с точки зрения рассматриваемой проблематики является изучение прозы послепушкинского периода, поскольку при переходе к реализму происходит постепенное вытеснение авторского начала и развитие повествования, передающего точку зрения персонажа.

Анализируемый нами роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» чрезвычайно интересен с точки зрения рассматриваемых проблем: в этом произведении выбор грамматических форм времени наиболее прагматически обусловлен. Данному утверждению способствует само построение романа: в русле рассматриваемой проблематики значимым является наличие трех «Я», от имени которых ведется повествование: «Я» автора (странствующего офицера), «Я» Печорина и «Я» Максима Максимыча. В первой части романа («Бэла» и «Максим Максимыч») действуют все трое, но повествование автора перемежается только с повествованием Максима Максимыча, которому, как рассказчику, принадлежит в «Бэле» основная, ведущая роль. Вторая часть романа включает три новеллы («Тамань», «Княжна Мери» и «Фаталист»), объединенные образом Печорина, это его записки, сопровождаемые предисловием автора («Княжна Мери»). В романе М.Ю. Лермонтова мы имеем дело с субъективированным повествованием, формально выраженным первым лицом единственного числа (перволичная повествовательная форма – Е. В. Падучева), которое ведется персонифицированным рассказчиком (т. е. таким, который сам является персонажем), прагматически мотивированным: он либо излагает собственную историю, либо описывает события, которые сам наблюдал. Иначе говоря, это диегетический повествователь, выраженный эксплицитно: его личность не скрыта от читателя, а, напротив, в большей или меньшей степени выдвинута на авансцену (ср. ситуацию, когда повествователь не входит во внутренний мир текста, т. е. является экзегетическим. Такой повествователь выражен всегда имплицитно – это всезнающий сторонний наблюдатель, которому доступны не только внешний, но и внутренний мир персонажа, для которого открыты их чувства и переживания. Отсутствие указания на источники своих знаний о событиях и пер-

сонажах, анонимность повествования, отсутствие субъективной оценки и повествование в форме третьего лица создают у читателя представление об объективности описания происходящего). Использование форм времени при субъективированном повествовании обладает признаком личностной характеристики, под которым А. В. Бондарко понимает «актуальное для говорящего (пишущего) отношение времени обозначаемой ситуации к времени речи – отношение, представляющее собой компонент «субъективного речевого смысла»². Признак личностной характеристики делает субъективированное повествование более экспрессивным, чем повествование от третьего лица.

Рассмотрим использование функциональных вариантов форм времени глагола в романе на примере образа главного героя – Григория Александровича Печорина.

Одна из особенностей, примет, «сигналов» печоринского повествования – широкое использование формы настоящего времени в разных вариантах. Печоринское повествование неоднородно в структурно-семантическом отношении. Значительное место принадлежит в нем описаниям различных типов. Например, при описании картин Кавказа Печорин использует форму настоящего изобразительного, которое в основном и является приметой литературно-художественного описания:

«Ветки цветущих черешен смотрят мне в окна... Вид с трех сторон у меня чудесный. На запад пятиглавый Бешту синее, как «последняя туча рассеянной бури», на север поднимается Машук, как мохнатая Персидская шапка, и закрывает всю эту часть небосклона. На восток смотреть веселее: внизу передо мною нестрепет чистенький, новенький городок; шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа, – а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы все синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльборусом» («Княжна Мери»).

Описываемая ситуация в данном случае синхронна настоящему времени наблюдателя-повествователя. Результатом использования формы настоящего изобразительного является эффект присутствия в соответствующем месте в соответствующее время и непосредственного восприятия вместе с автором изображаемого пейзажа. Данный эффект отсутствовал бы, если бы рассказчик использовал формы прошедшего изобразительного (т. е. те формы, которые предпочитает в сходных речевых ситуациях странствующий офицер, являющийся автором-рассказчиком в повестях «Бэла» и «Максим Максимыч»). Употребление Печоринским форм настоящего изобразительного ненавязчиво указывает нам на некоторую «лингвистическую компетенцию» героя, проявляющуюся в неосознанном, интуитивно осуществляемом выборе

Зеленые страницы

того варианта грамматической формы, который поможет читателю наиболее точно представить описываемые картины.

Среди описаний, широко представленных в печоринском повествовании, можно выделить характеристику (в виде обобщения) других персонажей. В данном случае используется разновидность варианта абстрактного настоящего – «настоящее качественное» (термин А. В. Бондарко). К значению обобщающего действия в широком плане настоящего здесь присоединяется дополнительный оттенок качественной характеристики субъекта. Между значением общности, обобщенности и квалифицирующим оттенком есть внутренняя связь: действие, осуществляющееся обычно, обладающее той или иной степенью регулярности, становится признаком субъекта. Динамический признак становится вместе с тем признаком качественным. Такова, например, следующая характеристика: «Подымаясь по узкой тропинке к Елисаветинскому источнику, я обогнал толпу мужчин, штатских и военных, которые, как я узнал после, составляют особенный класс людей между чающими движения воды. Они **пьют** – однако не воду, гуляют мало, **волочатся** только мимоходом; они **играют** и **жалуются** на скуку. Они **франты**: опуская свой оплетенный стакан в колодезь кислосерной воды, они **принимают** академические позы; штатские **носят** светло-голубые галстуки, военные **выпускают** из-за воротника брызжжи. Они **исповедывают** глубокое презрение к провинциальным домам и **вздыхают** о столичных аристократических гостиных, куда их не пускают» («Княжна Мери»).

Подобные формы используются также при характеристике Грушницкого: «Он **закидывает** голову назад, когда **говорит**, и поминутно **крутит** усы левой рукой, ибо правой **опирается** на костыль. **Говорит** он скоро и вычурно: он из тех людей, которые на все случаи жизни **имеют** готовые пышные фразы, которых просто прекрасное **не трогают** и которые важно **драпируются** в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания. Производит эффект – их наслаждение: они **нравятся** романтическим провинциалкам до безумия. Под старость они **делаются** либо мирными помещиками, либо пьяницами – иногда тем и другим. В их душе часто много добрых свойств, но ни на грош поэзии. Грушницкого **страсть** была декламировать: он **закидывал** вас словами, как скоро разговор выходил из круга обыкновенных понятий; спорить с ним я никогда не мог. Он **не отвечает** на ваши возражения, он вас **не слушает**. Только что вы остановитесь, он **начинает** длинную тираду, по видимому имеющую какую-то связь с тем, что вы сказали, но которая в самом деле есть только продолжение его собственной речи. Он довольно **остер**: эпитаммы его часто забавны, но никогда не бывают метки и злы: он никого не уьет одним

словом; он **не знает** людей и их слабых струн, потому что занимался целую жизнь одним собою. Его цель – сделаться героем романа... он так **гордо носит** свою толстую солдатскую шинель... Грушницкий **слывет** отличным храбрецом; я его видел в деле: он **махает** шашкой, **кричит** и **бросается вперед**, зажмуря глаза. Это что-то не русская храбрость! ... Впрочем, в те минуты, когда **сбрасывает** трагическую мантию, Грушницкий довольно мил и забавен. Мне любопытно видеть его с женищинами: тут-то он, я думаю, **стареется**» («Княжна Мери»).

Все эти описания лаконичны и вместе с тем ярки и выразительны. Большое значение имеет распространение глагола в контексте, наличие при нем зависимых слов соответствующей семантики: множество слов, содержащих оценочный элемент (**франты**, **презрение к провинциальным домам**, **возвышенные страсти**, **исключительные страдания**, **драпируются в необыкновенные чувства**, **нравятся до безумия**, **романтические провинциалки**, **ни на грош поэзии**, **страсть декламировать**, **закидывал словами**, **начинает длинную тираду**, **слывет храбрецом**, **бросается вперед**, **сбрасывает трагическую мантию**), наличие качественных прилагательных (**голубые галстуки**, **глубокое презрение**, **готовые пышные фразы**, **необыкновенные чувства**, **много добрых свойств**, **длинная тирада**, **довольно остер**, **эпитаммы забавны**, **но не метки и злы**, **слабые струны**, **толстая солдатская шинель**, **отличный храбрец**, **довольно мил и забавен**) и качественных наречий (**гуляют мало**, **говорит скоро** и **вычурно**, **важно драпируются**, **гордо носит шинель**).

На широком использовании форм настоящего качественного построена и самохарактеристика Печорина: «Я давно уже **живу не сердцем**, головою. Я **взвешиваю** и **разбираю** свои собственные страсти и поступки с строгим любопытством, но без участия. Во мне два человека: один **живет** в полном смысле этого слова, другой **мыслит и судит** его...» («Княжна Мери»). Интересным является тот факт, что странствующий офицер, рисуя портрет Печорина в I части романа («Максим Максимыч»), использует в основном формы прошедшего времени несовершенного вида: «Он **был** среднего роста; **стройный**, тонкий стан его и широкие плечи **доказывали** крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов... Его походка **была** небрежна и ленива, но я заметил, что он не **размахивал** руками – верный признак некоторой скрытности характера. ... В его улыбке **было** что-то детское. Его кожа **имела** какую-то женскую нежность; белокурые волосы, **вьющиеся от природы**, так живописно **обрисовывали** его бледный, благородный лоб... у него **был** немного вздернутый нос, зубы **ослепительной белизны** и карие глаза; о глазах я должен сказать еще несколько

слов. Во-первых, они не смеялись, когда он смеялся!» («Максим Максимыч»).

В печоринском повествовании широко представлены не только описания, одной из грамматических примет которых (несмотря на их семантическое разнообразие) являются варианты парадигматического значения форм настоящего времени. Значительное место принадлежит здесь диалогической речи. При этом если сравнить, например, речь Печорина как одного из участников диалога с речью других действующих лиц, то совершенно очевидна афористичность его речи, построенной опять же на широком использовании форм настоящего времени. К примеру, диалог Печорина и Грушницкого:

– У тебя все шуточки! – сказал он, показывая, будто сердится, – во-первых, она меня еще так мало знает...

– Женщины любят только тех, которых не знают. («Княжна Мери»).

Приведенный отрывок еще раз подтверждает тот факт, что при всей лаконичности своей речи Печорин «выбирает» наиболее прагматически обоснованные функциональные варианты формы настоящего времени.

При рассмотрении функциональных вариантов форм настоящего времени следует особо отметить их роль в журнале Печорина. Здесь специфика использования грамматических форм может служить характерной приметой жанра, выступать как «жанрообразующий» языковой элемент (М. Бахтин). Так, в произведениях автобиографической прозы регулярно используется транспозиция временных форм глагола, выполняющая определенные композиционные функции.

Транспозиция настоящего в план прошедшего формирует значение «настоящего исторического». Нами выделено двадцать девять случаев употребления формы настоящего исторического в журнале Печорина. Здесь между читателем и героем нет посредников, субъективное самосознание героя и его субъективное восприятие становится той призмой, сквозь которую так или иначе пропущен весь материал. Причину своего «живого» повествования объясняет сам Печорин: «Нет в мире человека, над которым бы прошедшее (здесь и далее подчеркнуто нами – Е. У.) приобретало бы такую власть, как надо мною. Всякое напоминание о минувшей печали или радости болезненно ударяет в мою душу и извлекает из нее все те же звуки... Я глупо создан: ничего не забываю, ничего!» И далее: «Как же прошедшее ясно и резко отложилось в моей памяти! Ни одной черты, ни одного оттенка не стерло время!» («Княжна Мери»).

Вот Печорин приехал в Тамань и пытается найти «казенную квартиру»:

«При мне исправлял должность денщика линейский казак. Велев ему выложить чемодан и отпустить извозчика, я стал звать хозяина –

молчат, стучу – молчат... что это? Наконец из сеней выполз мальчик лет четырнадцати» («Тамань»).

Перед нами динамическое и краткое описание действий Печорина. В этой разговорной, чисто глагольной конструкции, в ее интонационном ритме – картинность и зримость изображаемого. Динамизм, наглядность и конкретная осязаемость происходящего возникает здесь за счет безошибочно подобранных форм настоящего исторического, которые передают совершенно точно и эмоциональное состояние героя (чувство нервной настороженности), и характер ситуации.

Особо сценическое, зримое, конкретно ощущаемое описание получают у Печорина эпизоды, связанные с Верой: «Сегодня я встал поздно; прихожу к колодезю – никого уже нет. Становилось жарко... Размышляя таким образом, я подошел к самому гроту. Смотрю: в прохладной тени его свода, на каменной скамье сидит женщина, в соломенной шляпке, окутанная черной шалью, опустив голову на грудь» («Княжна Мери»). Для Печорина Вера – это нечто большее, чем прежняя любовь, как он сам пишет, «она единственная женщина в мире, которую я не в силах был бы обмануть», «воспоминание о ней останется неприкосновенным в душе моей». Это единственная женщина, которая понимала его и любила таким, какой он есть. Вот почему Печорин с такой болью воспринимает потерю Веры, которая стала для него «дороже всего на свете – дороже жизни, чести, счастья». Он мчится за ней, чтобы «одну минуту, еще одну минуту видеть ее, проститься, пожать ее руку...» и загоняет коня насмерть: «Я проворно соскочил, хочу поднять его, дергаю за повод – напрасно: едва слышный стон вырвался сквозь стиснутые его зубы; через несколько минут он издох; я остался в степи один, потеряв последнюю надежду; попробовал идти пешком – ноги мои подкосились, изнуренный тревогами дня и бессонницей, я упал на мокрую траву и как ребенок заплакал». Формы «настоящего исторического» в приведенном отрывке наиболее точно передают врезавшиеся в память воспоминания.

Другой функциональный вариант формы настоящего времени – настоящее намеченного действия – используется в романе всего шесть раз и только в речи Печорина, что тоже является показательным: оттенок неизбежности, которым обладают данные формы, как нельзя лучше выражает мировоззрение героя, ведь его жизненное кредо: «своей судьбы не минувешь». Решимость Печорина проявляется в самые кульминационные моменты его жизни. Вот, например, его разговор с доктором Вернером накануне дуэли:

– Ни за что на свете, доктор! Будьте спокойны, я им не поддамся.

– Что же вы хотите делать?

– Это моя тайна.

Зеленые страницы

– *Смотрите, не попадитесь...ведь на шести шагах!*

– *Доктор, я вас жду завтра в четыре часа; лошади будут готовы... Прощайте.* («Княжна Мери»).

Форма настоящего намеченного действия представляет названное действие так, как будто оно уже осуществилось.

Таким образом, в художественном тексте реализация прагматических функций грамматических форм при субъективированном повествовании осуществляется с точки зрения повествователя, который является аналогом говорящего в кано-

нической речевой ситуации. Поэтому выбор грамматических форм обусловлен прагматическими факторами, определяемыми интенцией повествователя, его «коммуникативной стратегией».

¹ Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке). Семантика нарратива / Е.В. Падучева. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 202.

² Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени / А.В. Бондарко. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1999. С. 89.

МИЛИТАРНАЯ МЕТАФОРА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА ДЖОНА ГОЛСУОРСИ

И.Н. Фурсова

Статья посвящена исследованию метафоры в соответствии с представлениями когнитивной лингвистики. Целью данной статьи является выявление закономерности индивидуального отражательного процесса, а следовательно, и закономерности художественного мышления и воображения Голсуорси. Анализ метафорической системы Голсуорси позволяет выделить милитарную метафору как один из способов метафорического проецирования действительности. В рамках милитарной метафоры было выявлено и проанализировано 4 основных метафорических модели. Проведенный анализ показал, что такие концепты как «жизнь» и «человек» неразрывно связаны с концептом «война» и представляет собой средоточие негативных эмоций, вызывающих чувство тревоги и обреченности. Однако не все метафорические модели характеризуются высокой продуктивностью, что объясняется, прежде всего, особенностями художественного мышления автора.

В конце 20 века началось активное изучение метафоры в парадигмах когнитивной лингвистики. Основные положения когнитивного подхода в зарубежной лингвистике отражены в работах М. Бирдсли, М. Блэка, М. Джонсона, Д. Дэвидсона, Е. Киттей, Дж. Лакоффа, М. Тернера, А. Ченки и многих других. В отечественном языкознании проблемы продуцирования и систематизации метафор в рамках когнитивного подхода рассматривались в работах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А.Н. Баранова, В.Г. Гака, Л.Д. Гудкова, В.З. Демьянкова, Ю.Н. Караулова, Е.С. Кубряковой, М.В. Никитина, В.В. Петрова, Г.Н. Складневской, А.П. Чудинова и многих других. Суммируя анализ работ по когнитивной лингвистике можно утверждать, что когнитивный подход к метафоре связан с поиском заключенных в ней глубинных значений, в данном случае метафора понимается как способ мышления, восприятия мира и создания некоторой картины мира, основанной на уже имеющемся знании. С когнитивной точки зрения метафорическое значение возникает в результате переноса знаний из одной понятийной области в другую. Каждый образ, заключенный в метафоре, существует в ряду других образов, различных внешне, но сходных в глубинном смысле. Поэтому предполагается, что человек мыслит по определенным схемам, моделям, благодаря которым в словесном творчестве возникают одни и те же образы. В соответствии с представлениями когнитивной лингвистики метафорическая модель является типовым соотношением семантики находящейся в отношениях непосредственной мотивации первичных и вторичных значений, выступающих в виде образца для возникновения новых вторичных значений¹.

Определенный набор метафорических моделей, присущий человеку, формирует индивиду-

альную картину мира, а анализ художественной ткани произведения позволяет выявить закономерности индивидуального отражательного процесса, следовательно, и закономерности художественного мышления и воображения того или иного автора. Произведения Дж. Голсуорси обладают богатой метафоричностью. Одним из способов метафорического проецирования действительности является применение социоморфной метафорической модели, в рамках которой можно выделить милитарную метафору. Высокая продуктивность и широкие возможности в развертывании милитарной метафоры непосредственно связаны с тем, что сознание человека глубоко милитаризовано. Жизнь для человека – это череда испытаний, противостояний, сражений, побед и поражений. Большая степень милитаризации сознания подкрепляется тем, что на судьбу едва ли не каждого человека приходится война, и поэтому военная лексика – это один из основных источников метафорической экспансии на самых разных этапах развития человеческого сознания. Преодоление трудностей, да и сама жизнь подсознательно актуализируют концепт «войны». Детальная структурированность сферы источника, ее «близость» и «понятность» человеку обосновывают концептуализацию темы войны в художественной картине мира Голсуорси. Данная метафора представлена следующими метафорическими моделями: «абстрактное понятие – это война», «человек – это участник военных действий», «неодушевленный предмет – это участник военных действий» и «элемент природы – это участник военных действий».

Детальное рассмотрение метафорической модели «абстрактное понятие – это война» позволило выявить следующие фреймы:

1. Фрейм «Война и ее разновидности».

Слот 1.1. Битва

Данный слот характеризуется схемой: «жизнь – это война». С самого рождения и до самой смерти человек ведет борьбу с добром и злом, с пороками общества и со своими собственными слабостями. Ожесточенность сражений и желание победы постепенно угасают в человеке и, зачастую, в старости человек уже не борется, а «философски созерцает битвы других».

... and Timothy's was but one of hundreds of such homes in this City of London — the homes of neutral persons of the secure classes, who are out of the battle themselves, and must find their reason for existing, in the battles of others².

...а в необъятном Лондоне дом Тимоти был всего-навсего одним из сотен домов, где живут нейтральные представители обеспеченного класса, те, что уже не участвуют в битвах и ищут оправдания своей жизни в интересе к битвам других людей³.

Лишь смерть способна остановить этот неравный бой и одержать победу над жизнью.

Old Jolyon stood, still as death, his eyes fixed on the body. Who shall tell of what he was thinking? Of himself, when his hair was brown like the hair of that young fellow dead before him? Of himself, with his battle just beginning, the long, long battle he had loved; the battle that was over for this young man almost before it had begun?⁴

Старый Джолион стоял безмолвный, как смерть, и пристально смотрел на труп. Кто знает, о чем он думал? О себе, о том времени, когда волосы его были такие же темные, как волосы этого мертвого юноши? О том, как начиналась его собственная битва, долгая, долгая битва, которую он так любил; битва, которую уже кончил этот молодой человек, кончил, почти не успев начать?⁵

В структуре данного образа лежит стереотипное представление о жизни как о напряженной битве. Прагматический потенциал данного образа усиливается благодаря использованию автором лексической анафоры, параллельных конструкций и риторических вопросов. Данный пример пронизан концептуальными векторами безысходности, тревожности, тоски, что объясняется обреченностью каждого человека на смерть, а, следовательно, на поражение в этой битве.

Слот 1.2. Поединок

У Голсуорси в борьбу вступают не только люди, но красота и чувство стиля.

In this general perfection two kinds of fastidiousness were at war. There lived here a mistress who would have dwelt daintily on a desert island; a master whose daintiness was, as it were, an investment, cultivated by the owner for his advancement, in accordance with the laws of competition. In this conflict throughout the house the woman had gone to the wall⁶.

На общем фоне этого совершенства вели борьбу два различных вида изысканности. Здесь

жила хозяйка, которая могла бы окружить себя изяществом даже на необитаемом острове, и хозяин, утонченность которого была, в сущности говоря, капиталом, одним из средств для достижения жизненных успехов в полном соответствии с законами конкуренции. ...В этом поединке, который велся в стенах дома, женщине пришлось уступить⁷.

Но борьба эта как искра, способная загореться и вмиг погаснуть. Этот «поединок» изначально предрешен и носит междоусобный характер. Несмотря на незначительность этих «поединков» автор умело вплетает их в «ткань» текста, показывая сложность, разноплановость и многоаспектность жизненных баталий, а также выявляя противоречивость союза Сомса и Ирэн.

2. Фрейм «Участники военных действий».

У Голсуорси в военных действиях способен принимать участие не только человек, но и некий «дух» всей семьи. Он как невидимый воин, способен оказать поддержку бессильному человеку в этом неравном бою.

She could not see the tenacious Forsyte spirit working in that thin, tremulous shape against the extravagance of the emotion called up by this outrage on Forsyte principles – the Forsyte spirit deep in there, saying: «You mustn't get into a fantod, it'll never do. You won't digest your lunch. You'll have a fit! All unseen by her, it was doing better work in James than sal volatile»⁸.

Но она не видела, как в этой хилой дрожащей оболочке стойкий дух Форсайтов вступил в борьбу с непоправимым волнением, вызванным таким надруганием над форсайтскими принципами; дух Форсайтов, прочно внедренный в Джемсе, говорил: «Не сходи с ума, не горячись, этим не поможешь, только испортишь себе пищеварение, с тобой случится припадок». И этот невидимый ею дух оказался сильнее брома⁹.

3. Фрейм «Ход войны».

Слот 3.1. Подготовка к войне

Напастям судьбы подвержен не только человек, но и система семейных ценностей Форсайтов или так называемая «семейная гордость».

The fact remained that it was known – whispered among the old, discussed among the young – that family pride must soon receive a blow¹⁰.

Но факт оставался фактом – это было известно: старики шептались об этом, молодежь обсуждала – семейной гордости готовился удар¹¹.

По результатам анализа данной метафорической модели можно сделать вывод, что жизнь по своей сути глубоко милитаризирована, и этот факт негативно отражается на ее восприятии человеком. Концепт «жизнь» неразрывно связан с концептом «война» и представляет собой средоточие негативных эмоций: страдание, боль, поражение, безысходность и многих других. Все эти факторы придают данной метафорической модели отрицательную эмоциональную окраску.

Подробный анализ метафорической модели «человек – это участник военных действий», позволяет выявить следующие фреймы:

1. Фрейм «Участники военных действий»

Слот 1.1. Иерархические отношения военнослужащих

У Голсуорси абсолютно все Форсайты вступают в неравный бой со смертью. Но, как известно, перед смертью все равны. Поэтому автор преднамеренно «уравнивает» своих героев.

*They were all soldiers – he said – in the trenches under the poisonous gas of the Prince of Darkness, and must be manful*¹².

«Мы все солдаты, – сказал он, – сидящие в окопах под ядовитыми газами «князя тьмы», и мы должны держаться мужественно»¹³.

Но во всех остальных отношениях Голсуорси выстраивает четкую иерархию, в результате чего Сомс становится «вожаком», а Миссис Бейнз «полководцем».

*Soames, the pioneer leader of the great Forsythe army advancing to the civilization of this wilderness, felt his spirit daunted by the loneliness, by the invisible singing, and the hot sweet air*¹⁴.

Сомса – вожака головного отряда великой армии Форсайтов, несущих цивилизацию в эту глушь, – угнетали тишина луга, пение незримых жаворонков и душный, пряный воздух¹⁵.

Контраст между практичным Сомсом и живописной, пронизанной недостижимой красотой природой усиливают прагматический потенциал метафоры, раскрывая слабости Форсайта.

*When she entered a room it was felt that something substantial had come in, which was probably the reason of her popularity as a patroness. People liked something substantial when they had paid money for it; and they would look at her – surrounded by her staff in charity ball-rooms, with her high nose and her broad, square figure, attired in a uniform covered with sequins – as though she were a general*¹⁶.

Когда миссис Бейнз входила в комнату, чувствовалось появление чего-то весьма солидного; в этом, вероятно, и заключался секрет ее популярности как дамы-патронессы. Такая солидность по душе людям, которые платят деньги; и на балах они взирали на прямоносную дородную миссис Бейнз, стоявшую в платье с блестками в окружении своих помощников, как на полководца¹⁷.

Это преднамеренное восхваление своих персонажей предназначено обличать пороки общества. Всем известно, что сильными представителями общества являются те, кто богат и наделен властью.

Слот 1.2. Воинские подразделения

В романах Голсуорси перед нами предстают не только отважные и неутомимые войны, но и целая «гвардия» созерцателей чужих битв.

*I dote on it, said the young man; but you and I are the last of the old guard, sir*¹⁸.

Я на ней помешан, – сказал молодой человек.

– Но мы с вами, сэр, последние из старой гвардии¹⁹.

«Старая гвардия» – это лучшие представители рода Форсайтов, которые не ведут бессмысленные бои. У них достаточно мудрости, чтобы смириться с тяготами жизни.

Человек у Голсуорси не лишен активности, что подтверждается появлением следующего фрейма.

2. Фрейм «Деятельность человека – военные действия»

Слот 2.1. Физическая деятельность человека

Человек на протяжении своей жизни должен не только преодолевать трудности и несчастья, но и вести борьбу за любовь. С помощью следующей метафоры автор передает остроту конфликта:

*«You realise, at least, that I've gone out of my way – perhaps dished myself – by telling you. I've not bombed without declaring war*²⁰.

Ты пойми хотя бы, что я себе напортил, – может, угробил себя тем, что сказал тебе. Я не начал бомбардировки без объявления войны²¹.

Уилфрид Дезерт признается Майклу Монту в том, что он любит Флер, жену Майкла. Уилфрид, являясь человеком глубоко порядочным, предпочитает сначала объявить войну, а уж затем начать «бомбардировку» Флер.

Слот 2.2. «Психологическое состояние человека»

Безусловно, конфликты происходят и «внутри» человека. Форсайты, наделенные глубокими эмоциональными и этическими переживаниями вынуждены вести скрытую войну со своими слабостями, пороками и эмоциями. Следует отметить что, исследуемый слот отличается значительным прагматическим потенциалом.

*Jolly's face crimsoned, then clouded. Some struggle was evidently taking place in him; and Val and Holly stared at him, so clearly was that struggle marked; they could even hear him breathing. Then his face cleared up and became oddly resolute*²².

Лицо Джолли вспыхнуло, потом омрачилось. В нем, очевидно, происходила какая-то борьба; Вэл и Холли смотрели на него с изумлением – так заметна была эта борьба; они даже слышали, как он тяжело дышит. Потом лицо его прояснилось и приобрело выражение какой-то странной решимости²³.

3. Фрейм «Вооружение»

Слот 3.1. Оружие вообще (без конкретизации)

Оружие любого вида является неотъемлемым атрибутом участника военных действий.

*Soames, sidling back from the contact of the dancers, took up a position against the wall. Guarding himself with his pale smile, he stood watching*²⁴.

Отступив перед танцующими парами, Сомс занял место у стены. Он вооружился бледной улыбкой и стал смотреть на танцы²⁵.

Оружие по своей сути может быть как сред-

ство нападения, так и средством защиты. Форсайты в вечном страхе огласки и скандала вооружаются, чтобы защититься, скрыть свои эмоции и слабости.

Слот 3.2. Устаревшее оружие

Голсуорси снаряжает Форсайтов доспехами:

Danger – so indispensable in bringing out the fundamental quality of any society, group, or individual – was what the Forsytes scented; the premonition of danger put a burnish on their armour. For the first time, as a family, they appeared to have an instinct of being in contact with some strange and unsafe thing.²⁶

Опасность, неминуемо обнажающую основные черты любого общества, группы или индивидуума, – вот что чуяли Форсайты; предчувствие опасности заставило их навести лоск на свои доспехи. Впервые за все время у семьи появилось инстинктивное чувство непосредственной близости чего-то необычного и ненадежного²⁷.

Данный вид оружия вызывает ассоциацию с рыцарскими доспехами и актуализирует положительную эмоциональную окраску этой метафоры. Для Голсуорси Форсайты не злобные варварские племена, а «рыцари в доспехах» защищающие свои интересы свои принципы и свой род.

4. Фрейм «Ход войны»

Слот 4.1. Подготовка к войне

Война, как и любое другое событие, имеет начало и конец. Тщательно спланированная операция и основательная подготовка к ней гарантирует удачу в вооруженном конфликте.

«Have you seen 'The Buccaneer?» said this licensed wag; 'he's on the warpath – hair cut and everything!²⁸

Видал «пирата»? – спросил этот присяжный остряк. – Он в боевой готовности – подстригся и все такое прочее!²⁹

Концепт «победа» актуализирует ряд положительных ассоциаций таких как: радость, оживление, превосходство.

...and there was the pleasurable excitement of a coming encounter, a coming victory, over James and the «man of property» in the matter of the house³⁰.

испытывал он и приятное оживление при мысли о предстоящем разговоре с Джемсом и «собственником» по поводу дома, о предстоящей победе над ними³¹.

Данная метафорическая модель характеризуется сменой концептуальных векторов и значительным прагматическим потенциалом. С помощью «негативно окрашенных» образов соотносимых с данной моделью автор обращает внимание читателя на социальные беды, такие как неравенство, лицемерное почитание богатства, унижение бедных и духовная слабость человека. Однако иногда автор актуализирует в сознании читателя ряд положительных ассоциаций, наделяя Форсайтов благородством, облачая их в доспехи и вооружая их «бледной улыбкой».

«Мир вещей» также принимает участие в во-

енных конфликтах, что позволяет выделить следующую метафорическую модель: «неодушевленные предметы — участники военных действий».

Фрейм 1. Вооружение

Слот 1.1. Оружие (вообще)

«Мир вещей» вторгается в «мир Форсайта» пробивая его «броню»

There are moments, too, when, in a picture-gallery, a work, noted by the casual spectator as «Titian – remarkably fine», breaks through the defences of some Forsyte better lunched perhaps than his fellows, and holds him spellbound in a kind of ecstasy³².

И бывают такие мгновения, когда картина в музее, отмеченная случайным посетителем, как «Тициана – превосходная вещь», пробивает броню кого-нибудь из Форсайтов, может быть, позавтракавшего в этот день плотнее своих собратьев, и повергает его в состояние, близкое к экстазу³³.

Данная метафора подчеркивает значимость и силу воздействия предметов искусства на «толстокожих, тщательно защищенных» Форсайтов. Используя данный образ, автор подтверждает мысль о том, что только добро и красота способны победить зло и растопить «холодное» и расчетливое сердце Форсайтов. Таким образом, Голсуорси актуализирует идею, что самым сильным оружием может быть только красота.

Слот 1.2. Боеприпасы

Метафоры представляющие этот слот актуализируют эффект неожиданности.

To be in danger of being entirely dispersed inclined one to be less apprehensive of the mere partial dispersions involved in levies and taxation, while the habit of condemning the impudence of the Germans had led naturally to condemning that of Labour, if not openly at least in the sanctuary of his soul³⁴.

Возможность в любую минуту взлететь на воздух приучала относиться более спокойно к взрывам небольших снарядов в виде всяческих обложений и налогов, а привычка ругать немцев за бессовестность, естественно, перерождалась в привычку ругать тред-юнионы – если не открыто, то в тайниках души³⁵.

Фрейм 2. Место военных действий

Метафоры представляющие данный фрейм основываются на нарушении общепризнанного стереотипа: мой дом – моя крепость. Как известно, пространство внутри дома связано с понятиями надежности и защищенности, в то время как у Голсуорси дом выступает местом военных действий.

And all the cruelties and hardness of life, its pathos and unequal chances, its conceit, self-forgetfulness, and patience, were presented on the battlefield of this Kensington ballroom³⁶.

И вся жестокость, вся суровость жизни – ее пафос, ее переменчивое счастье, тщеславие, самопожертвование, покорность – все было здесь, на поле брани кенсингтонской гостиной³⁷.

Данная метафора указывает не только на накал страстей, но и на значимость ситуации. Что могло бы заставить англичанина превратить дом в «поле брани»? – Безусловно, что-то из ряда вон выходящее. Голсуорси использует эту метафору, подготавливая читателя к величайшей трагедии клана Форсайтов – к разрыву отношений Сомса и Ирэн.

Следует отметить, что метафорическая модель «неодушевленные предметы – участники военных действий» большей частью представлена креативными образами, обладающими высоким прагматическим потенциалом и концептуальными векторами тревоги, эмоционального напряжения и неожиданности.

Наименее продуктивной из всех вышеперечисленных моделей является метафорическая модель: «Элемент природы – участник военных действий», которая представлена только одним фреймом.

1. Фрейм «Вооружение»

Слот 1.1. Военная техника

Two white swans came majestically by, while she was reading his letters, followed by their brood of six young swans in a line, with just so much water between each tail and head, a flotilla of grey destroyers³⁸.

Пока она читала письма, два белых лебедя проплыли величественно мимо, а за ними цепочкой их потомство: шесть молодых лебедей друг за дружкой, выдерживая равную дистанцию между каждым хвостом и головой – флотилия серых миноносцев³⁹.

Непродуктивность данной метафорической модели объясняется тем, что у Голсуорси природа не враждебна по своей сути и, ассоциируясь с красотой, актуализирует возвышенные чувства, облагораживает, человека раскрывает все его наилучшие качества. Представленные материалы свидетельствуют о широком распространении военной метафоры в системе образов Джона Голсуорси. Активное использование военной метафоры отражает особенности сознания человека и имеющиеся в нем мощные негативные векторы, а также традиционную для большинства людей расположенность к сильным чувствам и решительным действиям. Многие метафоры пронизаны векторами обреченности и безысходности, свидетельствующими о сомнении автора в способности человека противостоять «катаклизмам» судьбы. Однако ряд метафор обладают векторами тревоги и напряжения иллюстрирующими накал чувств и ожесточенность конфликта. Несмотря на то, что

большинство образов представленных в данной модели стереотипны и относятся к стертым, они обладают высоким прагматическим потенциалом. Высокая эмотивность была достигнута либо путем использования автором таких приемов как лексическая анафора, риторический вопрос или параллельные конструкции либо за счет координально-го нарушения стереотипов.

¹ Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. С. 39.

² Голсуорси Джон. Собственник. Роман на англ. яз. М.: Издательство «Менеджер», 2005. С. 142.

³ Голсуорси Джон. Сага о Форсайтах: Т. 1. Пер. с англ. яз. М.: Худож. лит. 1982. С. 138–139.

⁴ Голсуорси Дж.. Собственник. С. 323.

⁵ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах: Т. 1. С. 288.

⁶ Голсуорси Дж. Собственник. С. 70.

⁷ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах: Т. 1. С. 78.

⁸ Голсуорси Дж. В петле. Роман на англ. яз. М.: Издательство «Менеджер», 2004. С. 42–43.

⁹ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах: Т. 1. С. 369.

¹⁰ Голсуорси Дж. В петле. С. 245.

¹¹ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах: Т. 1. С. 546.

¹² Голсуорси Дж. Сдается в наем. Роман на англ. яз. М.: Издательство «Менеджер», 2004. С. 261.

¹³ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах: Т. 1. С. 812.

¹⁴ Голсуорси Дж. Собственник. С. 67–68.

¹⁵ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах: Т. 1. С. 76.

¹⁶ Голсуорси Дж. Собственник. С. 228.

¹⁷ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах: Т. 1. С. 209–210.

¹⁸ Голсуорси Дж.. Сдается в наем. С. 13.

¹⁹ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах: Т. 1. С. 608.

²⁰ Голсуорси Дж. Белая Обезьяна. Современная комедия. Т.1. Роман на англ. яз. М.: Издательство «Менеджер», 2004. С. 73.

²¹ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах: Т. 2. Пер. с англ. яз. М.: Худож. лит. 1982. С. 58.

²² Голсуорси Дж. В петле. С. 170.

²³ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах: Т. 1. С. 480.

²⁴ Голсуорси Дж. Собственник. С. 191.

²⁵ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах: Т. 1. С. 179.

²⁶ Голсуорси Дж. Собственник. С. 9.

²⁷ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах: Т. 1. С. 28.

²⁸ Голсуорси Дж. Собственник. С. 192.

²⁹ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах: Т. 1. С. 180.

³⁰ Голсуорси Дж. Собственник. С. 321.

³¹ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах: Т. 1. С. 286.

³² Голсуорси Дж. Собственник. С. 196.

³³ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах: Т. 1. С. 184

³⁴ Голсуорси Дж. Сдается в наем. С. 5–6.

³⁵ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах: Т. 1. С. 602.

³⁶ Голсуорси Дж. Собственник. С. 190.

³⁷ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах: Т. 1. С. 179.

³⁸ Голсуорси Дж. Сдается в наем. С. 124.

³⁹ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах: Т. 1. С. 700.

РЕЦЕНЗИИ

О ЮБИЛЕЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ» (ЧЕЛЯБИНСК, ЮУрГУ, 10–14 ДЕКАБРЯ 2007 г.)

А.П. Миньяр-Белоручева

Холодным декабрьским днем Факультет лингвистики Южно-Уральского государственного университета тепло приветствовал своих гостей, которые приехали со всех концов света, чтобы поздравить коллег с юбилеем. Факультет лингвистики отмечал свое десятилетие и почти каждый задавал вопрос: «Это много или мало?» И мудрая, добрая, прекрасная хозяйка торжества – декан факультета лингвистики ЮУрГУ Тамара Николаевна Хомутова отвечала, что с точки зрения истории, это, конечно, мало, но с точки зрения человеческой жизни – это много, потому что десять лет своей жизни преподаватели-энтузиасты, все те, кто находился у истоков создания факультета, беззаветно отдали своему любимому детищу. Факультет разросся до пяти кафедр, на которых работают 10 докторов и 26 кандидатов наук. Преподаватели факультета лингвистики обучают около 17 тысяч студентов всех факультетов ЮУрГУ, среди которых и студенты-лингвисты, преподаватели и переводчики, специалисты в области теоретической и прикладной лингвистики. Выпускники факультета получили прекрасные знания и применяют их по назначению. Это свидетельствует о высоком интеллектуальном уровне преподавания иностранных языков на факультете, а также о потенциале всех тех, кто на нем учится.

Несомненно, создать такой большой факультет с такими прекрасными современнейшими техническими средствами, позволяющими изучать фонетику и грамматику мультимедийно, невозможно без поддержки руководства Южно-Уральского государственного университета: ректора ЮУрГУ д.т.н., проф. А.Л. Шестакова, президента ЮУрГУ, члена-корреспондента РАН Г.П. Вяткина, которые много сделали для того, чтобы преподавание иностранных языков на факультете лингвистики было поставлено на высокий уровень. Свои знания английского языка и переводческое мастерство студенты факультета могли применить на конференции, когда переводили зарубежным гостям и участникам все доклады, которые были озвучены на конференции.

Принять участие в юбилейной конференции, посвященной актуальным проблемам теоретической и прикладной лингвистики, изъявили желание 140 преподавателей, научных работников и

аспирантов из 28 городов всех семи федеральных округов Российской Федерации, а также из Казахстана, Великобритании, США, Дании. Это было истинное торжество науки. Любая конференция является значимой для специалистов, поскольку именно тогда они имеют возможность поделиться своими научными достижениями, рассказать о педагогических наработках и открытиях.

На факультете лингвистики ЮУрГУ ведется большая научно-исследовательская работа. Об этом свидетельствует большое количество научных трудов, учебных пособий, которые выходят как в традиционном бумажном формате, так и мультимедийно. Вероятно, поэтому гостям и хозяевам конференции было интересно общаться друг с другом. На конференции работали восемь секций и два круглых стола.

Большой интерес всех участников конференции вызвало выступление Джона Хатчинса – крупнейшего современного специалиста в области машинного перевода. Джон Хатчинс, профессор из Британии, автор многочисленных трудов по машинному переводу, в прошлом президент Всемирной ассоциации машинного перевода, рассказал об этапах развития этого необычного для человечества перевода, который стал возможным в результате технических послевоенных инноваций. Вторая мировая война – война индустриальных государств – привела к развитию наукоемких технологий и созданию компьютера. И именно с развитием компьютерных программ многие переводчики связывают свои надежды относительно дальнейшей судьбы перевода.

После многолетних поисков, полных надежд и разочарования, был найден компромисс: использовать машинный перевод только при переводе стандартизированных документов, а также ригоризованных, лишенных коннотативности текстов точных наук: математики, физики и других. Но даже сейчас, на далеко не совершенном и незавершенном этапе развития машинного перевода, очевидны его экономические выгоды. И от дальнейшего поиска путей достижения оптимального варианта машинного перевода никто не собирается отказываться. Об этом говорил президент крупнейшей транскандинавской компании по охране

интеллектуальной собственности Вигго Хансен из Дании.

Многие десятилетия исследования в области машинного перевода проводились только в Европе и России. Были достигнуты определенные положительные результаты. Студенты факультета лингвистики ЮУрГУ с интересом и энтузиазмом постигают азы машинного перевода. Своим опытом работы и достижениями в данной области поделилась с коллегами С.О. Шереметьева, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ЮУрГУ, почетный профессор Копенгагенской Высшей Школы Бизнеса (Дания). Интерес к машинному переводу был настолько велик, что круглый стол, на котором обсуждались проблемы, связанные с ним, продолжался почти четыре часа, собрав большое количество студентов и преподавателей факультета лингвистики, а не только участников конференции.

Успех машинного перевода во многом зависит от достижений лингвистов во всех областях. Чрезвычайно специфические проблемы морфологии оказываются важнейшими при решении задач, связанных с машинным переводом. Многие лингвисты, специалисты в области морфологии, и не подозревают, насколько успех машинного перевода зависит от их открытий и что такая чистая наука, наука для науки, как морфология, становится прикладной. Выступления профессора Г.Н. Плотниковой из УрГУ и профессора А.П. Чудинова из УрГПУ имели исключительно большое значение, ибо благодаря им оказалось возможным осознать, что многое в лингвистике осталось еще непознанным и неоткрытым, что мы прикоснулись только к вершине айсберга, а все самое главное, то, что находится ниже уровня воды, до сих пор остается нераскрытым. Остается надеяться, что народы, некогда разобщенные разноязычием при строительстве Вавилонской башни, вновь обретут единый язык благодаря совместным усилиям лингвистов и вновь в мире наступит покой и благоденствие.

На факультете лингвистики ЮУрГУ большое внимание уделяют не только обучению лингвистике, иностранным языкам и переводу, но и пробле-

мам межкультурной коммуникации, поскольку переводчик не должен допускать оплошности на уровне межкультурного общения. Этой проблеме уделила внимание декан факультета иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена из Санкт-Петербурга, профессор Г.В. Елизарова, с большим знанием дела и привлечением большого числа примеров рассказав о полярном отношении россиян и американцев к закону. Неподдельный интерес также вызвал доклад профессора Марка Келлехера из США о практике российско-американской коммуникации.

В ЮУрГУ, благодаря большому количеству гуманитарных, технических, математических и естественнонаучных факультетов, имеется прекрасная возможность изучать язык для специальных целей во всех его разновидностях. Отдельная секция на конференции была посвящена исследованию языка с учетом его профессиональной направленности. Участники секции живо обсуждали особенности языка историка, математика, специалиста по международным отношениям, особенности индивидуально-авторского стиля научной речи. С большим интересом был заслушан доклад профессора Н.В. Баграмовой из РГПУ им. А.И. Герцена о преподавании иностранного языка на неязыковых специальностях вузов. Заседание секции оказалось плодотворным и полезным для всех ее участников.

Гостей юбилейной конференции радовали не только выступления коллег, но и концерт, который подарили им студенты. Это были выступления высочайшего профессионального уровня. Хор, танцевальный ансамбль показали свои наивысшие достижения. Каждое мгновение конференции осталось в анналах истории, ибо каждое мгновение этого выдающегося события освещалось студентами факультета журналистики ЮУрГУ. Для факультета лингвистики эта дружба важна, так как здесь чтят и помнят всех тех, кто в далекие 1940–70-е годы преподавал иностранный язык в университете. Это прекрасно, потому что у всех тех, кто помнит свое прошлое, есть будущее. И будущее факультета лингвистики ЮУрГУ – прекрасно! Им есть и будет чем гордиться!

Доброго пути тебе, факультет!

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Тамбовского высшего военного инженерного училища радиоэлектроники.

Биньковская Мария Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общей лингвистики ЮУрГУ. E-mail: vladimir-chel@yandex.ru

Бровина Анна Викторовна, аспирант кафедры немецкой филологии УрГПУ. Научный руководитель – д.филол.н., профессор Н.В. Пестова.

Власова Юлия Анатольевна, аспирант кафедры культуры речи и профессионального общения ЮУрГУ. Научный руководитель – д.филол.н., профессор Е.В. Харченко.

Вдовина Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка МГИМО(У) МИД России.

Голубева Светлана Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общей лингвистики ЮУрГУ.

Гончарова Наталья Александровна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры педагогической лингвистики Мичуринского государственного педагогического института.

Егорова Лариса Федоровна, доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой иностранных языков Тамбовского высшего военного инженерного училища радиоэлектроники.

Кретинина Галина Вячеславовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Мичуринского государственного педагогического института.

Миньяр-Белоручева Алла Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. e-mail: ostvera@yandex.ru

Павлова Юлия Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Тамбовского высшего военного инженерного училища радиоэлектроники.

Пестова Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии УрГПУ.

Побирченко Анна Михайловна, старший преподаватель кафедры английского языка ЮУрГУ. E-mail: anna-pobirchenko@mail.ru

Ползунова Марина Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Озёрского технологического института (филиала) Московского инженерно-физического института. E-mail: M.Pozunova@kiya.oti.ru

Попова Вера Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры речи и профессионального общения ЮУрГУ.

Прошина Александра Александровна, аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики УрГПУ. Научный руководитель – д.филол.н., профессор З.И. Комарова.

Радченко Елена Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры речи и профессионального общения ЮУрГУ.

Турбина Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общей лингвистики ЮУрГУ.

Урумашвили Евгения Валерьевна, старший преподаватель кафедры русского языка Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Научный руководитель – К.И. Демидова.

Фурсова Ирина Николаевна, старший преподаватель кафедры английского языка ЮУрГУ. Научный руководитель – д.филол.н., профессор А.П. Чудинов. E-mail: juriy@makfa.ru

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой культуры речи и профессионального общения ЮУрГУ.

Хомутова Тамара Николаевна, кандидат филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ЮУрГУ. Декан факультета лингвистики ЮУрГУ. E-mail: tnh@susu.ac.ru.

Черникова Елена Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общей лингвистики ЮУрГУ.

Издательство Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 10.01.2008. Формат 60×84 1/8. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 11,62. Уч.-изд. л. 12,5. Тираж 500 экз. Заказ 2/14.

Отпечатано в типографии издательства ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76.